Три старца

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин),
Протоиерей Николай Гурьянов,
Схиархимандрит Иона (Игнатенко)

ДУХОВНЫЕ УРОКИ,
ПОУЧЕНИЯ И МОЛИТВЫ

Три старца

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин),
Протоиерей Николай Гурьянов,
Схиархимандрит Иона (Игнатенко)

ДУХОВНЫЕ УРОКИ, ПОУЧЕНИЯ И МОЛИТВЫ

Москва
«Ковчег»
2014

ББК 86.372
Т 67

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 14-409-1006

Т 67 **Три старца.** Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), схиархимандрит Иона (Игнатенко), протоиерей Николай Гурьянов. Духовные уроки, поучения и молитвы. *Составление В. Козаченко, Г. Чиняковой.* — М., «Ковчег», 2014. — 288 с.

В этой книге собраны рассказы, воспоминания, поучения и молитвы трех старцев наших времен. Тысячи людей устремлялись в Печоры, в Одессу, на остров Залит (Талабск), чтобы узнать волю Божию, услышать духовный совет, получить помощь в житейских нуждах и исцеление от болезней.

ISBN 978-5-906652-08-9

© В. Козаченко, составление, 2014
© Г. Чинякова, Воспоминания об отце Николае Гурьянове, составление, жизнеописание, 2014
© Оформление, верстка, «Ковчег», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) 7

Духовные уроки отца Иоанна

Слово о малом доброделании 14
У Бога нет ничего невозможного 25
Что становится с жизнью,
когда из нее изгоняется Бог 27
Нельзя возлагать на Бога наши обязанности 30
Родители не могут спастись без своих детей 31
О крестном знамении 32
Как учить и воспитывать современных детей 32
О Покрове Божией Матери над Россией 35
Четыре состояния души человека 36
О године испытаний,
наступившей на Русской земле 42
О наших страданиях 43
Подождем помощи Божией! 46
Сущность всего христианства 48
Об ощутимом действии иконы на нас 50
Как жить? 53
О бытии диавола, о разрушающей,
смертоносной деятельности его 61
...Вера твоя спасла тебя! 75
О тайне беззакония 78
О падении и восстановлении России 87

О блуждании по распутиям жизни и чуде встречи с Богом 87
В чем причина нашего нестроения 92
О воле Божией, воли вражьей и воле своей ... 92
Будем учиться вере 98
Путь, ведущий к Богу 98
Что такое храм для верующего человека? 100
О церковной молитве 101
О вспыльчивости и раздражительности 102
Что значит покаяться? 103
Что означает быть православным христианином 106
Духовная слепота — главное бедствие нашего времени 106
Чем проверяется наша преданность Христу 107
В чем состоит свобода и спасение 108

Молитвы, собранные отцом Иоанном

Молитва о даровании молитвы 110
Молитва Кресту 112
Молитва о близких 112
Молитва родителей за детей своих 113
Молитва матери о неверующих, болящих и страждущих детях 114
Молитва святым Архангелам и Ангелам 114
Молитвенное обращение к Ангелу Хранителю 115

Некоторые из наставлений, которыми одаривал отец Иоанн своих чад

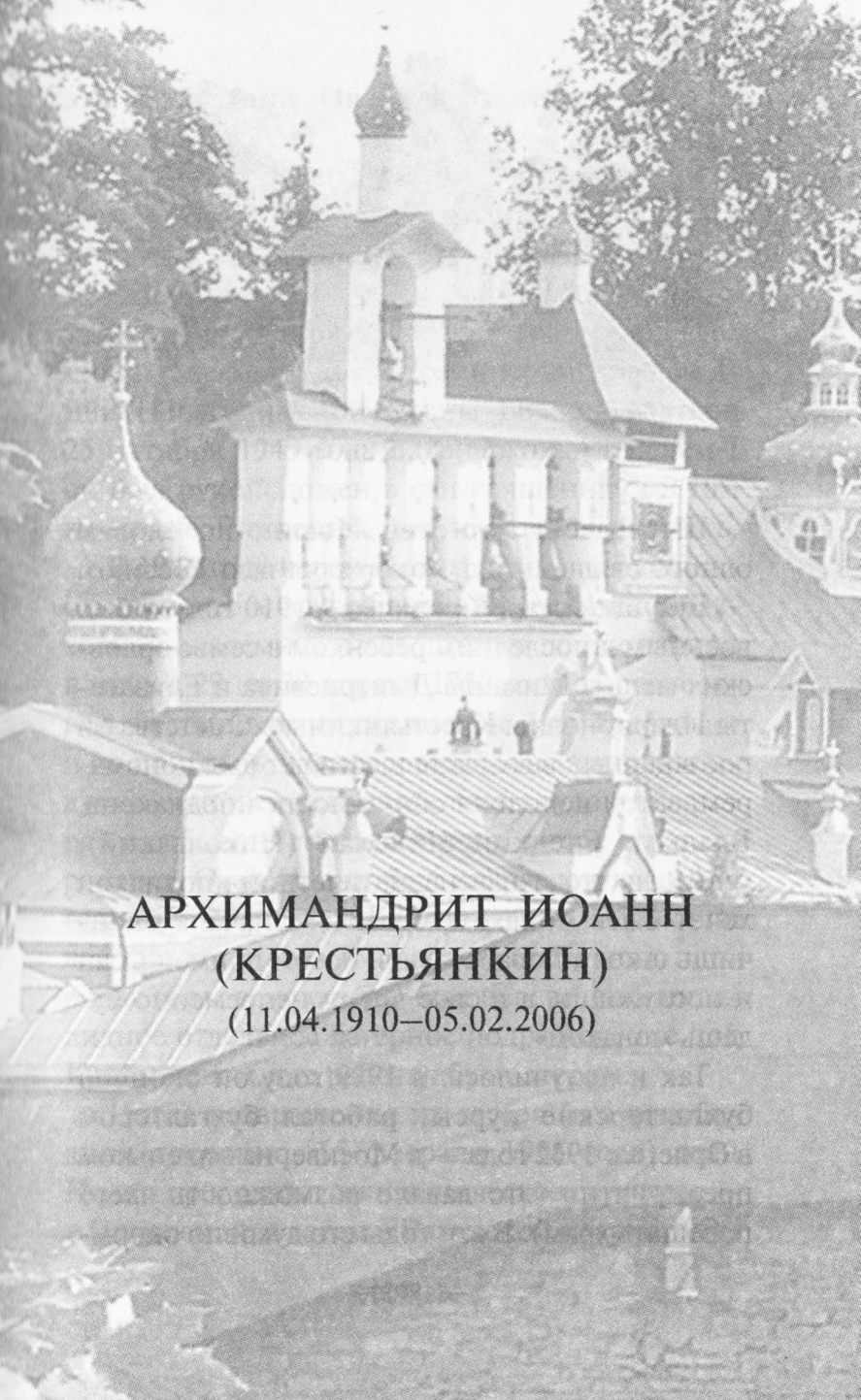
Исповедный листок 120
Средство от смущающих помыслов 128

Воспоминания об отце Иоанне 132
Из духовного завещания 146

Схиархимандрит Иона (Игнатенко) 147
Духовные наставления 155
Духовное завещание отца Ионы 159

Протоиерей Николай Гурьянов 161
Галина Чинякова.
Слово об отце Николае Гурьянове 162
Воспоминания протоиерея Бориса (Николаева), друга и духовного сына старца 185
Воспоминания протоиерея Олега Тэора, духовного сына старца 190
Воспоминания протоиерея Георгия Ушакова. 191
Воспоминания Зинаиды Петровны Максимовой, духовной дочери старца 196
Воспоминания Екатерины Абрамовны Погребняк 209
Воспоминания иерея Сергия Бабурина 213
Воспоминания протоиерея А* из Ивановской области 214
Воспоминания Натальи Яковлевны Величко и Николая Николаевича Лисового 226
Воспоминания Г* 229
Воспоминания Владимира Алексеевича Непомнящих: «Старец Николай в моей жизни» 240
Воспоминания Елены Ивановны Ядохиной ... 258

Воспоминания Анатолия Васильевича Кулинича 260
Воспоминания Анатолия и Ирины Жбановых 262
Воспоминания священника Евгения Шестуна 263
Воспоминания протоиерея Валериана Кречетова 264
Воспоминания Льва, архиепископа Новгородского и Старорусского 272
Воспоминания иерея Алексия Николина 273
Воспоминания Людмилы Алексеевны Шатровой 276
Воспоминания игумена Романа 278
Воспоминания иеромонаха Нестора (Кумыша) 278
Духовные наставления протоиерея Николая Гурьянова..... 290
Источники 285



АРХИМАНДРИТ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

(11.04.1910–05.02.2006)

Шестьдесят лет отец Иоанн, по словам одного священника, «окормлял всю Россию».

Будущий старец родился в 1910 году и был восьмым и последним ребенком в семье орловских мещан Михаила Дмитриевича и Елизаветы Иларионовны Крестьянкиных. С детства он рос в церкви: в возрасте шести лет был пономарем, затем исполнял обязанности иподиакона. Владыка Елецкий Николай (Никольский), услышав, что его двенадцатилетний иподиакон хочет быть монахом, сказал: «Сначала окончишь школу, поработаешь, потом примешь сан и послужишь, а в свое время непременно будешь монахом».

Так и получилось: в 1929 году он окончил бухгалтерские курсы, работал бухгалтером в Орле, а с 1932 года — в Москве, на маленьком предприятии (это давало возможность часто посещать храм). В эти годы его духовно окорм-

лял последний Оптинский старец игумен Иоанн (Соколов).

С 1944 года отец Иоанн начал служить псаломщиком в московском храме Рождества Христова в Измайлове, а 14 января 1945 года митрополит Николай (Ярушевич) посвятил его в сан диакона. В октябре отец Иоанн сдал экстерном экзамены за курс семинарии и на праздник Иерусалимской иконы Божией Матери 25 октября 1945 года патриархом Алексием I он был рукоположен в сан священника в том же храме Рождества, где и остался служить.

В 1947 году иерей Иоанн начал учебу на заочном секторе возрождаемой Московской Духовной академии, но за полгода до окончания в ночь с 29 на 30 апреля 1950 года за ревностное пастырское служение он был арестован и по приговору («антисоветская агитация») получил семь лет исправительно-трудовых лагерей с отбыванием наказания в лагере строгого режима. Отец Иоанн был отправлен в Архангельскую область, в Каргопольлаг, работал на лесоповале. Через три года по состоянию здоровья (без его просьбы) был переведен в инвалидное отдельное лагерное подразделение под Куйбышевом, где работал бухгалтером.

После возвращения из лагеря (его освободили досрочно, 15 февраля 1955 года) отец Иоанн продолжил священническое служение — в Псковской, а затем в Рязанской епархии. Он

окормляется у глинских старцев, а его духовным отцом становится преподобный Серафим (Романцов). Он и принял монашеские обеты отца Иоанна. Это произошло в Сухуми, 10 июля 1966 года, на праздник преподобного Сампсона Страннопримца (после закрытия Глинской пустыни часть братии переехала в Абхазию). Имя новопостриженному иеромонаху было дано в честь апостола любви — святого Иоанна Богослова.

В 1967 году иеромонах Иоанн был назначен по благословению Святейшего патриарха Алексия на служение в Псково-Печерский монастырь, где он нес подвиг старчества до самой своей кончины — без малого сорок лет. Все эти годы со всех концов России и даже Зарубежья к отцу Иоанну едут верующие.

О том, как проходил его день, рассказывает батюшкина письмоводительница: «Он вставал в пять часов каждый день и шел на братский молебен. Уже бьют в колокол к обеду, час дня, а он только врывается в келью и еще хвост посетителей с собой приводит. Причем он и в храме, и потом по дороге идет — все время в толпе людей, а потом еще назначает на после обеда, перед службой. Тех, кто в этот день уезжал, батюшка обязательно всех принимал. А ночью после двенадцати принимал братьев. А уж после них, я, бывало, уйду даже, до ворот дойду — кого-нибудь посылает за мной: „Пусть вернется“. Значит,

кто-то еще там свалился на голову из приезжих. И утром все сначала. Не знаю, когда он отдыхал».

Есть и другое воспоминание, как проходил день отца Иоанна:

«Сразу по окончании литургии начинался прием. В алтаре решались вопросы с приезжим духовенством, на клиросе ждали своей череды присные, приехавшие с батюшками, в храме ожидали местные прихожане и приезжие паломники. Батюшка выходил из храма в окружении множества людей, когда время подходило к обеду. Но и на улице подбегали запоздалые вопрошатели и любопытные, чье внимание привлекала собравшаяся толпа. И любопытные, полюбопытствовав, обретали в центре толпы сначала внимательного слушателя, а в будущем и духовного отца... После обеда путь от трапезной до келии длился не менее часа, и опять в толпе. А в келии его уже ждали посетители, на вечер же назначался прием отъезжающих в этот день. И так ежедневно. Не день, не месяц, а из года в год, пока Господь давал силы. В своей феноменальной памяти батюшка долго-долго хранил имена тех, кто к нему обращался, и обо всех молился».

Скончался архимандрит Иоанн в своей келье через полчаса после причащения святых Христовых Таин 5 февраля 2006 года, в вос-

кресенье, в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских, у ног которых он воспитывался и одним из которых был он сам.

В наш сборник вошли поучения великого старца, сохраненные его духовными чадами.

ДУХОВНЫЕ УРОКИ ОТЦА ИОАННА

Слово о малом доброделании

Многие люди думают, что жить по вере и исполнять волю Божию очень трудно. На самом деле — очень легко. Стоит лишь обратить внимание на мелочи, на пустяки и стараться не согрешить в самых маленьких и легких делах.

Это способ самый простой и легкий — войти в духовный мир и приблизиться к Богу.

Обычно человек думает, что Творец требует от него очень больших дел, самого крайнего самоотвержения, всецелого уничтожения его личности. Человек так пугается этими мыслями, что начинает страшиться в чем-либо приблизиться к Богу, прячется от Бога, как согрешивший Адам, и даже не вникает в слово Божие. «Все равно, — думает, — ничего не могу сделать для Бога и для души своей, буду уж

лучше в сторонке от духовного мира, не буду думать о вечной жизни, о Боге, а буду жить как живется».

У самого входа в религиозную область существует некий «гипноз больших дел», — «надо делать какое-то большое дело — или никакого». И люди не делают никакого дела для Бога и для души своей. Удивительно: чем больше человек предан мелочам жизни, тем менее именно в мелочах хочет быть честным, чистым, верным Богу. А между тем через правильное отношение к мелочам должен пройти каждый человек, желающий приблизиться к Царствию Божию.

«Желающий приблизиться» — тут именно и кроется вся трудность религиозных путей человека. Обычно он хочет войти в Царствие Божие совершенно для себя неожиданно, магически-чудесно, или же — по праву, через какой-то подвиг. Но ни то, ни другое не есть истинное нахождение высшего мира.

Не магически-чудесно входит человек к Богу, оставаясь чуждым на земле интересам Царствия Божия, не покупает он ценностей Царствия Божия какими-либо внешними поступками своими. Поступки нужны для доброго привития к человеку жизни высшей, психологии небесной, воли светлой, желания доброго, сердца справедливого и чистого, любви нелицемерной. Именно через малые, ежедневные

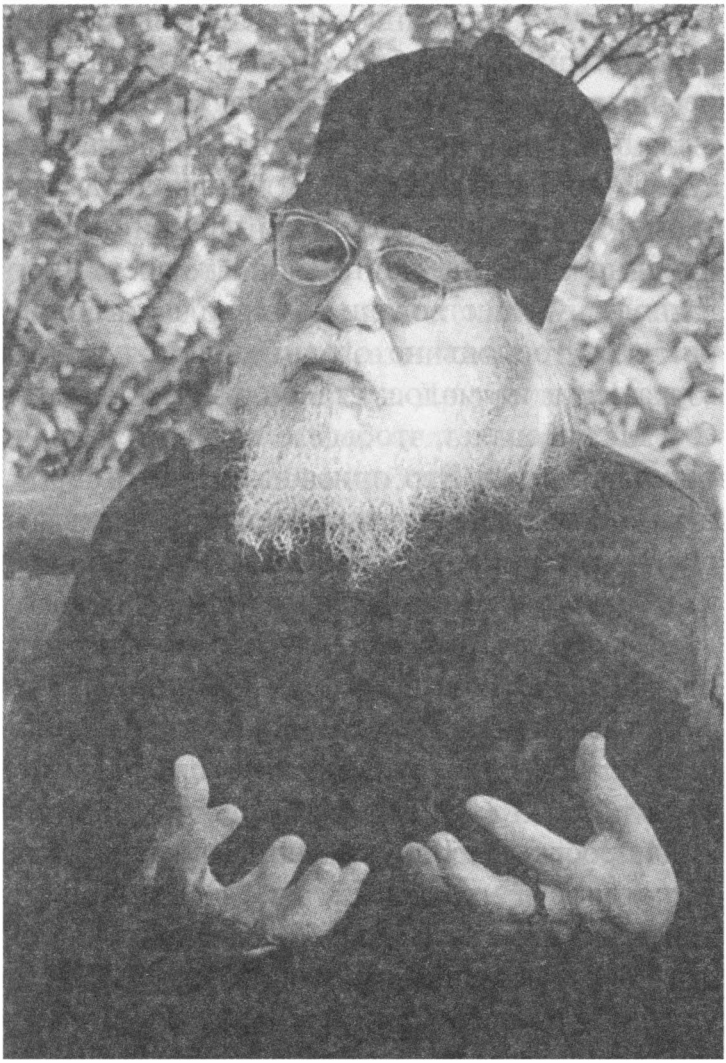
поступки это все может привиться и укорениться в человеке.

Мелкие хорошие поступки — это вода на цветок личности человека. Совсем не обязательно вылить на требующий воды цветок море воды. Можно вылить полстакана, и это будет для жизни достаточно, чтобы уже иметь для жизни большое значение.

Совсем не надо человеку голодному или давно голодавшему съесть полпуда хлеба — достаточно съесть полфунта, и уже его организм воспрянет. Жизнь сама дает удивительные подобия и образы важности маленьких дел. А в медицине, которая и сама имеет дело с малым и строго ограниченным количеством лекарства, существует еще целая область — гомеопатическая наука, признающая лишь совершенно малые лекарственные величины на том основании, что наш организм сам вырабатывает чрезвычайно малые количества ценных для него веществ, довольствуясь ими для поддержания и расцвета своей жизни.

И хотелось бы остановить пристальное внимание всякого человека на совсем малых, очень легких для него и, однако, чрезвычайно нужных вещах.

Истинно, истинно говорю вам, кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды во имя ученика, не потеряет награды своей.



В этом слове Господнем — высшее выражение важности малого добра. «Стакан воды» — это немного. Палестина во времена Спасителя не была пустыней, как в наши дни, она была цветущей, орошаемой страной, и стакан воды поэтому был очень небольшой величиной, но, конечно, практически ценной в то время, когда люди путешествовали большей частью пешком. Но Господь не ограничивается в этом в указании на малое: стакан холодной воды. Он еще добавляет, чтобы его подавали хотя бы *во имя ученика*. Это примечательная подробность. И на ней надо внимательно остановиться. Лучшие дела всегда в жизни есть дела во имя Христово, во имя Господне.

Благословен грядущий — в каком-либо смысле — во имя Господне, во имя Христа. Дух, имя Христово придают всем вещам и поступкам вечную ценность, как бы ни были малы поступки.

И простая любовь жертвенная человеческая, на которой всегда лежит отсвет любви Христовой, делает значительным и драгоценным всякое слово, всякий жест, всякую слезу, всякую улыбку, всякий взгляд человека. И вот Господь ясно говорит, что даже не во Имя Его, а только во имя Его ученика сделанное малое доброе дело уже есть великая ценность в вечности. *Во имя ученика* — это предел связи с Его Духом, Его делом, Его жизнью...

Ведь ясно, что поступки наши могут быть и часто бывают эгоистичны, внутренне корыстны. Господь указывает нам на это, советует приглашать к себе в дом не тех, кто может нам воздать тем же угощением, пригласив в свою очередь нас к себе, но чтобы мы приглашали к себе людей, нуждающихся в нашей помощи, поддержке и укреплении. Гости наши иной раз бывают рассадниками тщеславия, злословия и всякой суеты. Другое дело — добрая дружеская беседа, человеческое общение, — это благословенно, это укрепляет души, делает их более стойкими в добре и истине. Но культ неискреннего светского общения — это болезнь людей и себя ныне истребляющей цивилизации.

Во всяком общении человеческом должен непременно быть добрый Дух Христов, либо в явном Его проявлении, либо в скрытом. И это скрытое присутствие Духа Божия в простом и хорошем общении человеческом есть та атмосфера «ученичества», о которой говорит Господь. *Во имя ученика* — это самая первая ступень общения с другим человеком во Имя Самого Господа Иисуса Христа...

Многие, еще не знающие Господа и дивного общения во Имя Его, уже имеют между собой это бескорыстное чистое общение человеческое, приближающее их к Духу Христову. И на этой первой ступени добра, о которой Господь

сказал как о подаче стакана воды только *во имя ученика* могут стоять многие. Лучше сказать — все. А также правильно понимать эти слова Христовы буквально и стремиться помочь всякому человеку. Ни единого мгновения подобного общения не будет забыто пред Богом, как ни единая малая птица не будет забыта пред Отцом Небесным (см.: Лк. 12, 6).

Если бы люди были мудры, они бы все стремились на малое и совсем легкое для них дело, через которое они могли бы получить себе вечное сокровище. Великое спасение людей в том, что они могут привиться к стволу вечного дерева жизни через самый ничтожный черенок — поступок добра. К дикой яблоне совсем не обязательно прививать целый ствол яблони доброй. Достаточно взять малый черенок и привить его к одной из ветвей дичка. Также, чтобы вскваситъ бочку с тестом, совсем не надо ее смешивать с бочкой дрожжей. Достаточно положить совсем не много дрожжей — и вся бочка вскиснет. То же и доброе: самое малое может произвести огромное действие. Вот почему не надо пренебрегать мелочами в добре и говорить себе: «Большое добро не могу сделать — не буду заботиться и ни о каком добре».

Сколь даже самое малое добро полезно для человека, неоспоримо доказывается тем, что даже самое малое зло для него чрезвычайно

вредно. Попала нам, скажем, соринка в глаз — глаз уже ничего не видит, и даже другим глазом в это время смотреть трудно. Маленькое зло, попавшее, как соринка, в глаз души, сейчас же выводит человека из строя жизни. Пустячное дело — себе или другому из глаза тела его или души вынуть соринку, но это добро, без которого нельзя жить.

Поистине, малое добро более необходимо, насущно в мире, чем большое. Без большого люди живут, без малого не проживут. Гибнет человечество не от недостатка большого добра, а от недостатка именно малого добра. Большое добро есть лишь крыша, возведенная на стенах — кирпичиках малого добра.

Итак, малое, самое легкое добро оставил на земле Творец творить человеку, взяв на Себя все великое. Наше «малое» Творец творит Своим великим, ибо Господь наш — Творец, из ничего создавший все, — тем более, из малого может сотворить великое. Но даже самому движению вверх противостоят воздух и земля. Всякому, даже самому малому и легкому добру противостоит косность человеческая. Эту косность Спаситель выявил в совсем короткой притче: *И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше* (Лк. 5, 39). Всякий человек, живущий в мире, привязан к обычному и привычному. Привык человек к злу — он его и считает своим нор-

мальным, естественным состоянием, а добро ему кажется чем-то неестественным, стеснительным, для него непосильным. Если же человек привык к добру, то уже делает его не потому, что надо делать, а потому, что он не может не делать, как не может человек не дышать, а птица — не летать.

Человек, добрый умом, укрепляет и утешает прежде всего самого себя. И это совсем не эгоизм, как некоторые несправедливо утверждают, нет, это истинное выражение бескорыстного добра, когда оно несет высшую духовную радость тому, кто его делает. Добро истинное всегда глубоко и чисто утешает того, кто соединяет с ним свою душу. Нельзя не радоваться, выйдя из мрачного подземелья на солнце, к чистой зелени и благоуханию цветов. Нельзя кричать человеку: «Ты эгоист, ты наслаждаешься своим добром!» Это единственная неэгоистическая радость — радость добра, радость Царствия Божия. И в этой радости будет человек спасен от зла, будет жить у Бога вечно.

Для человека, не испытавшего действенного добра, оно представляется иногда как напрасное мучение, никому не нужное... Есть состояние неверного покоя, из которого трудно бывает выйти человеку. Как из утробы матери трудно выйти ребенку на свет, так бывает трудно человеку-младенцу выйти из своих мелких чувств и мыслей, направленных только на до-

ставление эгоистической пользы себе и не могущих быть подвинутыми к заботе о другом, ничем не связанным с ним человеке.

Вот это убеждение, что старое, известное и привычное состояние всегда лучше нового, неизвестного, присуще всякому непросветленному человеку. Только начавшие возрастать, вступать на путь алкания и жажды Правды Христовой и духовного обнищания, перестают жалеть свою косность, неподвижность своих добытых в жизни и жизнью согретых грез... Трудно человечество отрывается от привычного. Этим оно себя отчасти, может быть, и сохраняет от необузданной дерзости и зла. Устойчивость ног в болоте иногда мешает человеку броситься с головою в бездну. Но более часто бывает, что болото мешает человеку взойти на гору Боговидения, или хотя бы выйти на крепкую землю послушания слову Божию...

Но через малое, легкое, с наибольшей легкостью совершаемое дело человек более всего привыкает к добру и начинает ему служить нехотя, но от сердца, искренно и через это более и более входит в атмосферу добра, пускает корни своей жизни в новую почву добра. Корни жизни человеческой легко приспосабливаются к этой почве добра и вскоре уже не могут без нее жить... Так спасается человек: от малого происходит великое. *Верный в малом* оказывается верным в великом.

Оттого я сейчас пою гимн не добру, а его незначительности, его малости. И не только не упрекаю вас, что вы в добре заняты только мелочами и не несете никакого великого самопожертвования, но, наоборот, прошу вас не думать ни о каком великом самопожертвовании и ни в коем случае не пренебрегать в добре мелочами.

Пожалуйста, если захотите, приходите в неописуемую ярость по какому-нибудь особенному случаю, но не гневайтесь по мелочам *на брата своего напрасно* (Мф. 5, 22).

Выдумывайте в необходимом случае какую угодно ложь, но не говорите в ежедневном житейском обиходе неправды ближнему своему. Пустяк это, мелочь, ничтожество, но попробуйте это исполнить, и вы увидите, что из этого выйдет.

Оставьте в стороне все рассуждения: позволительно или не позволительно убивать миллионы людей, — женщин, детей и стариков, — попробуйте проявить свое нравственное чувство в пустяке: не убивайте личности вашего ближнего ни разу ни словом, ни намеком, ни жестом. Ведь добро есть и удержать себя от зла... И тут, в мелочах, ты легко, незаметно и удобно для себя можешь сделать многое.

Трудно ночью встать на молитву. Но вникните утром, — если не можете дома, то хотя бы, когда идете к месту работы своей, и мысль ва-

ша свободна, — вникните в «Отче наш», и пусть в сердце вашем отзовутся все слова этой краткой молитвы. И на ночь, перекрестясь, предайте себя от всего сердца в руки Небесного Отца... Это совсем легко...

И подавайте, подавайте воды всякому, кто будет нуждаться, — подавайте стакан, наполненный самым простым участием ко всякому человеку, нуждающемуся в нем. Этой воды во всяком месте целые реки, — не бойтесь, не оскудеет, почерпните каждому по стакану.

Дивный путь «малых дел», пою тебе гимн! Окружайте, люди, себя, опоясывайтесь малыми делами добра — цепью малых, простых, легких, ничего вам не стоящих добрых чувств, мыслей, слов и дел. Оставим большое и трудное, оно для тех, кто любит его, а для нас, еще не полюбивших большого, Господь милостию Своей приготовил, разлил всюду, как воду и воздух, малую любовь.

У Бога нет ничего невозможного

Соединенные союзом любви в честном браке, они (святые праведные Иоаким и Анна. — *Ред.*) сохранили его как великое таинство, полагающее начало и человеческой, и священной истории. Относясь к браку как к венцу и завершению Божественного домостроительства, они ожидали благословенного плода как исполне-

ния своего предназначения на земле. Явное было Божие благословение на доме супругов: богатство и всяческий достаток сопутствовали им. Но не для кого было им собирать имение. Дом их оставался бездетным. И это обстоятельство укрепляло и вдохновляло их на духовные подвиги, усердие и постоянство в молитве...

Годы шли... Пройден искус целой жизнью. И жизнь воспитала и явила праведников. Они всю жизнь верно служили Богу, они звали Его непрестанно и неотступно, они звали Его и тогда, когда ожидать просимого было уже бессмысленно.

Сколько примеров знаем мы, подтверждающих, что у Бога нет ничего невозможного! Одно мановение Его — и вмиг все меняется. Он один все может — и падших восстановить, и заблудших обратить, и соблазнившихся исправить, и грешников, совершивших преступления, переменить и соделать праведными, и умерших оживить, и обветшалое обновить.

Если Господь творит несущее сущим, нигде и никогда не являющемуся дарует бытие, тем легче Ему поправить то, что есть и что давно уже было. Господь чудодействует и творит необыкновенные дела, но совершает это не вдруг, не тотчас в ответ на прошение, но испытывая и упражняя терпение терпящих и надежду верных. Нам же, по примеру праведников, надо не падать духом.

Что становится с жизнью, когда из нее изгоняется Бог

Жизнь — трудное дело. И она становится невыносимо трудна, когда из нее изгоняется Бог. Ведь когда изгоняется Бог из дома, на Его место приходят злейшие духи, сеющие свои смертоносные плевелы. Мрак и тьма давно начали осуществлять свои смертоносные планы, восстав на семью, на материнство, которое кроет в себе будущее мира — воспитание потомства.

И надо нам с вами это понимать, ибо это — наше настоящее и наше будущее. И в этом наша ответственность пред Богом. Ответственность страшная!

Вслушайтесь в слова, которые сказал великий учитель Церкви Иоанн Златоуст: «Родители, которые пренебрегают воспитывать своих детей по-христиански, беззаконнее детоубийц, ибо детоубийцы тело от души разлучают, а они и душу, и тело ввергают в геенну огненную».

За семьдесят лет пленения Церкви сколько поколений выросло порабощенными мраком безбожия и зараженными материалистическим духом стяжательства и накопления. Люди выросли без Бога. И теперь мы с вами должны входить в реальную обстановку жизни нашей, терпеливостью своей в трудах и молитве пытаться исправить то, что было нарушено.

Многие помнят трагические для вас и детей ваших годы, когда за одно желание воспитать детей в духе христианства грозила опасность потерять их навсегда. Родителей лишали материнства и отцовства, а детей насильственно отдавали в интернаты и детские дома. Перед вашими детьми закрывали путь в жизнь, закрывали двери учебных заведений. Это страшное время мы пережили. И оно, безусловно, не могло не оставить рубцов на сердцах наших. А скольких слез и сердечной боли стоило материнскому сердцу видеть, как то немногое, что удавалось сделать дома, в семье, вытаптывалось в душе ребенка в школе! И лились слезы, лились молитвы. Не думайте, что они не замечены и не услышаны. Могут не услышать и не понять люди, но не Бог. А для Бога это не просто слезы, это крестный путь матери-христианки, воюющей за чадо свое против целого мира, против самого диавола.

Это даже не просто крест. Это мученичество. Мученичество за Христа. А благодать Божия всегда укрепляла мучеников, укрепляла она и вас в вашей неравной борьбе за детей, укрепит она вас и теперь. Только бы не ослабела христианская убежденность и устремленность — вера наша. И теперь нам, подобно праведной Анне, надо просить у Господа чуда: «Господи! Разреши болезнь сердца моего. Да

благословится и прославится в рожденном мною Твое милосердие». И не усомнитесь, чудо совершится по вере вашей.

Но страшно и разрушительно, если у нас-то, у взрослых, вера в Бога остается только на словах, а не преображает нашу повседневную жизнь и сопровождается в нас духовным бесплодием, не имеющим живой жизненной силы Духа Божия. Но и этого чуда просите, и дастся вам.

Всем нам необходимо понять сейчас, что надо срочно спасать от тлетворного духа времени и возвращать Богу нашу малую церковь, нашу семью. Надо именно в ней возжечь лампаду христианской жизни в Боге. И только в этом — спасение мира, наше спасение.

Мы не преуспеем сразу, нам будет крайне трудно, но делать надо ради жизни в вечности.

Ведь отцы и матери, Богом благословенные творцы и покровители детей своих, ответственны за них и за себя. И не наше ли дело теперь, в пустыне мира, где царят одиночество, суета и равнодушие, тревожная неуверенность и злоба, создать очаг молитвы. Надо помнить, что где двое или трое собраны во имя Божие, там и Господь посреди них.

Тогда оживет дом! И один, и другой, и третий. Устроятся расстроенные безбожием порядки внутренней жизни семьи и каждого че-

ловека. И Царство Божие, вернувшееся в душу, снова начнет преображать мир. И вернутся дети к Богу, и вернутся к родителям своим из непогоды окружающего мира.

В Священном Писании Господь дает и не раз напоминает родителям об их особой власти и праве по отношению к детям, дает им особую силу ходатайствовать о детях пред Богом. Так давайте же, дорогие мои, пользоваться этой силой и этой властью. Но для этого всем нам надо иметь несомненную веру и дерзновение в молитве.

Нельзя возлагать на Бога наши обязанности

Много, много слез проливается теперь матерью над детьми и от детей. Какую невыносимую тугу и боль несет ее сердце, видя чад, отвергающих благое и сознательно избирающих злое.

Мать начинает молиться, она просит Бога о помощи, но не получает ее. Почему же? Да потому, дорогие мои, что нельзя возлагать на Бога то, что обязаны были сделать мы сами. Ведь именно родители в первую очередь должны заботиться о детях, засевать землю их сердечек добрыми семенами веры и страха Божия. А посеяв, кропотливо взращивать посеянное и охранять от непогоды дурных влияний. И для

этого нужен труд, нужно духовное напряжение, надо всегда помнить о детях и о своей ответственности за них пред Богом.

Родители не могут спастись без своих детей

Отцы и матери! Одни без детей своих вы спастись не можете — и это надо помнить!

Что можем мы ждать от детей, если наша забота о них будет ограничиваться только стремлением накормить и одеть их? А кто сделает остальное? Улица? Школа?

Да и нельзя, дорогие мои, забывать еще одно. Слова чужого человека, даже и благонамеренного, действуют на ум ребенка, слово же матери касается непосредственно его сердечка, а слово и пример отца дают чаду силу и энергию к воплощению.

Так не ограничивайте своего влияния на детей только заботой раз в неделю привести их в церковь и оставить в ней на их же произвол. Нет, это не возродит живой веры. Ваша забота должна состоять в воспитании в детях страха Божия, во внушении им православных понятий, в научении их своим примером, всей жизнью своей. Вникайте в жизнь чада, знайте его думы. Разговаривайте с ним обо всем. Благословляйте детей ежедневно утром и вечером, даже и тогда, когда их нет дома.

А христианский строй жизни в семье с постами, молитвенным правилом утром и вечером, хотя бы кратким и с учетом детских возможностей и занятости, с посещением храма всей семьей и приобщением всем вместе к таинствам — все это незримо будет созидать детскую душу. И посеянное в детской душе непременно прозябнет и в зрелые годы.

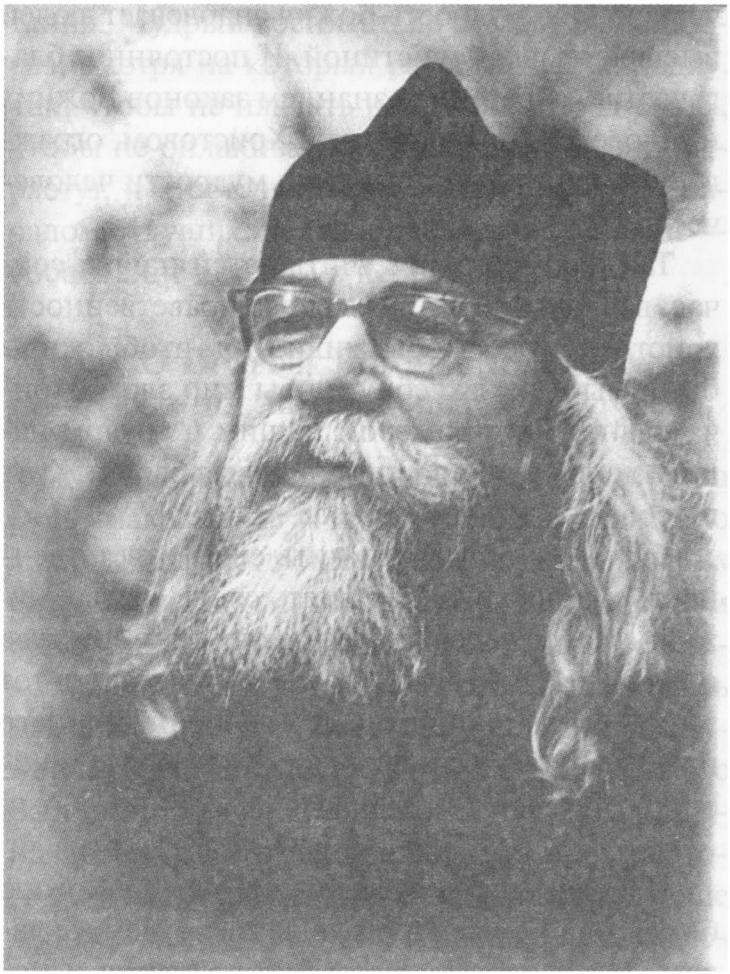
О крестном знамении

Веками утвержденный опыт показывает, что крестное знамение имеет великую силу на все действия человека и во все продолжение жизни.

Поэтому необходимо вкоренять в детях обычай чаще ограждать себя крестным знамением, особенно перед принятием пищи, ложась спать и просыпаясь, перед выходом из дома. «Иже крестом ограждаемы, врагу противляемся» — это спасет детей наших от многих бед и опасностей.

Как учить и воспитывать современных детей

В старину того почитали несчастным, кто знает все, но не знает Бога. И того считали блаженным, кто знает Бога, хотя бы и не знал ничего другого. Это не значит, что осуждали об-



разованность, нет, просто мудрость Божия не шла ни в какое сравнение с мудростью человеческой. Ибо мудрость Божия снабдевает людей высшей правдой и истиной. И постоянное благочестие, обретенное знанием законов Божиих и заповедей Христа на пути Христовом, ограждает от заблуждений на пути мудрости человеческой.

Так надлежит нам учить детей наших сейчас, воспитывая в них высшую нравственность христианскую, чтобы жили они, чтобы живы были мы и не захлебнулся бы мир злом окончательно. Так примером нашим и трудом нашим должно нам воспитывать чад своих. Жить по совести, жить по правде.

Будем же всегда помнить свою ответственность и приводить на память слова святых мужей: «Малое деревце куда наклонишь его, туда и будет расти. Новый сосуд будет издавать тот запах, каким напитаете его вы, вливая в него или смрадную жидкость, или ароматную и чистую».

Исповедуя во всеуслышание в семье Божию благость и Божие Промышление, будем же давать детям первые уроки богопознания и молитвы. Это будет самый важный урок благочестия, который сохранится в сердце на всю жизнь и сохранит ребенка в этой жизни для жизни вечной. А закончу я словами святого

учителя Церкви Иоанна Златоуста: «Нет никакого высшего искусства, как искусство воспитания. Мудрый воспитатель создает живой образ, смотря на который радуется Бог и люди». Так, чтобы не плакать нам ныне от чад своих, чтобы не оплакивать их и себя, когда они вырастут, и чтобы нынешние слезы не стали началом будущих, не будем делать дело Божие — воспитание детей — с небрежением.

О Покрове Божией Матери над Россией

Матерь Божия всегда защищала и миловала Русь, наказывала и вновь возвращала Свою любовь людям, прошедшим ради грехов своих сквозь страдания, покаянием и страданием очистившим свои сердца. Но в нынешнее тяжкое время, когда земля состарилась, отягчилась неверием, беззаконием и невежеством в познании повелений Божиих, не отступила ли от нас Заступница наша Усердная, ревнуя о славе Сына Своего и Бога? Нет, дорогие мои, быть этого не может. Для матери бедствующее чадо еще дороже. И пока на Руси хоть «малое стадо» несет и сохраняет верность заветам Христа, надежду на заступление Матери Божией — мы не погибнем. Мы не должны ни сомневаться, ни смущаться всем тем, что видим и слышим теперь. «На земле нет ничего невозглавленного,

потому что начало всему — Бог», — так говорят святые отцы.

Четыре состояния души человека

...Вышел сеятель сеять [семя свое] и, когда [Он] сеял... иное упало при дороге... иное упало на каменистое место... иное упало в терние... и иное упало на добрую землю и дало плод...

Мк. 4, 3–8

Вот оно наше сердце: сейчас оно — камень, но завтра усилием воли и трудом нашим оно может стать плодородной землей; сейчас оно — придорожье и распутье жизни, и какой только мусор не нашел в нем себе место, и какое зло не прижилось в нем, а завтра то же самое сердце наше, омытое покаянием и заботливым вниманием к нему, станет возделанной и тучной пахотой и пристанищем всякому добру; сейчас оно — сердце, поросшее тернием греха, а завтра оно же, прополотое и ухоженное, станет почвой, готовой к принятию доброго семени.

Это четыре состояния души человеческой, и только при одном из них семя Божие даст плод в жизнь вечную.

Рассмотрим внимательнее эти состояния нашей души и уразумеем: та ли мы почва, что может принять семя, возрастить и дать плод? Ведь мы уже поняли, что различие в принятии

слова Божия зависит не от природы человеческой, но от нашей с вами свободной воли.

Душа человеческая подобна дороге. По ней проходят и ее топчут тысячи людей, сквозь нее непрестанным потоком идут и сменяют друг друга жизненные влияния и впечатления.

Разбойник-телевизор впился в душу и держит ее своей мертвой хваткой до полного ее опустошения. И нет душе отдыха, нет ей покоя.

В этой сумятице в ряду общих впечатлений вдруг проскользнет, промелькнет и слово о Боге, и Божие слово. Но ничто не задерживается в такой душе надолго. Жажда новизны быстро стирает прошлое, и опять пуста душа. А ветры злотворных учений подымают в ней вихрь злых помыслов, и возбужденные страсти спешат исполнить их.

Вот и распутье в душе человека. Господь посеял семя жизни, но тяжелые ступни торжествующего зла потоптали семя. А то хищными птицами налетят во время чтения или слышания слова Божия рассеянность наша и думы житейские. И опять труд Великого Сеятеля оказался напрасным. Семя похищено, не коснувшись души человеческой. Она осталась пуста, холодно ей в мире и неуютно.

А слово Божие кратко: *Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется слово, но к которым, когда услышат, тотчас приходит сата-*

на и похищает слово, посеянное в сердцах их (Мк. 4, 15). И будем ли мы винить теперь Сеятеля? Разве не в нашей власти было сохранить семя? А если диавол и — хищник, то не от нас ли с вами зависит не дать ему расхитить наше? Трезвитесь, бодрствуйте... *Противостаньте диаволу, и убежит от вас...* (Иак. 4, 7).

Но вот и другая скорбь уже ощутима нами — жалуемся мы, что окамененное нечувствие возобладало душой. Мы страдаем, чувствуя безнадежность этого состояния. И Господь подтверждает наши худшие опасения.

...Посеянное на каменистом месте означает тех, которые... не имеют в себе корня и непостоянны... когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются (Мк. 4, 16–17)... *Временем веруют, а во время искушения отпадают...* (Лк. 8, 13).

Да, в нас горело сердце к Богу. Мы помним радость и окрыленность души, когда пронзило ее великое открытие: есть, есть Бог! И как преобразился в то мгновение мир, как ликовало сердце, первый раз впитывая Божественное евангельское слово. Но вдруг опять поблек мир, и то, что недавно радовало и привлекало к Богу, стало невыносимыми веригами, путами, мешающими жить.

Да, это, дорогие мои, слово Божие позвало нас на подвиг самоотречения, оно потребовало связать нашу самость, наши привязанности,

потребовало от нас жертвы любви. Это оно посягнуло на идолов, гнездившихся в душе нашей. Но не всем, оказывается, по силам поднять руку на идола.

И вот какое-то время томится душа, желая совместить несовместимое — служить Богу и велиару одновременно. Но сердце-то уже сделало выбор, и делами жизни нашей Бог предается нами. И нет дерзновения в душе, нет живой Божией силы в нас, чтобы противостоять искушениям жизни, противостоять диаволу.

И видим мы, как слабо в нас слово истины, как безжизненно, как близко к умиранию. Оказывается, недостаточно только слышать слово Божие, надо еще усилием своей воли, своих трудов принять его как единственный свет истины, единственную жизнь.

А как неприметно, но действенно и верно восстают на нашу жизнь в Боге печали, богатство и сласти житейские. Суетная привязанность к земному и временному, наполняя наше сердце, подавляет в нем действие слова Божия и Божией благодати. Все это Господь называет одним словом — «терние» *...и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода* (Мк. 4, 7).

Пристрастие к земному рождает непрестанную, непреходящую заботу о нем. Начинается с заботы приобрести, казалось бы, не-

обходимое, но как быстро этого необходимого становится нужно все больше и больше. И закружилось колесо — умножать любым путем, хранить, боясь лишиться приобретенного. И вот уже густые терния подавили сердце, заглушили в нем все доброе, украли время. А опаснейшие терния духа — страстные влечения, сласти житейские. Корень их находится в глубине человеческого сердца, ибо это тот иной закон в удах наших, который противоборствует Закону Божию и пленяет нас закону греховному.

И эти злые корни суть дела плотские, о которых срамно и глаголати и о которых сказано, что делающие такие дела ...*Царствия Божия не наследуют* (Гал. 5, 21).

Во многих это зло начинается так безобидно, с детских шалостей, которые неприметно становятся спутниками жизни, а результат их — погибель еще здесь, на земле, расстройство психики, отсутствие воли. И эти-то злые отрасли, как терния и волчцы, беспрестанно растут и возрождаются даже тогда, когда мы хотим их искоренить, но делаем это недостаточно решительно и беспощадно.

Не забудем, дорогие мои, что мы живем в мире зла, мы немощны, мы склонны ко греху. Грех нас сторожит на каждом шагу. И если мы даем ему свободу, то он, разрастаясь в нас раковой опухолью, пожирает нашу жизнь.

Но как же, как жить нам, чтобы услышать благой глас Отца Небесного: *...рабе благий и верный ...вниди в радость Господа Твоего* (Мф. 25, 21)? Как стать плодоносной землей, которая, услышавши слово, хранит *...его в добром и чистом сердце и приносит плод в терпении* (Лк. 8, 15)?

Надо всецело предаться Богу любовью к Нему и страхом Божиим, а вниманием и молитвой ограждать себя на всякий час, чтобы три первые бесплодные состояния не укоренились в душе. На ниве души должен стоять неусыпный страж — чистая совесть, которая сокрушит окаменение сердечное и предаст плевелы страстей огню ранее, чем они укоренятся в нас и поведут за собой. А огонь Божественной любви и пламенное желание Вечной Жизни родят молитву, и Божия благодать, привлеченная ею, сделает нас непоколебимо стоящими в истине.

Но нельзя, дорогие мои, ожидать на душевной ниве скороспелости семени истины и добра. Всякое семя взращивается в терпении, в борениях, в потах многие дни и годы, в великой терпеливости.

Так говорит Господь: *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21, 19). *...Царствие Божие благовествуется, и всякий усилием входит в него* (Лк. 16, 16).

Тогда обетования Спасителя увенчают труды наши еще в этой жизни.

О године испытаний, наступившей на русской земле

И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле (Откр. 3, 10). А то, что нынче во всем мире наступила именно такая година, уже ни у кого не вызывает сомнения. «Тайна беззакония», восставшая в свое время на Самого Бога и изгнанная на землю, объявила еще тогда беспощадную — не на жизнь, а на смерть — войну против всего Божественного, в чем бы и как бы оно ни проявлялось:

— на христианское государство, хранящее нравственный уклад народной жизни;

— на Христианскую Церковь, несущую слово Божественной истины;

— на христианскую душу, держащую светоч Божественного учения, как путеводную звезду, в сгущающейся тьме обезумевшего беззаконием мира.

«Предтечи антихриста» уничтожили православную Россию. Они исказили, одурачили чуждыми сатанинскими идеями народ, насаждая их всеми возможными неправдами, лестью, обманом, кровью, вытравливая правду Божию из сознания народного. И вот сегодня на наших глазах происходит едва ли не последний страшный натиск сил ада на то, что еще хранит

остатки истинной Божественной духовности, — на Православную Русскую Церковь. Гонение на Церковь стало сейчас скрытым, но тем более изощренным.

Именно теперь, когда объявлена во всем мире вожделенная «свобода», вся наша жизнь показывает, что дана одна-единственная свобода — свобода творить зло, свобода лить кровь, свобода красть, свобода тайно и явно убивать души.

Полк сатанинских сект, оккультных ересей, каббалистика, теософия, астрология, гипноз, кодирование, медитация, экстрасенсорные воздействия на человека, парапсихологические методы «лечения» — калечения людей, которые церковным вероучением определяются как чародейство и колдовство, — нашли сейчас на Родине нашей высоких покровителей.

И все средства массовой информации отданы враждебным Православию разрушительным силам, стремящимся отравить чистые, животворные источники православного христианского учения, оболгать их, оклеветать и ошельмовать.

О наших страданиях

И многие так часто, теряя надежду на Бога и Матерь Божию, дойдя до изнеможения, задают вопрос: «Почему, зачем она, эта бес-

конечно прискорбная жизнь, жизнь-страдание?»

Рождается человек с воплем, в страданиях, и страдает всю жизнь, и умирает в страданиях.

Вопрос этот совсем не праздный, ибо встает он пред всеми людьми, и ответ на него они получают из самой жизни и жизнью. И ответ зависит от одного существенного момента, а именно: «Како верует человек?»

Люди, не просвещенные светом евангельского учения, испытав жизнь с ее превратностями и будто бы бессмыслицей чередования радостей и скорбей, начинают считать лучшим жребием на земле совсем не родиться и не видеть солнечного света, ибо для них жизнь — «дар случайный, дар напрасный». Тогда живи одним днем, ешь, пей, веселись, ибо завтра умрем. И не так редки в безбожном мире случаи самовольного дерзкого прекращения своей жизни.

Но блажен тот, кому свет Христова учения озаряет сгущающуюся тьму жизни, кого крепкая десница Божия ведет по неведомому пути и кого Покров Царицы Небесной укрывает надежнее всякой другой защиты. Ибо именно им открывает Господь великий смысл жизненных скорбей, которые, как лествица, ведут человека к духовному возрастанию, а с ним и к блаженству в Боге.

Я не устану вам повторять слова святых отцов, прошедших суровую школу скорбей и познавших покой и радость в Боге, слова их, в которых стержень нашей крепости, чтобы мы не поколебались: «На земле нет ничего невозглавленного, потому что начало всему — Бог».

Вот в чем наша надежда и крепость — в непоколебимой уверенности, что в мире вовсе ничего не бывает без Бога, но все происходит или по Его воле, или по Его попущению. Все доброе совершается по Его воле и Его действием; противное же бывает только по Его попущению, когда покровительство Божие оставляет нас за нечистоту и ожесточение сердца, попускает тиранствовать над нами диаволу или бесчестным плотским страстям.

Так вот в чем причина бедствий, нашедших на нас. Мы стали слепы и глухи. Мы ожесточенным сердцем готовы обвинить любого и каждого, забывая, что только личный грех искажает нашу жизнь. Бог же всегда желает, чтобы истина торжествовала. И Он повелел Церкви возвещать ее миру. И наше дело слышать голос Церкви — голос истины.

Но вот и в Церкви скорби, и в Церкви нестроения, и в ней обстоятельства складываются так, что мы готовы усомниться в истинах, Церковью возвещаемых, и даже в Самом Боге. Но именно в такие трудные моменты мы с ва-

ми должны твердо знать, что Бог есть любовь, благо, и все Им посылается для нашей пользы. А вот самого способа, которым это делает Господь, исследовать нельзя, и нельзя унывать, нельзя роптать, когда не можем понять, что происходит. Именно в таких обстоятельствах являет человек подвиг веры и венчается спасением.

Скорбно, тяжко и недоумение на сердце в скорбные минуты, и именно в это время надо бежать нам в сердце свое: не оно ли причина туги — мое, восстающее на Промысел Божий сердце, требующее у Бога отчета, почему это происходит так, а не иначе. Нам бы следовало напечатлеть на сердце своем единственное знание: что бы ни делал Господь, Он делает для нашей пользы, и мы все должны принимать с благодарностью, как от Благодетеля и Благого Владыки, хотя бы то было и скорбное. Так делали Божии люди во все времена, этим они проходили тяготы жизненного пути.

Подождем помощи Божией!

Помните, что, когда мы боремся с волнами в бурном житейском море, Господь покрывает нас, Матерь Божия ходатайствует за нас, ибо Они с нами ...*во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Правда, иногда помощь Божия приходит

не сразу. Спаситель медлит. В этом и заключается высшее испытание веры.

Не раз во всемирной истории Бог заставлял Своих преданнейших и вернейших служителей испивать, казалось, до дна чашу испытаний — земных несчастий, а затем отзывал их из мира после страшного мученичества. Это совершенные люди, и они очищались, как золото в горниле.

Будем же помнить, други наши, что испытания посылаются для нашей пользы и что выше меры сил Господь никому не попустит искуситься.

Если Бог медлит Своею помощью — подождем ее! Если ветер усиливается и ночь сгущается, то противопоставим «видению» свою твердую веру; настоящим делам — дела грядущие; вечеру, кончающемуся в слезах, — зарю утешения; несправедливости, гнетущей нас, — восстановление истины, которое будет неизбежно и навечно; царству беззакония, имеющему конец, — Царство Божие, которому не будет конца и в котором Господь отымет всякую слезу от очей наших!

А Матерь Божия всегда есть и будет с теми, кто верен Ее Божественному Сыну, кто идет по Его зову путем вечного спасения. Она, по словам святителя Иоанна Златоуста, — первая Преемница Божественных дарований и первая Раздаятельница этих даров и благословений

людям, ищущим помощи у Господа и милостей у Нее».

Так будет всегда — до последнего часа, до последнего мгновения жизни мира.

Сущность всего христианства

...Чтобы яснее понимать наше реальное единство в Боге со всеми святыми, вспомним последнюю молитву Спасителя нашего и Господа, нашего Великого Первосвященника, когда Он, зря пред Собою страшное орудие Своей смерти, думает о жизни мира, таящейся в богопознании, об освящении его Божественной истиной в соединении с Богом.

И молится Спаситель Богу Отцу, и оставляет миру эту Свою молитву: *Отче Святый! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...* (Ин. 17, 11, 20–21).

В этих словах Христа, в этой молитве ясно определена сущность всего христианства. Христианство — есть общая жизнь, и Христос молится Своему Небесному Отцу о жизненном единстве всех верующих в Него, жили ли они в первые века христианства или судил им Бог видеть предпоследние или последние дни мира.

Истина Церкви касается жизни каждого христианина и определяет не только его верование, но и саму его жизнь. Именно поэтому так важно знать нам церковную историю и деяния отцов, осиянных святостью. А молитву Спасителя, которую слышали мы сегодня в Святом Евангелии от Иоанна, чаще и чаще надо приводить себе на память, чтобы не сбиться с пути во мраке безбожного мира, чтобы не обмануться ярким крикливым светом богопротивных учений, чтобы быть с Богом всегда, чтобы помнить, что это единение возможно только в Церкви Божией.

Трогательна эта возвышенная молитва Спасителя. Он посылает Своих учеников, первых христиан, это «малое стадо», в мир, в царство тьмы с проповедью евангельской истины. И знает Господь, каким озлоблением встретят их там, что против них и их последователей начнутся гонения. И какой непоколебимой верой и каким мужеством должны они обладать, чтобы выдержать натиск озверелых врагов Божией правды? И где взять эту веру, это мужество? Знает Господь наш Спаситель, что только помощь свыше сделает немощных непоколебимыми. И Спаситель обращается в этой последней Своей молитве к Богу Отцу, чтобы Сам Он сохранил их веру от искушений и колебаний, чтобы освятил их истиною Своею.

Прочитайте же все эту великую молитву, придя домой, и читайте ее чаще, воодушевляясь ее духом (еще раз повторяю: это семнадцатая глава Святого Евангелия от Иоанна). Это молитва исповедания Христа Спасителя пред Отцом Небесным, это молитва об учениках, которые понесут в мир слово Учителя о Боге, это молитва о Церкви, молитва о мире, это молитва о нас с вами.

И Я открыл им имя Твое, — говорит Господь, — *и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17, 26).

Вот то, в чем жизнь духа нашего. Мы и жизнь наша в Боге сокрыты, и единение со Христом — цель жизни нашей. Все дал Господь, чтобы исполнил человек свое предназначение на земле. Все предусмотрел, и ничто не было для Него тайной. Зрел Господь в последние минуты Своей земной жизни как первый день жизни мира, так и его последний день.

Об ощутимом действии иконы на нас

Несколько слов хочется мне сказать вам об ощутимом действии иконы на нас, сравнивая это с воздействием на нас молитвы через слово. Ведь икона, по утверждению отцов, тоже молитва. Вот и мы с вами молимся, и все знаем, и реально переживаем разные молитвенные состояния.

Иногда мы испытываем, как душа, явно освящаясь молитвой, ощущает близость чего-то неземного, и в этот момент все наше существо, вся душа и даже тело влечется к Богу. И мы не видим, кто и что прикоснулось к нам, но мы знаем эти небесные прикосновения и долго восхищаемся блаженством переживаемых моментов.

Вот и освященная икона сама по себе свята, и когда мы молимся перед ней, то святые слова наших молитв и зримый святой образ иконы пред нами одновременно преображают нас, устремляя и нас, грешных и земных, к святости.

Митрополит Филарет (Дроздов) говорил о воздействии на нас святыни следующее: «Когда мы в жизни встречаем святого человека, мы не знаем его святости, ибо нет никаких внешних признаков ее, но сердце наше и душа влекутся к нему, а мы можем и не понимать, почему это так». Но иногда «мир не видит святых, подобно тому, как слепые не видят света». И тогда нам надо искать причину слепоты нашей именно в нашем удалении от Бога, в нашей греховности.

Вот и в нынешние весьма сложные и трудные времена, когда новое язычество вновь ослепило мир, не новое ли иконоборчество во весь голос заявляет о себе? Иконы сейчас не уничтожают, их собирают, за ними охотятся,

но одни видят в них лишь красоту старины — экзотику, другие пленяются профессиональным совершенством изображения, третьи святотатственно простирают к ним руки, чтобы превратить их в сребро или злато.

Не кощунство ли это?

И держат они в руках своих и на стенах своих домов иконы, но не ведают того, что Дух Святой, ища в обладателях икон живые одушевленные храмы, достойные вселения святости, и не найдя таковых, — отступает.

И произносит о них горестный приговор: *Несть разумеваяй и несть взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупе непотребни быша...* (Рим. 3, 11–12). И гнев Божий пребывает на них.

Дорогие мои, не страшно ли это? То, что должно освящать человека, делает его еще более грешным, присоединяя к прочим грехам тяжкий грех оскорбления Святого Духа. И Дух Святой удаляется, а человек становится слепым и уже не может зреть чудес Божиих.

Други мои! *Дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете...* (Ин. 12, 36). Имея святыню-икону в доме, не забудем об этом, будем ежедневно обращать взор к ней, говорить с ней словами молитвы или тропаря, или просто постоим молча, душой прильнув к ней; и почерпнем в иконе просвещение и жизнь души и силы на каждый день.

Не буду перечислять примеры Божиих даров, получаемых нами через святые иконы, через святыню таинств Церкви. Их несть числа. Каждый день Святая Церковь прославляет иконы Матери Божией, празднует память святых Божиих угодников. Их иконы кладут перед нами на аналой для поклонения, и живой религиозный опыт каждого из нас, опыт нашего постепенного преображения через них, делает нас верными чадами Святой Вселенской Православной Церкви.

Как жить?

Ныне чаще, чем когда-либо за все время жизни моей, а это немало лет, приходится слышать вопрос: «Как жить, чтобы не погибнуть?» «Как жить, чтобы спастись?» — спрашивают верующие. «Как жить?» — спрашивают и те, чьи понятия о жизни не простираются дальше завтрашнего дня.

Этот вопрос задают и молодые, только начинающие жить, и пожилые, уже завершающие свой жизненный путь, в конце которого они сделали страшное открытие, что жизнь уже прожита, но не в радость созидания, и все труды, все усилия вложены во все пожирающую разруху и гибель.

Да, вопрос «как жить?» совсем не праздный. И как созвучны эти вопрошения современни-

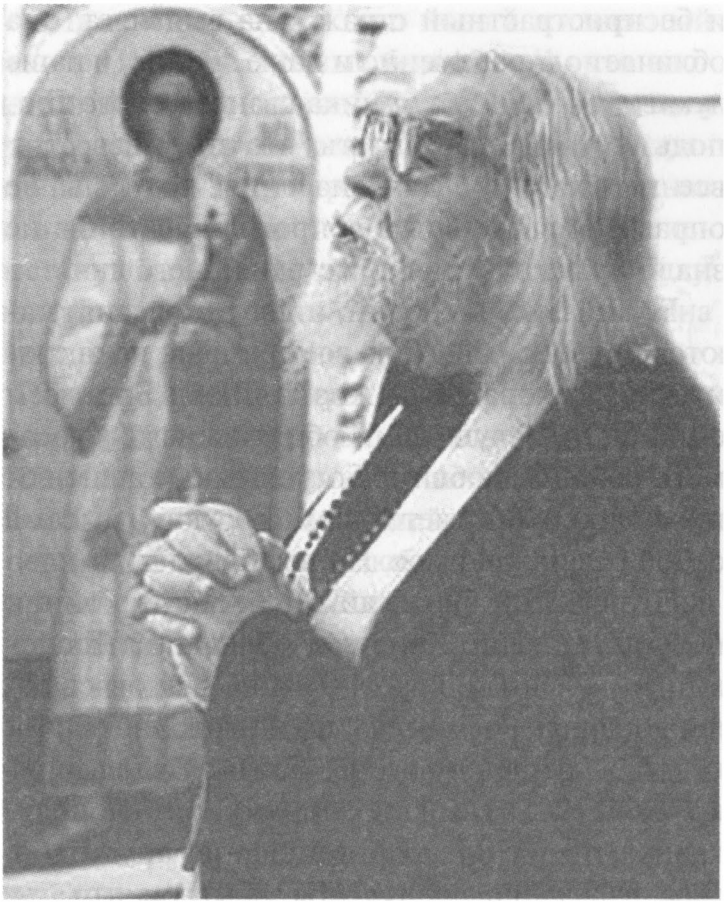
ков наших с вопросом, который некогда был задан Начальнику Жизни — Христу — Его современником, и не просто современником, а хранителем закона, данного Богом.

Он спросил: *Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?* (Лк. 10, 25). И «словеса Господня — словеса чиста» звучат в ответ законнику, а с ним и нам, открывая единственно правильный путь решения всех вопросов, недоразумений и недоумений. Всегда надо нам обращаться к слову Божию, говорит Господь *...в законе что писано есть; како чтеши?* (Лк. 10, 26).

Закон Божий! Он дан на все времена всему человечеству. Он дан в Божественном Писании, он дан в законе совести каждого живущего, он дан в законах Богозданной природы. И мы с вами сегодня не отвергаемся того, что знаем этот великий Закон Господень, закон, в котором кроется земное счастье наше и которым простираемся мы в вечность блаженного пребывания с Господом и со всеми Его святыми.

...Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф. 22, 37–40).

Да, да, мы знаем этот закон и требования его, мы знаем и как исполнить его жизнью сво-



ей, ибо кто из нас не знает, что для нас хорошо и желательно, а что плохо, чего мы всеми возможными средствами должны стремиться избежать.

Господом дана заповедь: не делай другому того, чего не желаешь себе. Эта заповедь тоже всегда с нами, всегда при нас, как неусыпный

и беспристрастный страж, она выявляет, она обличает одновременно и наше знание, и наше лукавство. Если законника евангельского Господь заставляет признать, что тому известно все необходимое для спасения, то и мы не оправдаемся наивным вопросом, будто бы не знали пути спасения до сегодняшнего дня.

Божий закон — один, и две заповеди остаются непреложными на все времена, пока стоит мир. Это два якоря жизни. Люби Бога всем сердцем, всей душой... Люби ближнего, как самого себя. О любви к Богу мы не ставим вопрос, ибо это кажется нам, верующим, само собой разумеющимся. Но вот ближний?

Кто же мой ближний? И уже не законник вопрошает ныне Христа и обличается Господом, а мы с вами, дорогие наши, становясь совопросниками века сего, но не исполнителями ясного и жизненного слова Божия. Это мы прикрываем вопросами свое малодушие, свою духовную леность, свое нежелание трудиться, свое нежелание любить. Мы забываем, что ...*не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут*... (Рим. 2, 13).

Мы с вами, пожалуй, даже не задали бы Господу вопрос: «Кто же ближний наш?» Ибо теперь почти повсеместно и откровенно все для нас стали дальними. Даже кровные родные, даже родители и те отстранены непомерно разросшимся нашим «Я».

«Я» и «мое» — вот наш новый жизненный закон. По нему и самые близкие, те, кто вложил в нас свою жизнь, израненные многими тяготами трудов, болезнями и скорбями, израненные нами же, напрасно будут ждать от нас помощи. И вчерашние друзья сегодня уже перестанут быть ближними нашими, впав в беду, потеряв возможность быть нам полезными на празднике жизни, в погоне за счастьем.

Тут мы даем полную свободу оценке всего и всех. Так незаметно никого близкого не оказывается рядом с нами, не находим мы того, кто был бы достоин нашей любви: один — грешник и недостоин любви; другой — иноверный или инакомыслящий; третий — сам ископал себе яму, в которую впал, значит, достоин наказания.

Широка и глубока заповедь Божия, а мы, став на путь высокомерного суждения, вместив в себя одновременно чувствования и священника, и левита, прошедших мимо бедствующего человека, тоже проходим мимо всякого, кто оказывается рядом, кто нуждается в нашем внимании, кто просит нашей помощи, уже не говоря о тех, кто просто безмолвно страдает рядом.

И вот мы уже не исполнители закона, а судьи. И вопрос «как спастись?» звучит праздно, попранный отвержением Богом данной заповеди о любви к ближнему. У нас нет ближнего.

И услышим ли мы с вами сегодняшнюю притчу — назидание о милосердном самарянине, у которого закон любви был написан в сердце, для которого ближним оказался не ближний по духу, не ближний по крови, но тот, кто случайно встретился на его жизненном пути, кто именно в ту минуту нуждался в его помощи и любви?

Услышим ли мы определение Господне для законника, для нас, знающих закон: *...иди, и ты твори такожде* (Лк. 10, 37). Забудь себя и свое «Я», поставь в средоточие жизни своей того человека, которому нужна твоя помощь, материальная ли, духовная ли. Поставь в средоточие жизни того, кому нужен ближний, и стань им ты.

Вот, дорогие наши, мера нашего духовного возраста, где кроется ответ на вопрос о спасении, *...иди, и ты твори такожде*. Иди и ты поступай, как учит Господь. Иди и ты твори добро всякому нуждающемуся в нем, невзирая ни на происхождение человека, ни на общественное положение его, невзирая ни на что. Иди и твори добро, и ты исполнишь заповедь любви. Делай добро... делай добро от сердца, делай его во имя Бога всем братьям твоим в Боге, делай добро и врагам, делай добро ненавидящим и обидящим тебя, и ты исполнишь заповедь любви.

И любовь к ближним сделает тебя близким к Богу, и ты исполнишь закон Христов и спа-

сешься. Но вот теперь, когда опьянение нахлынувшей на нас так называемой духовной свободой проходит, рассеивается туман самообмана и обольщения, и видим мы, что церкви открылись или еще во множестве открываются, монастыри принимают только вчера крестившуюся молодежь и из мест заключения пишут письма, желая тюремную камеру или барак заменить на монастырскую келью, то именно теперь становится очевидным, что творить дела любви, исполняющие Закон Христов, не так-то просто. Да, этому надо учиться, этого надо хотеть. Надо только в делах любви к ближнему увидеть и почувствовать возможность преображения души своей, возможность спасения.

Но ничего этого нет. Пока этого нет, и главное, что даже стремления к этому не видно.

И не задумаемся ли мы с вами над совершенно новыми явлениями в жизни нашей?

Сегодня, когда поток неведомых ранее соблазнов захлестнул Россию, когда блуд, насилие, сребролюбие, пьянство, наркомания стали явными и уже привычными пороками, а тяга к святыне и кощунство над ней одновременно борют и владеют человеком, вопрос о милосердии, о любви вырастает в первостепеннейший, главнейший вопрос жизни. Ибо только милосердием и любовью можно стяжать Святой Дух Божий, Которым только и можно противостать

страшным духам злобы, овладевшим людьми и миром.

И не случайно, дорогие мои, в это страшное апокалиптическое время последнего срока существования мира милость Божия опять протягивает руку погибающему человеку.

На улицах, среди живущих рядом с нами все более и более появляется людей, просящих милости нашей, тех, кого раньше называли нищими. И пожилые люди, которыми всегда держалась Церковь, теперь опять вышли на улицы, чтобы принести Церкви пользу — вернуть ей погибающих, давая людям возможность проявить в себе дух христианского милосердия, чтобы отпавших от Бога грехом вернуть к Нему милосердием. И те, кто просит сейчас помощи нашей, виновато и испуганно глядя на нас, зарабатывают нам своим нелегким нищенским трудом Царство Небесное.

Так не пройдем же мимо протянутых к нам рук, мимо страждущих, болью и горем исполненных глаз, мимо ближнего нашего. Не пройдем, дорогие мои, мимо своего спасения; не пройдем мимо Самого Христа, Который в образе каждого нуждающегося в нашей помощи призывает нас на вечерю любви.

При дверех нелицеприятный Суд Божий и благостная речь Сына Человеческого — Христа — к одним: *...приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное*

вам... ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне (Мф. 25, 34–36).

Но не замедлит для других и грозный, решительный приговор: *...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его...* (Мф. 25, 41).

Спасайтесь, други наши, спасайтесь! Спасайтесь делом, проходя нелегкий, особенно ныне, для всех путь жизни во спасение.

Ты Сам, Милосердый Господи, вдохни в нас чувство Своей любви и удостой вечных радостей в стране живых.

О бытии диавола, о разрушающей, смертоносной деятельности его

Жизнь наша теперешняя настоятельно требует, чтобы мы все очень внимательно отнеслись к этой теме. Ибо незнание наше, или стыдливое замалчивание, или даже и отрицание бытия этой страшной силы делает нас пред ней совершенно безоружными, и она может вести нас, как овец на заклание, в погибель. Ведь мы порой, и даже часто, перестаем понимать, где свет, где тьма, где жизнь, а где смерть.

И самой большой победой этой силы, без сомнения, надо признать то, что многим по-

колениям людей она внушила, будто ее совсем нет. Но до некоторого времени, пока духовное зрение людей еще не было совершенно помрачено, диавол действовал осторожно — силой внушения. Теперь же, в наше время, когда наша беспечность и духовный сон обнажили нас от покрова Божией благодати, от силы духа, диавол встает перед нами во всем своем злобном обличии, он выступает как живая, ощутимая, действенная сила, и сила лютая.

Господь в свое время возвестил всем, живущим на земле и верующим слову Его, предостерегающее и должное настораживать и призывать к особенной бдительности слово Свое. *...Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию...* (Лк. 10, 18).

А в другом месте Писания говорится, что не нашлось ему места на небе, и в страшной ярости сошел он на землю, чтобы ходить по ней, обитать на ней и рыкать, аки лев, ища, кого поглотить (ср.: Откр. 12, 9, 12; 1 Пет. 5, 8). И стал он, губитель-диавол, «князем мира сего», а вместе с ним водворились и властвуют на земле бесчисленные полчища его клевретов. И с тех пор местом обитания их стала глубокая бездна, которая отделяет Церковь воинствующую от Церкви Торжествующей.

А самый первый и горький опыт его коварной власти на себе понесли наши праотцы Адам и Ева, ибо его стараниями они познали

сладость греха и вкусили горечь смерти. А он с тех далеких времен без устали делает свое дело. И главной его задачей на все времена была, есть и будет борьба с Богом за души людей, где место битвы — сердца человеческие. Все совершается там: там уместится и бездна ада, и там — искра веры, сохраненная Богом от тлетворного дыхания вражия, родит пламень Божественной любви — ходатая вечной радости.

И нам с вами, дорогие мои, надо пристально всматриваться во все происходящие вокруг нас и лично с нами события. Надо знать свое сердце, ибо невнимание и незнание не оправдают нас в день Страшного Суда, который неотвратимо приближается к земле.

...Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его... (Мф. 25, 41) — скажет Сын Человеческий тем, кто не знал, кто не хотел знать.

А примеров одержимости и насилия над людьми бесовской силы много в Писании: это и евангельский образ женщины, восемнадцать лет согбенной (связанной) от диавола; это и двое одержимых, живших во гробах (в могильных склепах), разрывавших страшной бесовской силой кованые цепи, коими пытались их связать, совершенно не управляемых разумной силой; это и бесноватый, которого бес, желая погубить, бросал то в огонь, то в воду;

и многие другие примеры (см.: Лк. 13, 11–16; Мф. 8, 28; Мк. 5, 4; Мф. 17, 15).

И никогда Господь, исцеляя бесноватых, не называл беснование естественной болезнью. Он прямо признавал виновниками ее бесов и изгонял их.

Но эти примеры по жестокосердию нашему и недомыслию не трогают нашего сердца, когда мы читаем или слышим о них.

Ведь это было когда-то и где-то, а многие даже имеют дерзость в глубине сердца усомниться в примере чужой жизни, а некоторые идут и еще дальше, неверием отвергая слова Божественного Писания.

Но теперь нам с вами уже не отдаленные примеры, а наша собственная жизнь дает почувствовать насилие, тиранию над нами и самого диавола, и сынов противления, то есть людей, которые стали исполнителями злой воли диавола на земле.

Вслушайтесь внимательно, дорогие мои, в слова святого пророка Божия Исаии, вслушайтесь и вдумайтесь в откровение этого ветхозаветного богослова. Не о нас ли, не о нашем ли времени говорит пророк, живший за 759 лет до Рождества Христова?

Земля опустошена вконец и совершенно разграблена... Сетует, уныла земля; поникла, уныла вселенная; поникли возвышавшиеся над народом земли. И земля осквернена под живущими на ней,

ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю и несут наказание живущие на ней; за то сожжены обитатели земли, и немного осталось людей... злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски... Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается... и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет и уже не встанет (Ис. 24, 3–6, 16, 19–20).

Да эти слова — о нас! Это мы преступили Закон Божий! Это мы нарушили Его завет! Это мы забыли Бога! И наша матушка-кормилица земля уже рождает одни терния и волчцы от злобы живущих на ней. И небо, когда-то даривше людям светлый дождь жизни и плодоносную росу, сеет на наши головы химическую отравляющую влагу, и ветер Чернобыля обжигает мир своим смертоносным дыханием. И разгул зла, лукавства и вражды идет по земле. И нет молитвы, чтобы залить этот пожар зла, нет духовной силы, чтобы предотвратить грядущую гибель.

Неужели все это сотворил человек?!

Нет, дорогие мои, возможности человека ограничены, и срок жизни его — семьдесят, от силы восемьдесят лет. Иногда он не успевает даже и осознать своего назначения на земле, как уже сходит в могилу. Нет у него ни времени, ни могущества, ни воображения посеять

столько бед и зла, чтобы хватило на все человечество.

Все то малое зло, которое успеваем натворить мы, грешные люди, приводит в совокупность великий дирижер — сатана, тот, кто сеет в нас малое. Он сеет малое и выращивает малое в большое. И это называется «тайной беззакония». И тайна беззакония восходит от силы в силу именно потому, что вконец ослабело наше сопротивление ей, оскудело наше понятие о ней.

Мы в своем обольщении забываем Бога, забываем Небо, забываем вечность. На этой почве полного погружения людей в плотскую жизнь разрастается всепоглощающий разврат.

Младенцы, зачатые в беззаконии, появляются в мир больными, от рождения одержимыми духом злобы, часто они лукавством превосходят взрослых. Отроки, не зная детского простодушия, играют во взрослых, в одуряющих химических веществах они ищут особых видений и ощущений, зачастую находя в них смерть. Юноши и девушки, не зная самого понятия невинности и чистоты, погружаются в болото такой грязи, о которой помыслить страшно и срамно глаголати. Наркотический угар для многих становится единственно реальной жизнью. А грохот бесовского шума, ворвавшийся в дома наши с телевизионных экранов, оглушил, одурил всех — от малого до большого,

вовлек всех в водоворот адского кружения, поработив души насилием.

И мы, не задумываясь, а значит, добровольно, впускаем в дома свои телевизионных колдунов всякого рода и учимся у них, как быстрее и надежнее безвозвратно погубить душу. Цепи, скованные из тьмы предательства, измен, стихийной гордости, лжи и самомнения, все крепче опутывают наши сердца, связывают наш ум, наши руки, все наше существо. И мы становимся не способными ни к чему доброму. И светлый Ангел Хранитель стоит поодаль, оплакивая сердца наши, ставшие игралищем бесов. Нормой жизни становится — ходи по трупам задавленных тобою, рви кусок из чужого рта и плюй на всяческие заветы. А тот враг, что посеял страшные плевелы злобы и гордыню лжеименного разума, он — человекоубийца искони, лжец и отец лжи — любуется плодами дел своих. Он преуспел. Он одолел людей. И Бог теперь не столько отрицаем, сколько вытесняем из сердца человека различными пристрастиями и житейскими попечениями. Бог просто забыт.

Даждь Ми, сыне, твое сердце, — просит, зовет Господь (Притч. 23, 26). Да где оно, наше сердце?! И есть ли еще оно?.. Если и есть, то нет в нем уголка — местечка для Бога, для света и тишины, для мира и любви. И страшно нам, что свет Божий откроет для нас самих

страшный хлам нашего сердца. И мы опять гоним Бога и бежим от всего, что может обнаружить наше истинное лицо.

Да это опять и не мы, дорогие мои, а все тот же человекоубийца, увлекающий нас все дальше и дальше к отпадению от спасения, уготованного людям Сыном Божиим. Враг сам уже вошел в наше сердце и овладел им.

Но не мог он этого сделать без нашего согласия. Ведь Премудрость Божия так сотворила человека, что без него самого или против его воли ни спасти, ни погубить человека нельзя. И мы сами, отвергая Бога неверием или веруя в Бога, но отвергая заповеданные Им дела, отвергаем свое спасение. И, не принимая темную, безвидную, страшную силу диавольскую, но делая дела тьмы, мы сами отдаем себя в ее руки, мы сами готовим себе бездну ада.

Так знайте же, дорогие мои, что диавол не иначе проникает в нас, как овладев нашим умом, нашими помышлениями. У одних он похищает из ума и сердца веру, в других его смрадное дыхание испепеляет страх Божий, третьих, поразив тщеславием, он ведет в плен многих страстей, ибо тщеславие и гордыня рождают такие пороки в нас, что открывают врата души всем бесам. И человек не замечает, как становится одержимым.

Нам надо твердо помнить, что основной отличительной чертой диавольской брани явля-

ется приспосабливаемость, что брань с нами злые духи ведут непрестанно, и разнообразию ее несть числа.

Главное же — надо непременно знать, что подход их к нам незаметен и действие постепенно. Начав с малого, злые духи постепенно приобретают великое влияние на нас. Бесовская хитрость и лукавство, как правило, услужливо идут навстречу нашим же желаниям и стремлениям, даже доброе и невинное они способны превратить во оружие свое.

Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже состарившись в скверне греха, кто отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто — задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу.

И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить.

Но нет! Великий «ухажер» — диавол на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а «вваливается» в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в та-

ком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что и изменить пора.

Он «уже знает, что такое благодать и как она выглядит», еще не начав быть православным христианином, он становится судией и учителем. Так снова Господь изгоняется им из своего сердца. И где?

Прямо в Церкви.

А человек этого уже и не почувствует, ведь он находится в Церкви, ведь он пролистал уже все книги, и ему уже пора и священный сан принимать, а ей уже пора одеваться в монашеские одежды.

Но, дорогие мои, они примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их и теперь. А дальше жди и других исключительных, возможных только на почве искаженной веры явлений.

Без труда, без борьбы и без крестных страданий воспринятое — без жизни, христианство только по имени, а значит и без Бога, и явит различные обольщения в видениях и откровениях.

Диавол будет руководить своей жертвой внутренними голосами, а у кого-то заполнит ум, пленит сердце хульными образами и словами. И горе, если человек — невежда в вере, ес-

ли снова не ринется он за помощью к Богу, готовому помочь даже и изменнику.

И надо нам с вами всем помнить, что в душе светлой и чистой даже одна какая-нибудь брошенная от диавола мысль тотчас произведет смущение, тяжесть и сердечную боль, в душе же, омраченной грехом, еще темной и оскверненной, даже само присутствие вражье будет неприметно. И этой неприметности помогает сам дух злобы, ибо она ему выгодна. Он, тирански властвуя над грешником, старается держать его в обольщении, убеждая, что человек действует сам собой, или внушая, будто Ангел, светлый образ которого принял лукавый, уже почтил жизнь этого человека своим явлением.

Обольщенный, как мотылек, летит на призрачный свет бесовского видения или откровения, которое смертельно опалит его душу. Он желал чуда, искал откровения, и оно явилось. А у человека даже и мысли не возникает о своей во грехе прожитой жизни, которая уже стеной стала между ним и Богом. Сколько еще надо трудиться, чтобы эту стену разбить, чтобы увидеть свет истины!..

Трудно обмануть истинно верующих. Смирение и страх Божий предостерегут, а Дух Святой, охраняющий их, откроет им правду и наставит на всякую истину. Да и знают они со слов Самого Спасителя Христа, что должно прийти соблазнам, и остерегаются их.

Из житий отцов-подвижников известно, что они узнавали беса, являвшегося им даже в образе Христа. Духовная же слепота едва ли не большинства современных людей, хоть и именующих себя христианами, увлекает их все умножающимися бесовскими соблазнами.

Уже теперь мы слышим и читаем в периодической печати о всяких явлениях-знамениях то на небе, то на земле: о светящихся летающих объектах, о «добреньких» инопланетянах, о «барабашках», которые вторгаются в жизнь наших современников, навязывая им определенные нормы жизни и поведения уже не в помыслах, но зримо, делом, творя мнимые чудеса, приучая соблазнившихся полному послушанию себе. Есть даже случаи самоубийств, совершенных по внушению этих «опекунов». И никого не смущает такой их наплыв, ни у кого не возникает мысли: а откуда же они, почему пришли и где были раньше? Но даже если бы кто-то все эти явления в той же печати назвал своим именем, сказал, что это разгулявшиеся, разыгравшиеся с омраченным, обезбоженным миром бесы, у читателей все равно не было бы уже способности осмыслить и понять, что же несут в себе эти явления и игры. А новые, открывшиеся в последнее время способности целительства духовным прозрением, ясновидением и прозорливостью у многих, очень многих людей всякого возраста, с раз-

ным образованием? От юноши, с грехом пополам осваивающего школьную программу, до преподавателя вуза, от тетушки-домохозяйки до дамы, образованной во всех отношениях.

Поразительно, что большинство из них, не обремененные никакими знаниями в области медицины, воспринимают открытие как дар неба.

Дар-то дар! Но от кого и зачем, что может принести он «врачу» и больному? «Врачу» он принесет бесовскую гордыню, а доверившемуся ему пациенту — нарушение всех душевных и духовных сил — одержимость.

Но это будет потом. А пока все хотят быть здоровыми любой ценой. И это снова — богоборчество.

Христианин истинный, а не по имени только и моде, непременно вспомнит в связи со всеми этими явлениями, как поступили святые апостолы, встретив девицу, имеющую духа прорицательного и доставляющую тем доход своим господам (см.: Деян. 16, 16–18). Вспомнят верующие и отбегут от духа лестна, а остальные и сами погрузятся в губительный обман, и повлекут за собой многих.

Все это, дорогие мои, — знамение времени. Все это значит, что христианство, как дух, неприметным образом для суетящейся, служащей миру толпы удаляется из среды человеческой, оставляя мир на окончательное падение.

И у всех живущих на земле возникает в наше время предощущение грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжелым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что же с ним происходит. Диавольские силы поработили ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестал видеть Бога, он уже не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной истины и тьма исчезла.

Так вспомним же, дорогие мои, как одним мановением Спасителя, одним Его словом, словом Божественной любви выпрямилась согбенная, страдавшая от насилия диавола восемнадцать лет.

Припадем к Спасителю Христу с мольбой и любовью, отрясем узы греха, отбежим соблазнов и обольщений диавольских. Припадем к Спасителю — именно этим мы сможем противостать диаволу, и убежит он от нас.

Научимся же понимать и беречь добро души своей, будем сторожить входы в свою душу, научимся видеть себя, тогда мы обнаружим все дела, все козни диавола внутри и вокруг нас. Так помолимся, чтобы дал нам Господь бодрый ум, трезвую совесть, открыл духовное зрение. И главное, никогда не будем забывать об исконном враге, воюющем на род человеческий.

И, помня, что сила борителя крепка, а наша сила немощна, смиренно припадем несомнен-

ной верой к Тому, Чья сила сильнее всякой другой.

Господи, имя Тебе — Сила, подкрепи же нас всех, изнемогающих и падающих. Аминь.

...Вера твоя спасла тебя!

Какой смысл сокрыт в этом слове — «вера»? Какая вера? Какая жизнь? Ведь и мы тоже веруем, но так ли, чтобы и нам услышать решительное слово: «Иди, ты спасен!» Краткое евангельское слово обращено к нам — *прииди и виждь*, научись спасению верой.

Враг рода человеческого исказил душу человека грехом. Он, как ловец, преследует душу без устали, он сделал ее согбенной аж до земли. И человек перестал видеть небо. Лишь собственное чрево да прах, попираемый своими же ногами, предстают его взору, его помыслам. И болезни тела неотступно следуют за болезнью души.

Так, десять прокаженных, десять страдальцев, чьи распадающиеся, гниющие тела несли на себе страшные язвы греховной жизни, предстали Господу Спасителю. Они стояли вдали от Него, колеблемые слабой верой и неверием одновременно. Но слух о Христе, как о великом Целителе, уже дошел и до них и родил в их душах некоторую надежду.

...*Иисус Наставник, помилуй нас!* — взывают прокаженные о помощи (Лк. 17, 13). И вид их

страдания, и вопль о помощи преклоняют Господа на милость. Он отсылает больных в церковь, требуя от них исполнения закона: *...пойдите, покажитесь священникам* (Лк. 17, 14). Своей же целительной силой Христос снимает проказу болезни, хотя они находятся еще только на пути к исполнению закона, на пути в церковь. Вознаграждена и сама готовность грешников исполнить закон. И десять человек вошли в церковь прощенными и, как следствие прощения, получили исцеление от неисцельной болезни своей!

Но что происходит дальше? Их было десять, несчастных грешников, изувеченных общей болезнью, но только один, как слышим мы в Евангелии, получил дар Вечной Жизни — спасение. Только один из десяти прокаженных, пораженный чудом, совершившимся над ним, видя себя исцеленным, очищенным, вновь ищет Христа, чтобы припасть к Нему с чувством благодарности и изумления, ибо он познал в Целителе — Живого Бога. И он возвращается ко Христу, чтобы уже никогда не отойти от Него ни словом, ни делом, ни помышлением. И благодарность его стала свидетельством живой веры. А вера стала его жизнью, стала силой души. Чувство Живого Бога, потребность идти к Богу, хваля и прославляя Его, даруют человеку спасение.

Но *...не десять ли очистилось? где же девять?* звучит снова голос Спасителя (Лк. 17, 17).

А девять, получив желаемое, получив милость прощения и очищения, возвратились в свою прежнюю жизнь — жизнь греха и порока. Они ушли, забыв о чуде, забыв о Том, Кто даровал им милость Свою. И вера их сразу угасла, ее задул вихрь жизни, ее похитил диавол. И в душах их — воцарилась прежняя темнота греха и пустота, не сохранила душа следа Божиего влияния на нее.

И нет любви к Богу — Благодетелю, Целителю, Источнику жизни. И опять Бог забыт до какой-нибудь очередной беды, болезни, скорби, которые снова вскормит их же греховная жизнь.

Но это можно сказать и о нас. Человек без конца подбегает к Богу и требует, требует благ: счастья, довольства, здоровья. Он подбегает к Богу со своей нуждой, но не живет Им, и всякий раз, получив просимое, возвращается к привычной прежней греховной жизни. И эта бесплодная толчея человека возле Бога все чаще и чаще вызывает в прокаженных душах ропот на своего Творца, ропот на всё и вся. Тогда Бог становится виновным во всем: это Он не отвечает на просьбы-требования, это Он не дает человеку всю полноту жизненного счастья. А то, что сам человек не живет по предписаниям Божиим и в Законе Божием, что он пожи-

нает горечь разрушенной своими же беззакониями жизни, не приходит ему на ум. Нет у него подлинной веры, подлинной жизни духа, и не кончится спасением жизненный путь его. Вот и все! Как ясно и просто!

Спасение человека совершалось, совершается и будет совершаться во все времена только верой и только в Церкви. Во все времена проказа греха — семени смерти, — поразившая весь род человеческий, врачуется, исцеляется только там и только Спасителем Богом.

О тайне беззакония

Тайна беззакония совершенно противоположна тайне христианского благочестия. Уничтожение веры во Христа Спасителя как Бога — одна из основных задач неустанной диавольской заботы.

Ведь только Святая Православная Церковь Христова есть живой организм, насаждающий и взращивающий виноградник Христов, только в ней — залог жизни и спасения человека, только в ней — Христос всегда «живый и действуяй».

Святой Киприан Карфагенский говорил: «Тот не имеет Отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь». Поэтому-то Церковь и находится под особо пристальным вниманием врага-губителя.

В каждую эпоху истории Церкви враг изобретал свои особые приемы борьбы с ней, и каждый раз, изощряясь в более подходящих по времени восстаниях на Святую Церковь, он то ополчался на нее извне гонениями от предержащих властей, то ввергался в лоно Церкви расколами, то роем ересей, заблуждений и неправд извращал истину, расторгая единство и ниспровергая веру.

Нам с вами, дорогие мои, необходимо знать не только все, касающееся козней диавольских против наших душ, чтобы не оказаться в пленении, но надо знать и все способы борьбы его против Церкви, чтобы вместо Церкви Божией не попасть в церковь лукавнующую.

Исключителен путь Русской Православной Церкви после 1917 года. Обреченная от властей на полное уничтожение, когда Православие в полном смысле этого слова выкорчевывалось, она длительное время переживала такие лютые гонения, которые могут сравниться лишь с гонениями первых веков христианства. Но тогда Православие в России было еще настолько могущественно, что только физическое уничтожение Церкви Божией, ее иерархов и народа Божия помогало в исполнении этой первоочередной задачи новым властелинам.

Позднее, когда истреблением священства Церкви был нанесен сокрушительный удар, а в

верующем народе посеян страх, враг всякой правды вводит в Церковь раскол обновленчества, желая то немногое, что осталось от Церкви, живое силой Духа Божия, приспособить к требованиям миродержца и тем довершить свою задачу, уничтожив Церковь изнутри. Но голос крови новых российских мучеников исходатайствовал Русской Церкви милость Божию. Началась война, которая приостановила готовые осуществиться планы. В послевоенное время на смену явному гонению приходит новое — скрытое, которое продолжается и по сие время. В этом гонении врага не видно, все становятся вроде бы друзьями, тогда как неверие и зловерие ведут свою незримую, но беспощадную борьбу. И по-прежнему для Церкви — это борьба за выживание. И если прежде во все времена еретики обнаруживали себя явно, то ныне Церковь наполнена еретиками скрытыми. Это все те, кто приходят в Церковь, но неправо мыслят о ней, о вере, о Боге.

Вот откуда, дорогие мои, ваш вопль, что в Церкви уже нет больше Божией благодати. Но оценка эта неправильная. В Церкви благодать была, есть и будет, только те, кто в ней, не вмещают в себя благодати, их души, их сердца не отданы Богу. И вы сердцем чувствуете, что рядом с вами в Церкви чужой человек.

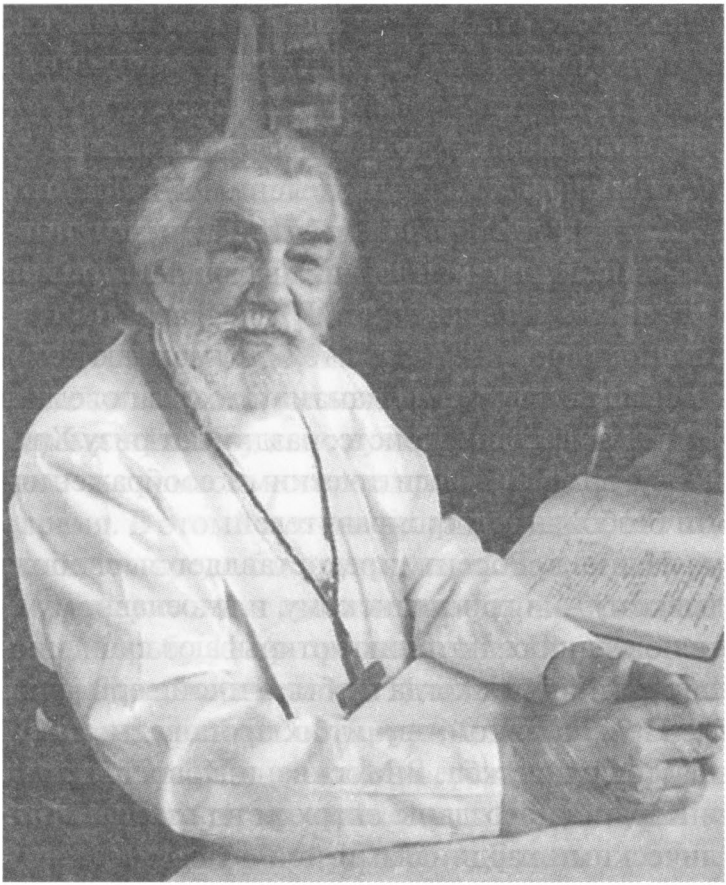
Облегчается делание разрушителя в Церкви еще и общим религиозным одичанием людей.

А в таком состоянии, когда нет сопротивляемости находящим болезням, любая из них, даже самая безобидная, может стать смертельной. Новейшее время принесло в Церковь еще более злой раскол и разделения. Церковь зарубежная, церковь автокефальная, церковь катакомбная — и все они мыслят о себе как о единственной истинной Православной Церкви. Враг достигает цели: те, кто называют себя православными христианами, кому заповедано единство веры во Христе, раздирают ризу Христову, водимые политическими соображениями безбожных мироправителей.

Ныне в России предоставляется свобода всякому — и христианскому, и инославному — исповеданию. Католики открывают свои миссии; там, где никогда не было иной веры, кроме Православной, звучит их проповедь, совершается их служба. В Москве, в Новосибирске, в Караганде созданы епархии во главе с католическими кардиналами.

Одновременно с давлением извне враг продолжает свое наступление и на содержание православного вероучения, стремясь извратить истину. Сеются плевелы лжеверия, которые, отрицая православное христианство, говорят об общей единой вере в Бога всех народов.

Сколько молодежи пришло сейчас в Церковь с распутий жизни, пройдя через оккультизм, индийскую философию, йогу. Эти бесов-



ские познания они принесли с собой и в Церковь. Не имея ни сил, ни времени, а часто и желания освободиться от страшного ве́дения зла, они начинают на христианской почве изобретать свою новую, невиданную веру, где в равном достоинстве уживаются и истина, и ложь. Но по слову апостола Петра: *Лучше бы*

им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди (2 Пет. 2, 21).

Враг же рода человеческого — деятельный помощник и вдохновитель этих несчастных — предпочитает оставаться в тени. Изобретенным под его диктовку самостоятельным верам уже и теперь нет числа, а будет их еще больше: что ни царство, то свое исповедание, потом, что ни область, далее, что ни город, а наступит и такое страшное время, что ни человек, что ни голова — то своя вера. Там, где сами себе строят веру, не принимая Богом данную, иначе и быть не может. Да и неверие не хочет равнодушно смотреть на веру, не хочет довольствоваться своим неверием. Ему надо окончательно уничтожить все, что по-другому мыслит, особенно в вопросах веры, бытия Божия и бессмертия души.

Самый же страшный способ богоборчества и уничтожения Православной Церкви в настоящее время — это извращение истинного христианства и подмена его ложным. Евангелие, которое ныне известно всем, становится объектом личного переосмысления, перетолковывания, всяческих измышлений на основе слова Божия.

Было время к тому благоприятное, когда верующие не имели книг для уяснения истины, а священство молчало, связанное негласным

запретом от властителей мира сего. Но даже тогда не было такого бесконечного разлива измышлений на тему слова Божия.

Теперь же, когда книги церковные и толкования, кои изрекали святые Божии люди, движимые Духом Святым, приобрести легче, чем хлеб насущный, именно теперь, присваивая себе имя христиан, обрушиваются на Церковь еретичествующие служители сатаны. Они возвещают вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа и, прикрывая ложь правдоподобием, хитростью, уничтожают для нас истину. И *...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8).

Теперь наступают такие дни, что имя христианское слышится повсюду, храмов открывается даже больше, чем можно найти молящихся. Но не будем спешить радоваться. Ведь как часто это только видимость, ибо внутри уже нет духа христианского, духа любви, Духа Божия, творящего и дающего жизнь, но царит там дух века сего — дух подозрительности, злобы, раздора.

Духи-обольстители и учения бесовские уже явно проникли в церковную среду. Священнослужители, народ церковный, попуская себе ходить в жизни в похотях сердец своих, одновременно молясь Богу и работая греху, получают за это должное воздаяние. Бог их не слышит, а диавол, не связанный силой Божией,

творит через обольщенных свои непотребные дела.

Дух Божий еще в первые века христианства остерегал всех живущих, что *...в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам-обольстителям и учениям бесовским...* (1 Тим. 4, 1). Ныне отступление от Бога и веры распространяется по земле. Человек, отвергая добро и избирая зло, становится соучастником темной силы в борьбе против дела Божия — созидания жизни на земле. Мы видим это совершающимся.

Вот какая страшная опасность грозит миру!

Как же жить нам на этой обезумевшей от зла земле? Слушайте внимательно. Святитель Божий Игнатий отвечает нам: «Те, которые поистине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди их знамений и чудес. Они пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями».

Дорогие мои, это чрезвычайно важное указание нам!

Берегитесь шума, берегитесь показного делания, берегитесь всего того, что лишает вас смирения. Там, где нет смирения, там нет и быть не может истинного угождения Богу. Ныне время, когда иссякли благодатные руководители подлинно духовной жизни. Теперь

безопаснее руководствоваться Святым Писанием, писаниями подвижников благочестия. Господь и здесь пришел на помощь «малому стаду», ищущему Его. Книги истинных духоносных отцов вновь увидели свет, снова пришли к верующим. Читайте святителя Феофана Затворника, внимайте прочитанному, и козни вражии не посмеют коснуться вас, следующих его советам.

А вот последнее слово нам, живущим в столь трудные времена: «Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею... Устранись, охранись от него сам; и этого для тебя довольно. Познай дух времени, изучи его, чтобы по возможности избежать его влияния». Дорогие мои! *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 11–12). И Господь будет с нами, будет нашим Помощником.

Научимся же вере, дорогие мои, в Церкви научимся жизни по вере от евангельского прокаженного! И отнимется от нас прокажение душ, и снимется расслабление тел, и тогда одухотворенными душами, всем существом своим мы потянемся к Сладчайшему Источнику жизни — к Богу и, преданно припав

к Нему, услышим Его голос, любящий и зовущий: *Встань... встань от прокажения грехом, вера твоя спасла тебя...* И встанем оправданными, и останемся со Спасителем своим во веки веков. Аминь.

О падении и восстановлении России

Из истории России видно, что есть соответствие внешней судьбы нашей Родины с внутренним состоянием народного духа. Поэтому необходимо понять, что как грех привел к катастрофе, так и покаяние способно привести к восстановлению России.

События XX века показали, что мир стоит перед лицом гибели. Дай Господь вам всем мужество очнуться, чтобы понять, что заблудились люди во мраке обольщения. Вот тогда-то миру и понадобится неугасимая лампада — Святая Русь, ибо без нее не выбраться из трясины.

Россия! Будь такою, какою ты нужна Христу!

О блуждании по распутиям жизни и чуде встречи с Богом

Начнем разговор о Закхее-мытаре, ибо, подобно ему, немало людей еще блуждают по распутиям жизни во мгле житейского тумана, ози-

раясь туда и сюда, водимые призрачными целями, вдали от Бога.

Страсть к наживе и богатству, сладострастие, желание любой славы, пусть даже и недоброй, но славы, выделяющей из общей массы, из толпы, — вот удел многих. Не узнаем ли мы себя в этой толкотне, в этой людской суете?

Здесь же и Закхей-мытарь — славный неправедным богатством и униженный всеобщим презрением и богатых, и бедных. Толпа жаждет хлеба и зрелищ, и она — вокруг Христа, но ее любопытство лишь скользнет по Нему взором и, пройдя мимо, угаснет, поглощаемое житейскими заботами и пристрастиями. А любопытство Закхея уязвлено слухами о Праведнике и Чудотворце, Который не гнушается ни прокаженными, ни грешными. И Закхей желает видеть невероятное, неслыханное — Человека, умеющего любить.

Закхей делает первый шаг. Он выбирается из толпы. Он забегает вперед ее и, забыв себя, забыв, кто он по положению, по возрасту, совершает невиданное, он забирается на дерево, поднимается над землей. Маленький, важный, уже пожилой человек, не принимая во внимание то, как он выглядит в глазах окружающих, Закхей карабкается вверх. И в тот же миг, желая видеть Человека — Христа, он встречает Христа — Бога. ...*Сойди скорее, ибо сегодня на-*

добно Мне быть у тебя в доме (Лк. 19, 5), — слышит Закхей обращенные к нему слова Спасителя, слова, вознаграждающие его первоначальные усилия.

Дорогие мои, в жизни Закхея совершилось чудо! Чудо встречи души с Богом! И в наше время это самое явное, самое настоящее чудо, которое совершается ежедневно, которое многие из нас сами пережили в момент своего обращения к Богу.

Сейчас часто говорят, как о чуде, о видениях и откровениях, пытаясь утвердить таким образом свою веру, а забывают, что это может быть, а чаще всего и есть, просто прелесть бесовская и вражии козни на человека, дерзнувшего сопротивляться духу времени. А вот то, что современный человек, выросший и воспитанный без Бога, приходит в Церковь, где Господь встречает его словами: *...сегодня надобно Мне быть у тебя... ныне... спасение дому сему...* (Лк. 19, 5, 9) — вот это не мнимое, а действительное чудо. И сколько еще таких чудес Божиих, составляющих наш религиозный опыт, нашу жизнь в Боге, откроет нам Господь. Нам надо учиться видеть и хранить каждое ощутимое прикосновение Бога, и только это даст нам твердость в вере.

А Закхей, потрясенный чудом, весь как бы пылал в благодарной самоотдаче Господу. *...Господи! половину имения... я отдам нищим и, если*

кого чем обидел, воздам вчетверо (Лк. 19, 8). Это уже следующий шаг навстречу Богу, с которого началась его новая жизнь, жизнь в Боге. Так пошел Закхей за Христом по пути спасения.

Вот и мы с вами находимся в Церкви, и чудо встречи со Христом в жизни многих из нас уже совершилось. Но сделали ли мы свой следующий шаг за Христом, не омертвела ли снова душа наша, не отдались ли мы маленьким приобретениям и пристрастиям?

А может, и вздыхает душа, но только в самоусладительной возне и копошении в себе, вокруг себя, опять парализованная землей, и, отвергая правду Божию, она ищет своей правды.

Да, первая ревность по Богу, рожденная встречей с Ним, постепенно слабеет. И устремленный к Богу человек начинает ощущать, что шаги его за Христом становятся все тяжелее и иго Христово, благое и легкое, которое мы не ощущали раньше, как бремя, гнетет нас, клонит к земле. И так хочется сбросить этот гнет заповедей, даже нарушить верность догматам, а мир, толпа начинают особенно теснить обращенного, и диавол, вспоминая нашу первую любовь к нему, подступает к нам со множеством соблазнов.

В этом состоянии так часто многие в недоумении опускают руки, и тиранская власть печали сокрушает все в жизни нашей, стирая

и само светлое воспоминание о Божией благодати, о милости Божией к нам. Один только вопрос сверлит тогда сознание: «Почему померк свет, как ушло то, чего, казалось, должно хватить на всю жизнь?»

И ведь, заметьте, дорогие мои, многие в это первое время нашествия печали еще с большим усилием и даже с каким-то исступлением усиливают внешнее делание, внешние подвиги. Но увы! Внешняя и внутренняя жизнь сокрушается все больше, и часто человек возвращается вспять на прежнее, а иногда даже к еще худшему образу жизни. Почему же?

Вспомним: рядом с Закхеем-мытарем в трудное время его духовного взросления оказались апостолы Христовы, воспитавшие его и приведшие в свое время к святительскому служению (о чем говорит Священное Писание). Так и рядом с нами есть народ Божий, есть пастыри Христовы, есть святители и вся Церковь наша с Пастыреначальником Христом. Господь Сам через Своих рабов вразумляет искренно и с верой идущего к Нему. Недостало бы нам времени перечислить всех великих мужей Божиих, воспитанных Церковью и в свое время воспитавших тех, кто пошел вслед за ними ко Христу. Только надо, действительно, идти вослед.

В чем причина нашего нестроения

...Причина нашего нестроения, дорогие мои, — оставаясь внешне со Христом, мы внутренне о Нем забываем, не мы идем за Ним, но Его ведем за собой. «Смотри, Господи, любуйся на мои труды, на мои подвиги, я сделаю еще то и то».

«Я»! «Я»! «Я»! И вот уже «я» заслонило от нас Христа, но оно — наше «я» — изнемогает от собственной немощи, от бессилия. А Христос только смотрит на нас с некоторой укоризной как на несмышленых детей Своих, позволяя нам вполне насладиться собственным бессилием, чтобы мы опять пришли к Нему — теперь уже сами.

О воле Божией, воли вражьей и воле своей

Три воли непременно предлежат на выбор человеку — воля Божия, воля вражья и воля своя. Искушения от мира, плоти и диавола преследуют всякого человека, родившегося в мир. Если мы с вами будем внимательны к тому, что известно о праведниках, мы поймем, как и чем руководствовались они в жизни, и сможем сознать, чем же руководствуемся в жизни мы.

Внимательно вглядываясь в жизнь и историю народов, мы непременно, хотим или не

хотим, но должны сделать вывод: человек был, есть и будет странником, пришельцем на земле.

Что в этой жизни непреложно и безоговорочно принадлежит нам как наша собственность? Да нет у нас ничего своего. Ибо «воры подкопывают и крадут», стихии властвуют над всем и над нами, ни в чем нет у нас уверенности. Завтрашний день, как тать, найдет и изменит все, на чем мы ныне утверждаемся. Будущее для нас темно и неизвестно. Такова участь всякого человека на земле.

Так было и с праведниками. Но разница в том, что они несомненной верой в Бога приняли свою участь как Божий закон и прошли сквозь жизнь, предав себя в руку Божию, следуя за Ним без рассуждения, куда бы Он ни вел, несомненно веря, что для Бога нет ничего неизвестного, нет ничего темного. За это они приняли венцы праведности, сотканные из веры, страданий, бед, гонений, и через все испытания они прошли без содрогания, без ропота. Приведу несколько примеров, подтверждающих мои слова.

Верою познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое (Евр. 11, 3). Великий праотец пророк Моисей вещает всему человечеству величайшую тайну сотворения мира в своей боговдохновенной книге Бытия и вещает так, будто сам при-

сутствовал при его сотворении и видел все своими глазами. Чистые и праведные беспрекословно приняли откровение Божие, ибо сильны были верой. А вот уму человеческому понадобились многие тысячелетия, чтобы уразуметь то, что зрел Моисей очами веры и умом богозрящим.

Когда читаешь книгу Бытия, поражаешься и преклоняешь колени, преклоняешь сердце пред Богом, давшим вере слабого человека такую силу и власть.

И еще пример велией веры. Святой праведный Авраам, славный, богатый и земными богатствами, и верой. Он жил среди своего родства, на своей земле, в полном довольстве. Но явился Господь и велел ему уйти из земли, которая была обжита, где все было благо, оставить все дорогое и родное, уйти от того, в чем Авраам был укоренен.

А куда? Не говорит этого Господь, но лишь обещает, что укажет обетованную землю, и не Аврааму, а только семени его, потомству его даст ее во владение. Не помыслил Авраам своего, не ослушался, встал и пошел неведомо куда, не зная, что ждет его впереди. Не изнемог Авраам в вере, и в награду за верность звучит к нему обетование — слово Божие: *Я... возвеличу имя твое... и благословятся в тебе все племена земные* (Быт. 12, 2–3). И это лишь один пример из жизни Авраама.

А какую силу веры и доверия к Богу надо было иметь этому праведнику, чтобы принести в жертву сына своего Исаака, в котором Бог обещал ему величие всего рода. Авраам должен был принести в жертву того, в ком крылась вся надежда жизни его и вся опора веры его. Но он готов был сделать и это. Он не дал помыслам своим и уму своему восстать на Божие повеление. Он поднял руку на сына своего, чтобы принести его в жертву Богу, и Господь, видя верность раба Своего, удержал его руку.

И все Божии обетования Аврааму исполнились. Вера его не была посрамлена, хоть он, живя на земле, этого и не увидел. Господь назвал его отцом всех верующих. Все истинно верующие зачинались в нем и стали чадами его по вере.

Но так ли веруем мы? Способны ли мы на веру-подвиг, когда *вера... есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр. 11, 1)?

И сколько еще примеров можно найти в жизни ветхозаветных праведников, чтобы принять их как прообраз нашей нынешней жизни. Были в жизни их дни благоденствия, когда Господь обогащал их земными благами, но на смену этим дням приходили другие, когда в горниле огненного испытания блистала вера праведников ярче злата. И как дни блага, так и дни испытания посылались одной десни-

цей — десницей Божией, праведной и неизменно верной, творящей спасение посреди земли.

А то, что вера в Бога и верующие в Бога всегда подвергаются жестоким гонениям и преследованиям, и то, что вера есть подвиг, открыли для нас ветхозаветные праведники и подтвердили апостолы и все святые христианских времен. До наших дней верующие люди несут это неоспоримое доказательство истинности своей веры.

Подвергались гонениям и преследованиям истинные праведники в ветхозаветные времена. Святой пророк Илия силой своей молитвы воскресил мертвого, а сам вынужден был скрываться от гонителей и смерти в пещерах земли. Были замучены за веру Елеазар и семь отроков Маккавеев с матерью их Соломониею, не пожелавшие избавиться от мучений и самой смерти ценою отречения от веры.

Страх Божий в истинно верующих был сильнее страха человеческого, обетование лучшего — славного и блаженного воскресения, ведущего в Царство Небесное, — вдохновляло их. И такие страдальцы веры в очах Божиих были ценнее целого мира.

Святой пророк Исаия, в чьи уста Господь вложил великие пророческие обетования о рождении Спасителя Христа и Его крестных страданиях: *...се, Дева во чреве приимет и родит*

Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил (Ис. 7, 14), тот, кто описал будущее так, что кажется, будто он не столько предсказывает, сколько излагает историю времен минувших; пророк Исаия, этот великий из великих, явил подвиг страдания и веры, быв перепилен деревянной пилой за обличение царя.

Иных праведников веры Бог хранил от бедствий, а другим для испытания допустил понести разные бедствия, скорби и боль. По слову Иоанна Златоуста: «И то и другое — чудеса веры: и то, что она (вера) совершает великие дела; и то, что она терпит великие бедствия».

Все ветхозаветные праведники, послужив делу спасения мира, не получили обещанного, сходя по смерти в преисподняя земли. Но они сделали свое великое дело: они приготовили мир к исполнению Божия обетования, они дали Богу дар от рода человеческого — Матерь-Деву.

Все они жили великой верой, ожидая спасения языков.

Мы живем во времена исполнившихся обетований.

Но одно обетование принимаем верой и мы — обетование, что Бог определил для всех земнородных людей и для всего мира одно время, когда праведники и Ветхого, и Нового Завета получат обещанное им Царство Небес-

ное — совершенную награду за свою веру, за добродетельную жизнь, а грешники — муку вечную в день великого Страшного Суда Господня.

Будем учиться вере

Она научает нас приносить Богу жертву любви, всю жизнь и в радости, и в горе предавая Богу. Она научает нас принять и хранить Божии откровения, Божии обетования. Страхом Божиим она оградит нас от потопа зла и нечестия, захлестывающего мир. Вера станет нам спасительным ковчегом, где кормчим будет Сам Господь, Который приведет нас к вратам праведности. И исчезнет страх, с которым взираем мы в завтрашний день, ибо что такое он, этот завтрашний день, если верующему в Бога и живущему в Боге обещана вечность.

Будем верить Богу верой живой и сильной, а Бог Один и Тот же на все времена. И как не была тщетна вера ветхозаветных праведников, так утверждается вера праведников Нового Завета от времен явления Спасителя до наших дней.

Путь, ведущий к Богу

Чудный сон — видение, поразившее его детский ум, осталось в сознании святителя Григория Богослова как первое ощутимое прикосно-

вение к святыне. В глубоком сне ему представилось, что стоят возле него две прекрасные девы в белых одеждах. Мальчик сразу ощутил, что это не простые смертные, и на вопрос: «Кто они?» — получил ответ: «Одна из нас — чистота, а другая — целомудрие. Мы предстоим Царю Христу. Сын, соедини ум свой с нашими сердцами, чтобы тебя принесли мы на небеса и поставили пред светом Небесной Троицы».

Чистота и целомудрие — вот путь к Небесному Отечеству, путь к Богу.

И мальчик вступает в юность, уже зная истинную ценность добродетелей. Он знает, что не злато и богатство, не блеск учености и премудрости составляют истинное сокровище жизни, но чистота сердца и ума, целомудрие помыслов и тела, только это надо хранить как зеницу ока. Григорий воспринял завет в детстве, пронес, сохранил его в юности. Именно чистотой смог Григорий принять от Бога дар служителя Слова.

Кто сегодня может дерзновенно сказать, что он и сам сохранил эти великие в очах Божиих сокровища — чистоту и целомудрие и дал понятие о них своим детям? Ну а если не сохранили эти добродетели сами и детям своим не передали, то только мытарево смирение, мытарев покаянный глас может очистить погрязшую в нечистоте душу и омыть прокаженное тело.

Боже, милостив буди нам грешным!..

Что такое храм для верующего человека?

Храм — это место особого проявления благодати Божией. Именно здесь мы всей душой ощущаем любящую нас руку Божию. Именно в храме происходит духовное возрождение человека.

В храме происходит встреча и беседа нашей души со Христом. Здесь невидимо действует спасительная благодать Духа Святого. Здесь, через услышанное от проповедников слово Божие, загорается в нас желание стать чище, лучше, ближе к Богу, возникает стремление изменить свою жизнь.

В наших храмах верующие души орошаются не каплями благодати Божией, а обильным ее дождем. Именно в наших православных храмах за каждой Божественной литургией совершается величайшее чудо пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. А мы, принеся покаяние, причащаемся этих Животворящих Христовых Таин.

В храме нас окружают святые иконы, перед которыми мы молимся и которые с благоговением целуем. Здесь нас часто окропляют святой водой. За всенощным бдением помазывают наше чело освященным елеем. И через все эти священные обряды нам преподается благословение нашего Отца Небесного. И если наша молитва искренна и глубока, то, дорогие мои,

мы ощущаем близость к нам Бога, присутствие Христово среди нас.

Но высокое значение храма, его святость требуют от нас и особой любви, и благоговейного отношения к нему.

О церковной молитве

Преподобный Корнилий строил храмы для того, чтобы люди имели возможность собираться в них для общей молитвы.

А как, дорогие мои, мы с вами ведем себя, имея прекрасные храмы с торжественным богослужением, красивым пением? Умеем ли мы молиться? Любим ли? Стремимся ли в храм именно для молитвы, для беседы с Богом? Или только присутствуем за богослужением, не участвуя в нем ни сердцем, ни душой?

Вы скажете мне: а мы не умеем молиться! Это трудно! Это не по нашим силам! Да, дорогие мои, молиться трудно! Не случайно богомудрые отцы предупреждают: «Молитва — самый трудный подвиг».

Но к ней мы должны себя приучать. И в этом нам помогают наши храмы. Здесь собираются люди различной духовной зрелости. Рядом с человеком, еще малоопытным в духовной жизни, стоят люди, у которых молитва уже сильна и дерзновенна. И их молитва помогает более слабым. Помогает и им быть сосредото-

ченными в молитве. Вот и строил преподобный Корнилий храмы для того, чтобы было людям и где помолиться, и где поучиться молитве.

А приучать себя к молитве надо с детства. На это должны обратить внимание родители, те, кто имеет детей.

О вспыльчивости и раздражительности

Назидательна для нас жизнь преподобного Корнилия! Назидательна и достойна подражания!

Но назидает нас и мученическая его кончина.

Вспышка гнева царя, поверившего клевете на блаженного игумена, прервала прекрасную жизнь человека, который с помощью Божией успел сделать много замечательного, и, если бы не это трагическое событие, несомненно, сделал бы много больше. Как повествует летопись, царь сразу раскаялся в своем безумном поступке. Но вернуть преподобному жизнь уже не мог. Он поднял безжизненное тело и на своих руках донес до Успенской церкви. Кровь, струясь из раны, падала на землю. И в память об этом событии аллея от святых врат до церкви до сих пор носит название «кровавой дорожки».

Что же здесь поучительного для нас, дорогие мои? Царь раскаялся — а жизнь прервана.

Подумайте, как часто и мы, не убивая физически, наносим смертельный удар ближнему, подчас совсем и не виновному.

Да еще и оправдываем себя тем, что мы очень раздражительны и не можем себя сдерживать. Нет, дорогие мои, это не оправдание для верующего человека.

Верующий человек обязан вести себя так, чтобы не причинять неприятности другим. Не вызывать своим поведением ни огорчения, ни слез у тех, с кем нам приходится общаться.

Верующий человек должен сдерживать себя от вспыльчивости и раздражительности. Вспыльчивый обязательно вызывает раздор в той среде, где он находится, — дома или на работе. Ведь и вспыльчивость, и раздражительность — это разнообразные проявления гнева, вселившегося в нас. А гнев, дорогие мои, это гибельная болезнь нашей души, с которой мы должны всеми силами бороться.

Что значит покаяться?

Разве только перечислить свои грехи и сказать — грешен? Нет! Для покаяния этого слишком мало. Покаяться — это значит переменить грешные мысли и чувства, исправиться, стать другим. Хорошо осознать свои грехи, почувствовать тяжесть грехопадения. Но взамен осквернённой жизни, изглаживаемой Госпо-

дом Иисусом Христом в покаянии, нужно начать создавать новую жизнь, жизнь по духу Христову. Необходимо возрастание, духовное восхождение «от силы в силу», как бы по ступеням лестницы.

Преподобный Иоанн Лествичник оставил нам дивное сочинение под названием «Лествица», в котором содержится учение о восхождении ко Господу. По указанию «Лествицы» христианское возрастание и преуспеяние достигаются через подвиги. Если со стороны Господа подается человеку на пути к Царствию Божию благодать, то со стороны человека требуется самоотвержение и труд.

«Лествица» состоит из тридцати слов (глав), как бы ступеней, — по числу лет Господа Иисуса Христа до выступления Его на проповедь.

Первой ступенью преподобный полагает отречение от земных пристрастий. Затем следуют: беспристрастие, странническая жизнь, послушание, покаяние, память о смерти, плач, кротость. Далее раскрываются страсти и прочие греховные состояния, даются указания для борьбы с ними. Потом изображается путь добродетелей, матерью которых является «священная и блаженная» молитва. А увенчивается «Лествица» союзом трех добродетелей — веры, надежды и любви.

Что означает быть православным христианином

Чтобы нам с вами быть истинно православными христианами, надо иметь живое и постоянное общение с Православной Церковью в ее молитвах, учении, таинствах, надо знать свою веру, изучать ее, проникаться и жить ее духом, руководствоваться ее правилами, заповедями и уставами. А главное — необходимо постоянно восстанавливать в себе глубоким покаянием образ истинно православного христианина по примеру святых Божиих людей, живших во все времена.

Духовная слепота — главное бедствие нашего времени

Главное бедствие нашего времени заключается в исключительной духовной слепоте людей. Духовный разум, который может ясно видеть свет истины, становится теперь крайне редким явлением. Плотской разум, погрязший в вещах жития сего, любящий только земная, всегда ведет противоборство с учением и откровением Божественным.

Для стяжания же духовного разума нужно прежде всего послушание разуму Вселенской Православной Церкви. «Не преставай, — говорит преподобный Ефрем Сирин, — испыты-

вать Божественные Писания, не преставай вопрошать Матерь свою — Церковь». Свет Христова учения, свет Его любви просвещает всякого человека в мире. И любовь — это та проба, по которой проверяется — слепы мы или зрячи, больны или здоровы?

Вспомним слова Спасителя: *...если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха, но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас* (Ин. 9, 41).

Порождает духовную слепоту грех, и духовная слепота укореняет человека во грехе. И ожесточается сердце человеческое, и грубеет. И слухом слышит, и глазами видит, но не внемлет ни тому, ни другому. И грех ожесточения, упорства против истины и противление ей делают человека участником бесплодных дел тьмы. И слабеет голос сердца, и холодный рассудочный гордый ум попирает христианскую любовь. И ослеп человек окончательно. И отступает Бог.

Так совершается над упорным «умником» суд Божий. *...Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат, даже до сего дня* (Рим. 11, 8).

Чем проверяется наша преданность Христу

Проверяется наша преданность Христу и Его заветам во вся дни жизни нашей — и во дни

внешнего благополучия, а чаще во дни гонений и испытаний. Надо нам с вами знать спасительную азбуку наизусть, чтобы и себе, и другим давать отчет, а когда нужно, и ответ — с уверенностью в истине и без смущения.

Святая Православная Церковь — столп и утверждение истины! Сейчас же определенные силы пытаются поколебать эту твердыню, видя в ней последнее препятствие для своих разрушительных планов.

Они вторгаются в нее, шельмуют ее священноначалие, внося дух недоверия, раздора и разделения. То, что не могло сделать в свое время воинствующее богоборчество, делают теперь именующие себя хранителями веры и канонов.

В чем состоит свобода и спасение

Крепко держитесь за Православие. Бережно храните благодать, дарованную нам Богом! Бодрствуйте и молитесь. В тихости совершайте труд во спасение свое по заветам Господа, руководством и наукой святых отцов. Не забывайте, но осмысливайте слова Господни: ...*если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (Ин. 8, 36).

Вот где свобода! Вот где спасение!

Ум связан узами неведения, заблуждений, суеверий, недоумений. Он бьется, но вырвать-

ся из них не может. Прилепись ко Господу, и Он просветит тьму твою и расторгнет все узы, в которых томится ум твой.

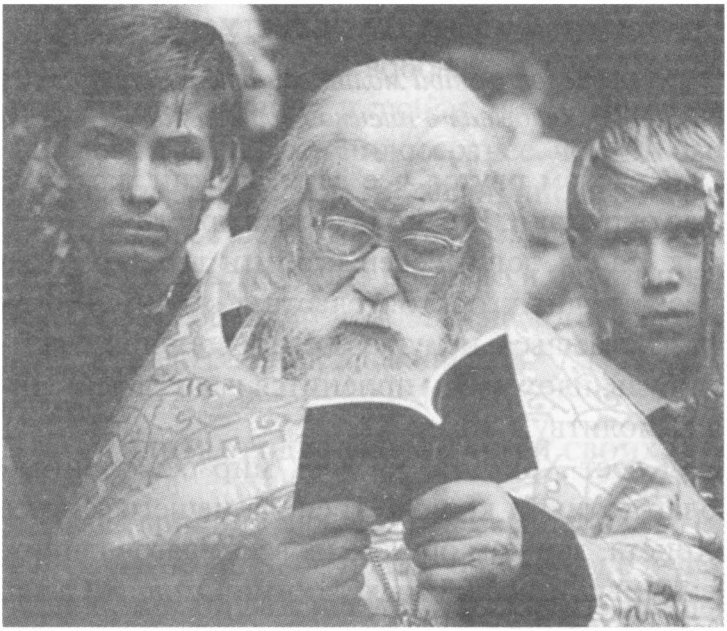
Волю вяжут страсти и не дают ей простора действовать; бьется она, как связанный по рукам и ногам, а вырваться не может. Но прилепись ко Господу, и Он даст тебе самсонову силу и расторгнет все вяжущие тебя узы неправды.

Сердце облежат постоянные тревоги и отдыха ему не дают. Но прилепись ко Господу, и Он успокоит тебя; и будешь, мирствуя в себе и все вокруг светло видя, беспрепятственно шествовать с Господом сквозь мрак и темноты жизни этой к блаженной, полной отрады и простора вечности.

МОЛИТВЫ, СОБРАННЫЕ ОТЦОМ ИОАННОМ

Молитва о даровании молитвы

Господи, Иисусе Христе Сыне Божий! Даждь ми дух молитвы! Молиться хочу, но не могу собрать мыслей, не могу сосредоточить внимания в едином предмете молитвы, не могу успокоить волнующуюся душу, не могу ослабить напряженных и непрестанно в большее напряжение приходящих греховных, суетных представлений. Чувствую темноту в душе, тягость на сердце; нет утешения, нет радости, нет слез. Суетные предметы житейских обязанностей и грехи, как стена, стоят пред очами моими и препятствуют свободно беседовать с Господом. Вседержителю Боже, пославый некогда Ангела отвалить камень, лежащий у гроба Спасителя Бога нашего, посли того же Ангела, да отвалит тягость, лежащую на сердце моем, вмещающем образ и подобие Твое. Воскрес Спа-



ситель от гроба, да воскреснут и силы сокровенные в душе моей, составляющей образ Твой. Сам воскресший Христос да сотворит во мне обитель Свою. Он — источник всякого блага. Он — источник и молитвы. Тогда я буду молиться внимательно, благоговейно, свободно, умиленно, радостно, охотно, с жаждою, с благою ненасытимостью, когда Сам Христос будет во мне жить и учить, как должен я молиться. Он Сам благоволил сказать: *без Мене не можете творити ничесоже*. О Господи! Паки прошу, даждь мне и побуждения, и средства, и силы к молитве и саму молитву. Аминь!

Молитва Кресту

(листок с этой молитвой отец Иоанн вкладывал в письма своим чадам)

Крестом рвутся все сети вражии, которые нас окружают. Нужно крестить крестом на восток, запад, юг и север утром и вечером и во всех трудных обстоятельствах жизни (когда разгневаешься, испугаешься, поспоришь с кем-нибудь, плохой сон приснится и так далее), читая молитву сию:

Крест Христов, на весь мир освященный благодатию и кровию Господа нашего Иисуса Христа, дан нам оружие на всех врагов наших, видимых и невидимых, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Аминь.

Молитва о близких

(эту молитву, извлеченную из книги митрополита Антония Сурожского «Молитва и жизнь», отец Иоанн раздавал всем)

Иногда мы не знаем, как и чем помочь близкому человеку, хотя и готовы жизнь свою положить за него.

В таком состоянии духа мы можем обратиться к Богу, все предать Ему и сказать:

«Боже, Ты знаешь все, и любовь Твоя совершенна; возьми же эту жизнь в Твою руку, сделай то, что я жажду сделать, но не могу».

Этими словами мы не просим Бога быть несправедливыми и не воображаем, что у нас больше сострадания и любви, чем у Него; мы не просим Бога быть милосерднее, чем Он был бы без нашей просьбы, но мы приносим на суд Божий новое свидетельство и молим, чтобы это свидетельство было принято и благословение Божие обильно низошло на того, кто так много значит в нашей жизни.

Молитва родителей за детей своих

Сладчайший Иисусе, Боже сердца моего! Ты даровал мне детей по плоти, они Твои по душе; и мою, и их души искупил Ты Своею неоцененною кровию: ради крови Твоей Божественной умоляю Тебя, сладчайший мой Спаситель, благодатью Твоею прикоснись сердца детей моих *(имена)* и крестников моих *(имена)*, огради их страхом Твоим Божественным; удержи их от дурных наклонностей и привычек, направь их на светлый путь жизни, истины и добра. Укрась жизнь их всем добрым и спасительным, устрой судьбу их я́коже Ты Сам хочеши и спаси души их и́миже ве́си судьба́ми! Господи, Боже отцов наших! Детям моим *(имена)* и крестникам *(имена)* дай сердце правое, чтобы соблюдать заповеди Твои, откровения Твои и уставы Твои. И исполнять все это! Аминь.

Молитва матери о неверующих, болящих и страждущих детях

Отец Иоанн советовал читать о таких детях канон о болящем — хоть раз в неделю — и молиться молитвой, которая уже была приведена выше:

Боже! Ты знаешь все, и любовь Твоя совершенна, возьми же жизнь болящих, страждущих чад моих *(имена)* в Свою руку и сделай то, что я жажду сделать, но не могу. Аминь.

Молитва святым Архангелам и Ангелам

Святый Архистратиже Божий Михаиле, буди победитель всем страстем моим.

Святый Архистратиже Гаврииле, вестниче Божий, возвести мне час смерти моея́.

Святый Архистратиже Рафаиле, целителю, исцели болезни моя телесныя и душевныя.

Святый Архистратиже Уриилe, просветителю, просвети моя чувства душевныя и телесныя.

Святый Архистратиже Салафиилe, молитвенниче Божий, моли Бога о мне грешнем и внуши ми благия помыслы, возносящия душу к Богу.

Святый Архистратиже Иегудиилe, славителю, прослави мя добрыми делы.

Святый Архистратиже Варахииле, благословителю, благослови всю мою жизнь провождати в душевнем спасении.

Святии Архангели, Ангели, Начала, Престоли, Господства, Серафими, Херувими, Силы, Власти — молите Бога о мне грешнем.

Молитвенное обращение к Ангелу Хранителю

Невидимый друг души моей, неусыпный свидетель моих поступков, Ангел хранитель мой! Чем я воздам тебе за твое участие в вечной судьбе моей, за оказанные мне тобою недоведомые услуги, о которых узнаю разве в вечности, когда дух мой сбросит с себя смертное рубище свое — тело сие? В младенчестве я не имел сознания о самом себе; впоследствии, от рассеянности и самовольных грехопадений, до того огрубели душевные чувства, помрачен взор ума моего, что я не знаю, сколько ты сделал мне добра от начала бытия моего; как ты берег меня в моем младенчестве, поддерживал скользившие шаги мои, стоял возле меня на страже во время снов моих; невидимо удерживал меня, когда в юношеском возрасте увлекался я в бездну греховную; недоведомым образом спасал от опасностей и бедствий, отклонял от меня злоключения, устранял камни искушения и соблазнов, в печалях внушал упо-

вание на милость Божию, побуждал своим вдохновением восставать от грехопадений, пробуждал от беспечности и нерадения о вечной моей участи, таинственно руководил меня на путь покаяния, приводил на память суд Божий, проникал сердце мое тоскою среди греховных увеселений, не допускал меня в искушениях до расслабления, распалял сердце мое Божественною любовью, подкреплял в молитве дух мой, возбуждал меня ко всякому благу, радовался малейшему раскаянию моему, как собственному блаженству, доселе хранил меня от внезапной нераскаянной смерти и спасал от челюстей адовых.

По легкомыслию и делам моим достойный вечного осуждения, давно я стал бы уже пищею огня адского, если б любовь твоя не испросила у Бога времени для моего покаяния. Ах, какой стыд объемлет меня при мысли, что ты — постоянный свидетель моих поступков! Чувствую, что, как скоро мысль моя увлекается искусительными внушениями вечного врага моего, душа моя становится в очах твоих отвратительнее тлеющего трупа, несноснее гноя зловонного. Как же ты сокрушался, когда я кружился в вихре мирских увеселений; как ты печалился, когда сердце мое пресыщалось земными наслаждениями! Но, перенося смрад грехов моих, ты не оставлял меня; несмотря на то, что я прогонял тебя злыми своими навыками,

ты следовал за мною; подражая Господу, молившемуся за Своих распинателей, ты кротко, снисходительно поступал со мною; берег меня — гнусного червя земнаго, как некую драгоценность; долго терпел мое своеволие; не переставал любить меня, хотя я враждовал против тебя! Прости мне, Ангел Божий, такую неблагодарность, забудь причиненные тебе мною печали, не отступай еще от меня, друг души моей!

Отныне не буду огорчать тебя моими делами, не стану смущать тебя безрассудным поведением, буду внимать твоим внушениям и подражать в служении ближним моим твоему бескорыстному мне служению; терпеливо буду переносить недостатки окружающих меня, как ты снисходишь к моим немощам.

Но доверши, Ангел хранитель мой, начатое тобою служение мне. Отклоняй от меня истинные бедствия, утешай меня в горестях и печалях, будь мне опорою в злоключениях, покрывай невещественным щитом твоим от разжженных стрел врага души моей, подкрепляй меня в искушениях, не допускай подавать собою соблазн ближним моим, управляй моими мыслями, намерениями и поступками; истреби во мне всякое пристрастие к земным благам; прогоняй от меня нерадение в делах веры и добродетели, содействуй слабым моим усилиям в достижении вечного моего назначения, помогай

мне в борьбе с моими страстями, подкрепляй мои силы в подвигах покаяния, постоянно возбуждай во мне чувство любви Божией, восторгай мои мысли к небесным красотам, превосходящим все земные блага, научи меня прославлять Бога жизнью и делами своими, разжигай сердце мое пламенными, как серафимская, молитвами; оберегай в душе моей залог веры Христовой, как Херувим хранит путь к древу жизни; научи меня стоять во храмах святых, как ты предстоишь Престолу Божию; наставь в часы богослужения отлагать все суеты и заботы земные, вразуми представлять тогда собою, вместе с верующими, Херувимов; внушай освящать празднества Церкви Святой, как ты с ликами праведных празднуешь на Небеси вечную субботу; наставь прославлять воспоминаемые в праздники дела Божии чистым сердцем, как ты славишь их в небесных чертогах со всеми святыми Ангелами. Одушевляй меня преданностью воле Божией во всех обстоятельствах жизни, оберегай меня во всех путях моих; не отступай от меня на пути земного моего странничества, блюди мои входы и исходы, подкрепляй меня в изнурении, охраняй во время сна и покоя, пробуждай на славословие имени Божия и дела благие!

Когда же настанет час кончины моей, поспеши ко мне на помощь при разлучении души от тела; будь моим утешителем в борьбе со

смертью; приими под свою защиту, когда перейду в область вечности, когда изыду из мира сего и вступлю в мир, неизвестный мне; ободри меня своим присутствием в той стране страшной, неведомой; обрадуй меня утешительным твоим призывом в том мире, где ни от кого не ожидаю радостного привета; проведи меня безопасно вратами смерти, исхити из области адовой, не дай мне погрязнуть в преисподней; но введи меня в место тишины и покоя, в обители ожидающих воскресения в жизнь вечную! Когда наконец снова соединюсь с телом моим и стану на Страшном Суде Христовом, помоги мне дать отчет на нем, введи меня в Царствие Небесное и поставь пред престолом Божиим; да с тобою, со всеми ангельскими ликами и всеми святыми превозношу бесконечные совершенства Божии, прославляю любовь и милости Спасителя моего, Безначального Отца Его и Духа Святого, во веки веков. Аминь.

НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ, КОТОРЫМИ ОДАРИВАЛ ОТЕЦ ИОАНН СВОИХ ЧАД

Исповедный листок

Многие из говеющих затрудняются, что им сказать на исповеди. Прежде всего и обстоятельнее всего открыть грехи, наиболее смущающие совесть. Такие грехи и сопровождающие их обстоятельства никогда не забываются. Затем исповедь должна быть сколько возможно подробна, смиренна, искренна; в пособие нуждающимся предлагаются два листка, извлеченные из творений нескольких отцов и учителей святой Церкви. Может быть, они внушат кающемуся хоть мысли некие или напомнят нечто из собственной его жизни.

I

Благослови мне, Господи Спасителю, исповедаться Тебе не словами только, но и горькими слезами. А плакать есть о чем...

Колеблется во мне вера в Тебя, Господи! Помыслы маловерия и неверия теснятся в душу мою гораздо чаще, чем когда-либо. Отчего? Конечно, виноват дух времени, виноваты люди, с коими я встречаюсь, а еще более виноват я сам, что не борюсь с неверием, не молюсь Тебе о помощи; виноват я несравненно более, если являюсь соблазном для другого — делом, или словом, или самым молчанием холодным, когда заходит речь о вере. Грешен я всем, Господи: прости и помилуй, и приложи мне веру.

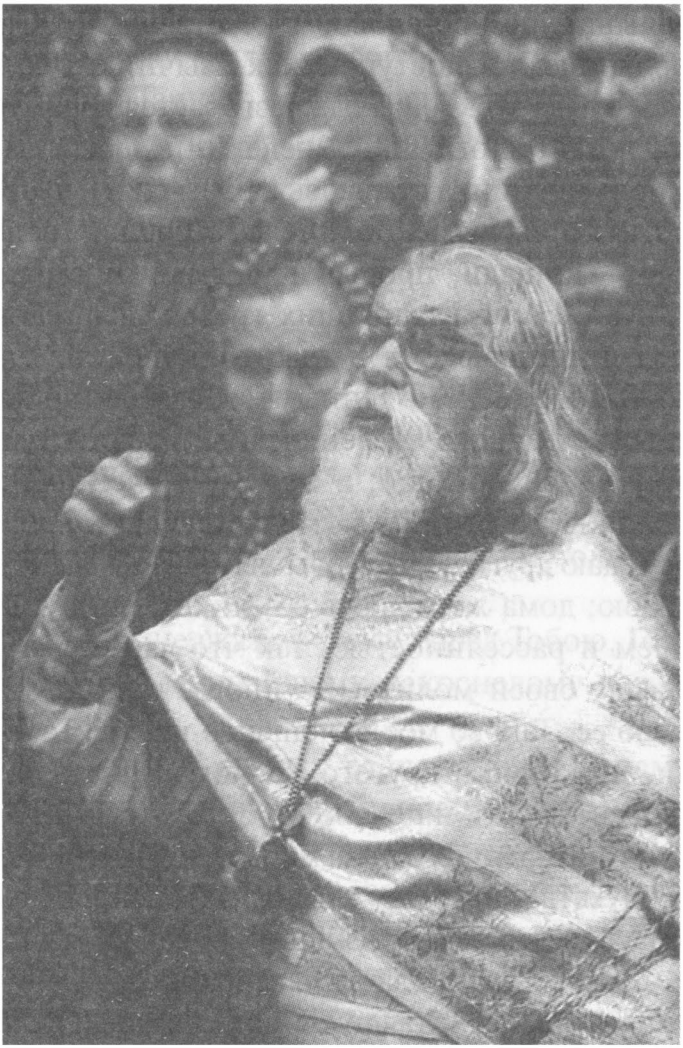
Падает во мне любовь к людям, даже к родным моим. Их непрерывные просьбы о помощи, их забвение о том, как много уже сделано для них, возбуждают между нами взаимное неудовольствие; но более их виноват я: виноват, что у меня есть средства помочь им, а помогаю неохотно; виноват, что помогаю не по чистому христианскому побуждению, а по самолюбию, по желанию благодарности, похвалы. Прости меня, Господи, смягчи мое сердце и научи меня смотреть не за тем, как ко мне люди относятся, а за тем, как я к людям отношусь. И если они относятся враждебно, внуши мне, Господи, платить им любовью и добром и молиться о них!

Грешен я и тем, что мало, очень мало думаю о грехах своих. Не только в обыкновенное время года, но и во время самого говения я не вспоминаю о них, не стараюсь привести их себе на память для исповеди. На мысль приходят общие фразы: «Ничего особенного; грешен — как все». О Господи, как будто я не знаю, что пред Тобою грех — и всякое слово праздное и самое вожделение греха в сердце. А сколько у меня таких слов и вожделений накопится каждый день, не только за целый год! Ты един, Господи, их веси: Ты даруй мне зрети моя прегрешения, и пощади, и прости!

Далее — постоянным грехом своим я признаю отсутствие почти всякой борьбы со злом. Чуть явится какой-нибудь повод или толчок, — и я уже стремглав лечу в бездну греха, и, только павши, задаю себе вопрос: что же это я наделал?! Вопрос бесплодный, потому что он не помогает мне сделаться лучшим. А если при этом и чувствуется скорбь, то она истекает из того, что при этом пострадало мое самолюбие, а не из того сознания, что я огорчил Тебя, Господи!..

Нет у меня борьбы не только с грубым злом, но даже с самой пустой и вредной привычкой. Владеть собой я не умею и не стараюсь. Согрешил, прости!

Далее — преобладающий во мне грех раздражительности не покидает меня нимало.



Услышав резкое слово, я не отвечаю благим молчанием, а поступаю как язычник: око за око, зуб за зуб. И вражда разгорается из пустого, и длится она дни и недели, и не думаю я о примирении, а стараюсь как бы сильнее отомстить при случае. Без числа согреших, Господи, — пощади, прости и умири мое сердце!

Кроме сих важнейших грехов, вся жизнь моя представляется цепью согрешений: я не дорожу временем, данным Тобою для приобретения вечного спасения; я не от всей души ищу Твоей помощи; в церкви я очень часто стою неблаговейно, молюсь машинально, осуждаю других, как они молятся, а не слежу за собою; дома же молюсь с великим принуждением и рассеянностью, так что часто сам не слышу своей молитвы, а иногда просто опускаю ее. Таково мое отношение к Тебе, Господи, и я ничего другого не могу сказать, как только: прости и помилуй!

В отношениях с людьми я грешу всеми моими чувствами: грешу языком, произнося ложные, скверные, укоризненные и соблазнительные слова; грешу глазами, взирая бесстыдно на лица женские, читая пустейшие романы, целые вечера проводя за картами или другими играми; грешу умом и сердцем, осуждая других и враждуя часто и долго; грешу не только против души, но и против тела, невоздержно принимая пищу и питие.

Приими, Человеколюбче, мое покаяние, да с миром приступлю к Твоим святым и животворящим Таинам, во оставление грехов, во исправление жизни временной и в наследие жизни вечной. Аминь.

II

«Недостоин я просить себе прощения, Господи!» — так восклицал некогда о себе великий учитель покаяния святой Ефрем Сирин.

«Как удержать нападения греха? Как заградить вход страстям?» — спрашивал у Ефрема Василий Великий; а тот отвечал ему одними слезами...

Что же мне сказать теперь пред Тобою, Господи, мне, величайшему, закоснелому грешнику?

Молитвами святых отец наших, Ефрема и Василия, даруй мне, Господи, и покаяние, и слово, и слезы! Помоги мне извергнуть из себя, как смертельный яд, свои злые дела, праздные слова, лукавые помышления. Если б я и забыл сказать иное, Ты ведаешь все и напомнишь мне, а я не хочу скрывать. Ты велишь мне: *глаголи беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26), и я говорю: умножились грехи мои, Господи, и непрестанно умножаются, нет им предела. Знаю и помню я, что даже помысл нечистый есть мерзость пред Тобою,

а между тем не только помышляю, но и делаю то, что Тебя огорчает. Знаю, что делаю зло,— и не уклоняюсь от зла...

Напротив, меня даже веселит час, проведенный в грехе, и мне кажется, что я делаю нечто вполне естественное. Таким образом, покаяние мое еще не положило и начала, а злому нерадению моему о грехах не видно и конца. Поистине нет числа во мне скверных помыслов, вспышек самолюбия, тщеславия, гордости, пересудов, злопамятности, мстительности. Я ссорюсь часто попусту, бываю гневлив, жесток, завистлив, ленив, слепо упорен. Сам я значу мало, а думаю о себе очень много. Достойных почитать не хочу, а сам без основания требую почтения. Непрестанно лгу, а гневаюсь на лжецов. Осуждаю злоречивых и татей, а сам — и тать, и злоречив. Оскверняю себя блудными помыслами и возбуждениями, а строго сужу других за нескромность. Не терплю шуток над собою, а сам люблю кольнуть других, не разбирая ни лица, ни места, даже в церкви. Кто говорит обо мне правду, того считаю врагом. Не хочу стеснять себя услугою, а если мне не услужат — гневаюсь. Ближнему в нужде холодно отказываю, а когда сам нуждаюсь, надоедливо обращаюсь к нему. Не люблю посещать больных, а если сам болен, домогаюсь, чтобы все заботились обо мне без моей просьбы.

Господи, низведи в глубину души моей луч света небесного, да увижу грехи свои! Исповедь моя почти всегда ограничивается только поверхностным поименованием кое-каких грехов. О Боже мой, если не помилуешь, если не подашь помощи — погиб я! Несметное число раз совесть моя давала обещания Тебе начать лучшую жизнь, а я нарушал обещания и живу по-прежнему. Стыдно мне бывает показаться на глаза и человеку, пред которым не раз оказывался я неверным в слове. Как же стоять мне пред Тобою, Боже мой, без стыда и самоукорения, когда столько раз пред Престолом Твоим, пред Ангелами и святыми, давал я обещания и не выполнял их? Как я низок! Как я преступен! *Тебе, Господи, правда,* мне *же стыдение лица* (Дан. 9, 7). Только Твоя благодать беспредельная может терпеть меня. Не погубил Ты согрешающего, не погуби кающегося! Научи, как мне привести на память и исчислить грехи прошлой жизни своей, грехи молодости ветреной, грехи мужества самолюбивого, грехи дней и ночей, грехи против своей души, грехи против своих ближних, грехи против Тебя Самого, Господи и Спасителю мой! Как исчислить их в те немногие минуты, которые стою я у этого святого места! Я вспоминаю, Господи, что Ты внял краткому слову мытаря и разбойника; знаю, что Ты милостиво встречаешь самую готовность каяться, и молю Тебя всею душою,

Господи мой, Господи, прими мое покаяние в том повседневном исповедании грехов, какое содержит священная книга. Грехов у меня гораздо больше, чем сказано в ней, и нечем мне их загладить. Я приношу ныне одно лишь стремление к Тебе и желание доброго, но у меня нет силы для исполнения.

О человеколюбче Господи! Ты не отгоняешь грядущего к Тебе грешника, молящего Тебя о прощении. Прежде нежели он приидет к двери милосердия Твоего, Ты уже отверзаешь ему; прежде чем он припадет к Тебе, Ты простираешь к нему руку; прежде чем исповедует грехи свои, Ты даруешь ему прощение. Подаждь его и мне, кающемуся, подаждь по единой великой Твоей милости; прости все, что я сделал, сказал и помыслил худого. И даруя прощение, пошли мне, Господи, и силу, чтобы отныне жить мне по Твоей воле и не оскорблять Тебя. *Помози ми — и спасуся*; помози приятием святых Твоих Таин. А для достойного приятия их изреки мне благодать помилования и прощения, устами священнослужителя Твоего, изреки Святым Твоим Духом, не слышимо в слухе, но слышимо в растроганном сердце и мире совести. Аминь.

Средство от смущающих помыслов

Действительно, зло так глубоко проникло в человеческую природу, что оно всегда близко

и всюду присуще, в греховных движениях проявляется прямо и открыто, но тайно прививается ко всем добрым и чистым движениям души, своею примесью очерняет добродетель, возмущает и оскверняет самые чистые и святые минуты нравственной жизни.

За милосердием, например, самым искренним и бескорыстным, следуют тихие движения духовного тщеславия. Ревность против пороков незаметно переходит в жестокость или в горделивое самоуслаждение собственной праведностью. В сорадовании счастью друга невольно ощущаются судороги зависти, почему гораздо легче сострадать страждущим, чем сорадоваться радующимся, но и в самом сострадании есть какая-то сладость, очень подозрительная по своей чистоте. Грех проникает и в саму молитву.

Зло является в нашей природе не только как сила глубокая и неискоренимая, но и как сила, преобладающая в душе.

Семя зла возникает само собою, не требуя решительно никаких усилий и попечений со стороны человека. Даже при всех усилиях подавить его, ослабить, задержать его развитие, оно приносит обильный плод.

Нужны не годы, не дни — часто одна искусительная минута низвергает и сокрушает добродетель, долго хранимую, приобретенную многими трудами и подвигами.

И в каждом из нас идет война против самого себя. Слово Божие говорит, что *помышление сердца человеческого — зло от юности его* (Быт. 8, 21).

И, истинно, ничто так не преследует нас в продолжение жизни, как помыслы злые.

Относиться безучастно ко всему нечистому и греховному нельзя, ибо слово Божие говорит, что *мерзость Господеви помысл неправедный* (Притч. 15, 26).

Значит, с ними мы должны бороться непрестанно, всеми силами души отвергать их, стараться исторгнуть и выбросить их от себя, а борьба со злыми помыслами есть подвиг, заслуживающий награду.

Святитель Димитрий Ростовский рассуждает о сем так: «Поелику много найдется людей, смущаемых злыми и хульными мыслями, то полезно узнать, когда эти мысли грехом становятся, и когда нет.

Нужно знать, что в этих злых мыслях нет никакого греха, когда волею и разумом не только не соизволяем им, но и ненавидим их и всячески боремся с ними. Но когда теми мыслями разум и воля услаждаются, и человек удерживает их в сердце своем, тогда злые мысли будут для нас грехом смертным.

Те, которые хотя и борются с подобными мыслями, но при этом думают, что согрешают, те ошибаются, поелику не знают, что есть боль-

шая разница между помыслом и соизволением на оный. Когда помышляем о чем-нибудь, не значит еще, что мы на то и соизволяем; но когда любим злые мысли и услаждаемся ими, и желаем их усердно, и приумножаем их в уме нашем, это вот будет уже соизволение.

Если же их ненавидим и не желаем, но они сами на ум нам приходят, мы же их отвращаемся, то совести не следует смущаться ими, ибо, когда с силою они воюют на нас, мы же их преодолеваем, то умножаем себе награду у Бога».

Во время борьбы с ними мы будем лицами не действующими, а страждущими или воинствующими.

А если и воинов обыкновенных, твердо противостоящих своим врагам, ждет не наказание, а награда, то тем более воинов христианских, крепко борющихся с врагами спасения, ожидает награда великая.

Святой Ефрем говорит по этому поводу: «Друг мой, когда придет к тебе лукавый помысл, вынь твой меч, который есть страх Божий, и посечешь всю силу вражию». Его держать в сердце неотходно.

Навыкать к этой памяти поможет тебе Иисусова молитва. Этот тайный меч иссушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ ИОАННЕ

Отец Иоанн казался очень быстрым, подвижным, радостным, легким. Одна женщина, увидевшая его впервые, воскликнула: «Батюшка-то какой лёгонький — как воробушек!» Тех, кто не поспевал за его темпом, он укорял шутливо: «Ну что же вы, как мушки сонные!»

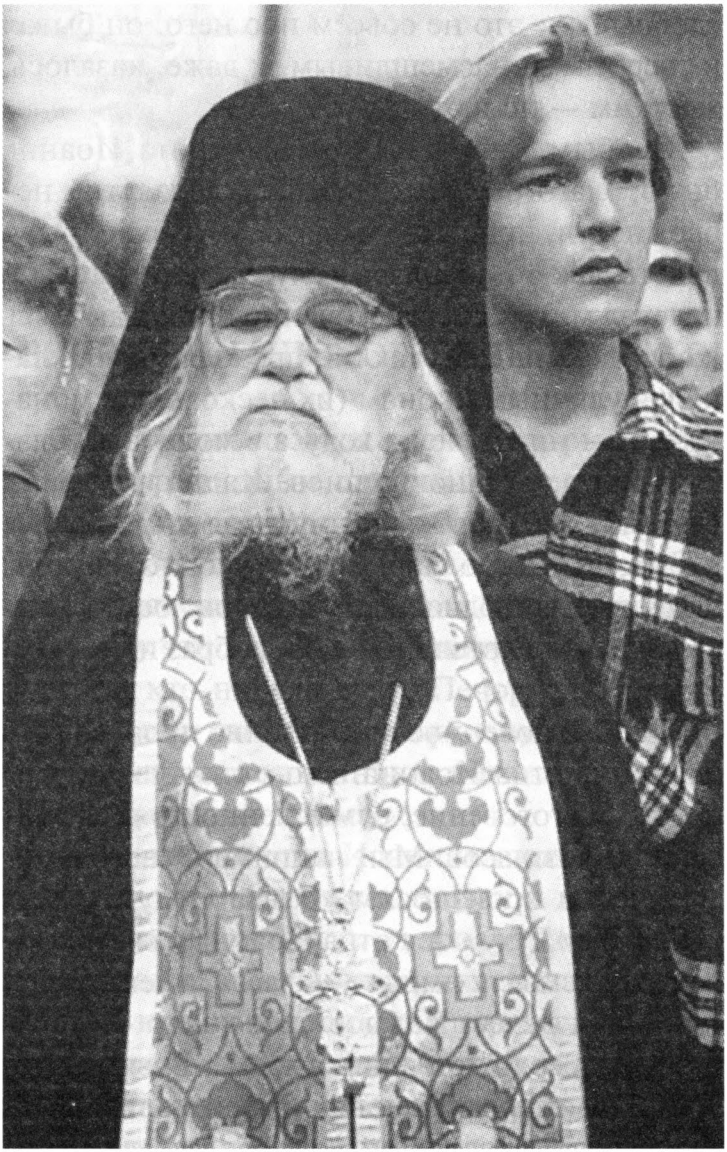
Когда кто-нибудь ехал в Печоры и спрашивал, как ему узнать батюшку, ему объясняли: «Как увидишь священника, похожего на доктора Айболита, — это он».

В обращении отца Иоанна с людьми чувствовалась любовь, во всех словах и действиях. Он всех всегда утешал, одаривал конфетами, просфорами, иконочками, листочками с молитвами и тому подобным. Привезет ему человек письмо — а это дополнительные труды: ответ, молитва — батюшка с иронией: «А ты теперь почталионом?» (Именно так произносит.) «Ну, почталиону — честь по закону», — и подарит что-нибудь. Кажется, слова «ласковый»,

«добрый» — это не совсем про него, он бывал и твердым, и насмешливым, и даже, казалось, жестким — но и это была любовь.

Особым качеством архимандрита Иоанна было благоговение. Никакой дерзости, небрежности, привычке к святыне. Можно было видеть, как он, готовясь к службе, внимательно надевал митру, сосредоточенно прикладываясь к образкам на ней, как он, проходя мимо, кланялся уличным иконам (их несколько в монастыре) — никак не на ходу, а с молитвой, благоговейно, остановившись. Кадил во время службы особенно: не размахивал кадилом все время, а быстро переходил от одной иконы к другой с неподвижным кадилом, останавливался и сосредоточенно кадил образ или молящихся.

Необыкновенное впечатление производило служение отца Иоанна. Его отличала собранность, благоговение, осмысленность всех действий и возгласов. Мы, например, часто автоматически произносим «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». А у отца Иоанна каждое слово имело смысл: именно «Слава», именно «Отцу» и так далее. Каждое слово шло от сердца — и к сердцу стоящих в храме. Возгласы он произносил громко, четко. Своей молитвой он как бы тащил за собой, как бы заставлял молиться, в каком бы настроении и состоянии ты не пришел на службу.



Когда он читал на службе Евангелие, ты вдруг начинал понимать даже то, что раньше не понимал. (Такое же впечатление производило чтение Евангелия иеродиаконом Никандром.) В Великий Четверг вечером во время службы Страстей Господних он по старшинству, после отца наместника, всегда читал второе страстное Евангелие и так горестно-удивленно восклицал последние слова: *и не внидоша в претор, да не осквернятся, но да ядят фаску* (Ин. 18, 28) — что слушатель остро чувствовал, какое это безумие: добиваться беззаконного убийства Сына Божиего и в то же время бояться осквернить входом в преторию.

Довелось застать то время, когда отец Иоанн целую неделю читал канон за богослужением утрени. (Чтецы в монастыре назначаются на всю седмицу.) Читал он действительно «от всея души и от всего помышления». Некоторые люди, недавно пришедшие в Церковь, считают, что монотонно бубнить себе под нос — признак благоговения, что механическое чтение на одной ноте и есть настоящее церковное чтение, но отец Иоанн это отвергал. Он говорил: «Духа не угашайте!» Разумеется, его чтение было чуждо театральности, оно было строго церковным, но — с сердцем.

Кстати, когда батюшка возглавлял служение литургии, он благословлял читать благодарственные молитвы по Святом Причащении до

окончания службы: служба останавливалась, и все слушали молитвы. В Следованной Псалтири так и написано: «Воспой абие (то есть немедленно), благодари вельми и сия тепле от души Богу глаголи».

О клиросном пении он говорил, что надо исполнять те песнопения, которые всем в храме понятны, знакомы. Возрождение знаменного пения (не отдельных песнопений, а в полном объеме) он считал невозможным. Когда певчий, желавший освоить знаменные песнопения, спросил у батюшки, можно ли учиться у старообрядцев, отец Иоанн отнесся к этому скептически: «Ну, как нам у них учиться? Они к нам не идут. Мы их звали, а они не идут...»

Одного руководителя церковного хора батюшка наставлял, что регент должен быть на клиросе как солнышко, навстречу которому раскрываются все цветочки. Когда тот высказал свое заветное желание создать клирос с настоящим живым церковным пением, отец Иоанн ответил, что в Москве это не удастся, если только где-нибудь в деревне. Потому что в Москве богослужения нет. Отец Иоанн, конечно, не считал, что в Москве таинство Евхаристии не совершается, он имел в виду другое.

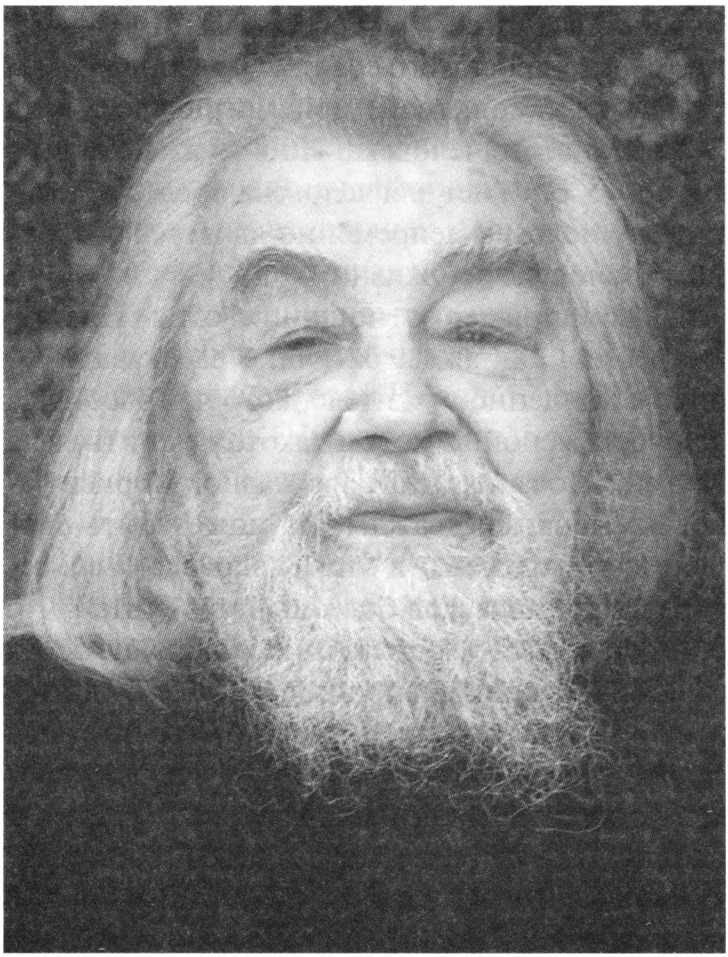
О будущем Церкви он говорил, что истинная жизнь будет постепенно уходить из Церкви и будет лишь теплиться где-то в уголках. Но

страшиться тяжелых времен не надо: «Ты стань Божиим, а Бог Своих не оставит».

Отец Иоанн всегда старался узнать волю Божию, понять ее — и в своей жизни, и в жизни тех, кто просил его совета. Он очень внимательно (и с молитвой) присматривался, куда Бог ведет этого человека. Но в то же время говорил: «У Бога нет для человека предопределения, но человек непременно является сотворцом Господу своей жизни».

А вот пример отношения отца Иоанна к жребию. Однажды батюшке рассказали об одном священнослужителе, который расстался со своей женой, а потом захотел жениться на другой. (По канонам Православной Церкви человек, женатый дважды, не может быть священнослужителем.) У этого человека была серьезная хроническая болезнь, и он считал, что один он жить не сможет. Он положил бумажки за икону и сорок дней читал акафист. И вынул жребий — жениться. Он решил, что это воля Божия. Отец Иоанн ужаснулся: «Какие же ты мне страшные вещи рассказываешь! Разве мы по внушению, разве мы по жребию живем? Разве может быть воля Божия, чтобы каноны нарушать?! Ты ему скажи: если он будет каноны нарушать, люди в церковь не пойдут, и он там будет один, с холодным кадилом.

Да как же ты с ним познакомилась? (В храме после службы разговорились.) Вот, позна-



комились, чтобы записать друг друга и поминать. Вроде хорошо, когда молишься, представлять того, за кого молишься. Вот я молюсь: „Спаси, Господи, рабу Твою Ольгу“ — и вот она, Олюшка, стоит перед глазами, как живая. Но был один архиерей, а ему женщина помогала. Он ей говорит: „Как же мне отблагодарить тебя?“ А она ему: „Да вы молитесь и вспоминайте меня“. Он три раза перекрестился: „Вспоминать тебя?! Боже сохрани!“ Вот как люди свою чистоту берегли. Раньше до лица дотронуться — как это возможно? А казалось бы, что тут такого? А вот есть такой цветок... Вымоешь руки с мылом, спиртом протрешь, дотронешься до него — он и завял. Вот что такое чистота».

Когда у отца Иоанна еще были силы ходить на службу, многие люди ожидали его выхода и провожали целым «роем» до входа в братский корпус, на ходу задавая свои вопросы и объясняя проблемы. Вот несколько записей, относящихся к 1982–1983 году. Может быть, помещенные здесь эпизоды покажутся незначительными, но в них виден живой облик батюшки.

Старушке: «Ну, это у тебя предсмертное искушение. Все раздай — и теплыми руками».

Одной девушке, приехавшей просить благословение на брак: «А на Голгофу готова? Если готова — выходи».

Молодой женщине: «Вот, и пальто у тебя хорошее, теплое, и ко времени, и красивое. Только вот платочек-то... (Пальто светло-синее, а платок толстый, коричневый.) Холодно? Да я знаю, что холодно. Но уж надо, чтобы все одно к одному подходило, чтобы красиво было. У Бога все должно быть красиво. Это я тебе точно говорю, это не кокетство никакое, так должно быть».

«Надо на человека смотреть как сквозь Господа».

Подошел мужчина в штатском. Отец Иоанн, проницательно взглянув на него, спросил:

— Батюшка? Я помню. А что же вы не в своем виде?

— Да у меня подрясник только один, служебный.

— Ну, сшейте из штапеля, копейки будет стоить — а чтоб быть в своем виде. Я когда вижу священника не в своей одежде — мне кажется, это такое унижение достоинства Церкви.

Приезжий священник оправдывается:

— И сшить-то негде. Да к тому же это у вас тут, в монастыре, хорошо, а у нас в миру такие бури, такие ветры.

— Да я не верю в эти ветры... Только все должно быть в своем виде: девушка как девушка, юноша как юноша, священник как священник. А я вот знаете как делал? Полы-то можно

закинуть вот так, на плечи, сверху пальто, а пришел куда надо — и в две минуты в своем виде.

Женщина жалуется, что внук сильно болеет, даже в ясли его не берут. «Так, так, почему такое не берут? Надо разобраться. Сколько ему лет? А родители верующие? Нет, что на свечку иногда дают — это еще ничего не значит. Вон у нас и экскурсанты приезжают, на свечки дают — а уезжают такими же, какими приехали. Это ничего не значит. А венчаны они? (Нет.) А крещеные? (Да.) А ребенок крещен? (Да.) Ну вот, ты им скажи: „Эту болезнь вам Господь посылает, чтобы вы обратились к Нему“. И еще скажи... Вот бывает посевная кампания и уборочная. В газетах большими буквами пишут, видела? Вот ты им скажи, какая у них была посевная кампания и какая уборочная. Пусть подумают. И ты думай».

Девушке (уже не на людях, а в частной беседе): «Святитель Димитрий Ростовский пишет, что девственник сияет как солнце, вдовица (которая после смерти мужа не вышла замуж, только настоящая вдовица, а не соломенная, после развода) — как луна, замужние — как звезды. Вот, на наших детородных органах наложена печать. Девство — солнечная печать. Больше всего береги свою солнечную

печать. Замуж можно пойти только за человека, с которым сможешь прийти ко Христу». — «Да мне кажется, что лучше так остаться». Отец Иоанн: «Да, время-то сейчас такое... Но ты обетов пока не давай. Тебе пока оба пути открыты — и в карете с женихом, и пешком за Христом».

«Девушка — это бутон, цвэт. (Батюшка именно так произносил. Кажется, это он поразному произносил буквы е и ять.) А что можно сказать про нынешних? Отцвэли, не успев расцвэсть».

Отец Иоанн часто подшучивал над неразумными вопросами или просьбами. Москвич просит побеседовать с ним.

Батюшка:

— Ты когда уезжаешь?

— В четверг уже надо на работе быть.

— Ну, до этого времени мы еще успеем поговорить.

— Нет, в четверг уже надо в Москве быть.

— Ну да, ну да. У меня целая диспетчерская, как нигде. Приходят прямо с билетами. Приехал тогда-то, уезжаю тогда-то — в 14.30, в 14.50, в 15.05.

«У отца Адриана все чада болящие, а у отца Иоанна — с чудинкой».

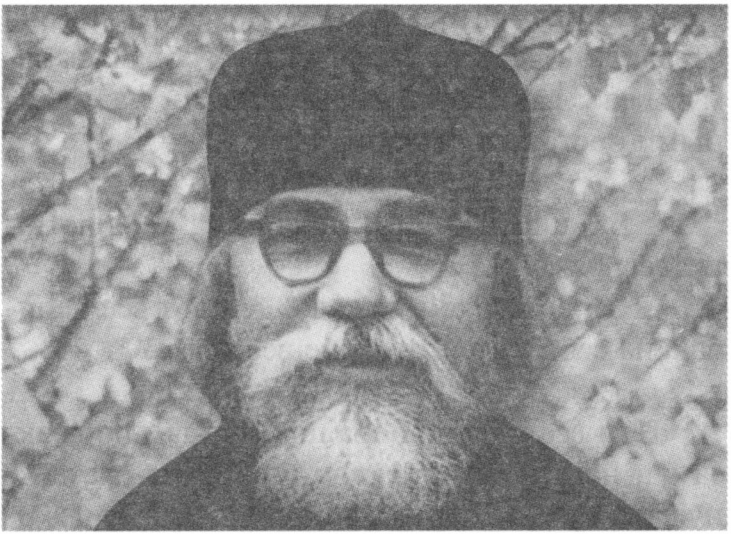
Мужчина (очень серьезно): «Батюшка, скажите мне мою жизнь». Батюшка, смеясь: «Миленький, да что ж я — „кудесник, любимец богов“?» И дальше серьезно: «А вы пойдите к отцу Иерониму, он вам все скажет».

Женщина просит помолиться в три часа за сына: сдает алгебру. «Да, да, у меня на стенке даже расписание висит, что, в какой день — алгебра, геометрия, планиметрия, история там, география. Да, и часы написаны — когда надо особо обратиться туда». (Показывает рукой вверх.)

Выход 1 мая. «Дорогие мои! Вы все здесь. А вы должны быть все на трудовом параде!» Общее недоумение, а батюшка продолжает: «Каждый на своем огороде с лопаточкой».

«Почему же ты переезжать хочешь? Ты где живешь? (В Курске.) Курские соловьи, орловские рысаки (батюшка сам орловский) — что же, ты их променять хочешь? (Да у меня плохо. Ключи подбирают...) Ну ключи у всех подбирают, от моей кельи до твоего дворца. Ничего! Все не украдут. А украдут — значит, им больше нужно, чем нам».

Проходит отец Досифей на вечерню. Отец Иоанн останавливает его за рукав: «Батюшка, помолитесь там обо мне. Знаете, в теле много



органов, и у каждого своя функция. У меня вот функция суетиться, а у Вас — Богу молиться».

На вопрос о браке людей, не желающих иметь супружеской жизни со ссылкой на праведного Иоанна Кроштадтского. «Ну вот, берутся неразумно подражать такому великому светильнику, как отец Иоанн Кронштадтский... Ему был дан такой дар, а другим — нет. Да и подумайте: ей сорок девять лет, ему шестьдесят. Какие тут мысли о браке? Еще понятно, если бы были маленькие дети. Тогда Церковь благословляет для того, чтобы было правильное воспитание детей, чтобы помочь их вырастить. Первый брак освящает, второй — благословляет. А тут дети взрослые. За-

чем? И подумайте — до сорока девяти лет она прожила в девстве, а тут вдруг собралась замуж, да с какими-то неразумными, надуманными обетами!»

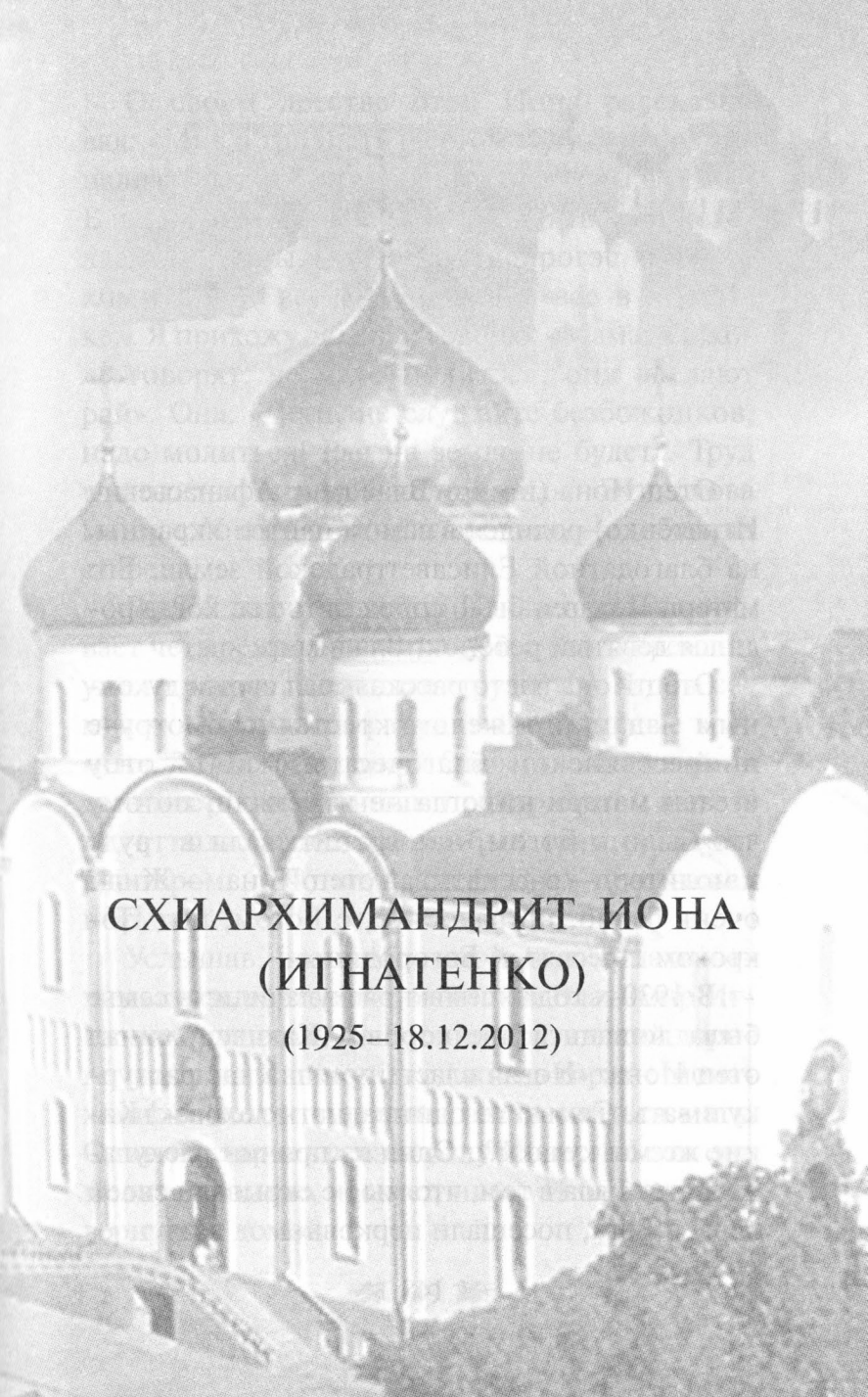
— Батюшка, отец В. просит за него помолиться: тяжело ему.

— Отчего же ему тяжело? А я вот все набираю на себя тяжести, а мне все легко!

«Нам всем давно пора понять, нам пора экзамен на это сдавать: мы никому на свете не нужны, кроме Господа Бога».

Из духовного завещания

Дорогие мои, чадца Божии! Верьте Богу, доверяйтесь Его всегда о нас благой воле. Примите все в жизни: и радость, и безотрадность, и благоденствие, и злоденствие, как милость и истину путей Господних. И ничего не бойтесь в жизни, кроме греха. Только он лишает нас Божьего благоволения и отдает во власть вражьего произвола и тирании. Любите Бога! Любите любовь и друг друга до самоотвержения. Знает Господь, как спасать любящих Его.



СХИАРХИМАНДРИТ ИОНА (ИГНАТЕНКО)

(1925–18.12.2012)

Отец Иона (в миру Владимир Афанасьевич Игнатенко) родился в самом центре Украины, на благодатной Елисаветградской земле. Его матери Пелагеи было сорок пять лет, когда родился девятый ребенок, Владимир.

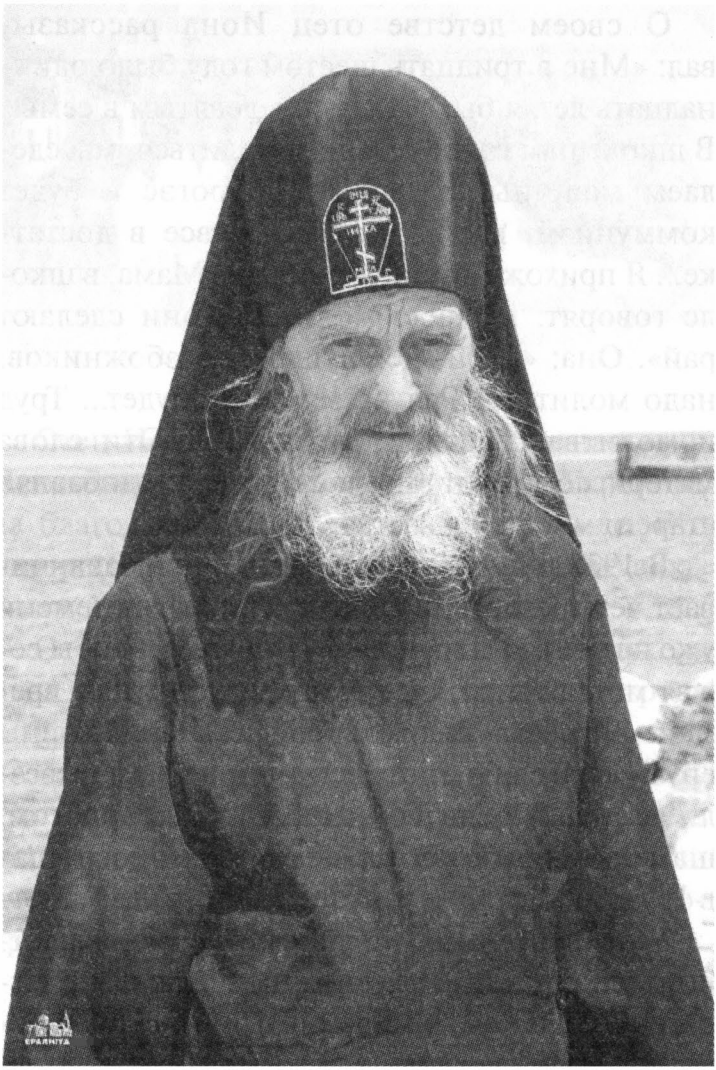
Отец Иона часто рассказывал своим духовным чадам о тяжелом крестьянском труде и крестьянском благочестии. «Мать отцу и отец матери никогда не изменяли, потому что были с Богом, нас воспитывали в труде и молитве, — рассказывал отец Иона. — Жили очень бедно, но радостно, с Богом, под Покровом Пресвятой Богородицы».

В 1930-х годах семью раскулачили: в семье была лошадь и две коровы. Как вспоминал отец Иона: «Новая власть пришла нас раскуркуливать. Семью из одиннадцати человек! Какие же мы кулаки?.. Одна из причин раскулачивания была в том, что мы не скрывали своей веры в Бога, посещали церковь».

О своем детстве отец Иона рассказывал: «Мне в тридцать шестом году было одиннадцать лет, я был младшим, девятым в семье. В школе нам говорят: зачем молиться, мы сделаем машины, сделаем Днепрогэс и будет коммунизм, все будут равны, все в достатке... Я прихожу домой и говорю: «Мама, в школе говорят: не надо молиться, они сделают рай». Она: «Дети, не слушайте безбожников, надо молиться! Рая на земле не будет... Труд и молитва спасают человека...» «Эти слова матери помогают мне и сейчас», — добавлял старец.

В 1937 году Владимир Игнатенко заканчивает четырехлетнюю школу, и с этого времени уже не учится, а начинает трудиться, чтобы семья могла выжить в трудные и голодные времена. Во время Великой Отечественной войны его вместе с оборонным предприятием вывезли в тыл. После войны был трактористом, шахтёром, работал на нефтяных промыслах в Грузии.

Услышав, что в Абхазии живут монахи-отшельники, святые подвижники, Владимир Игнатенко пешком, по Военно-Грузинской дороге, ушел на Кавказ, и год жил в горах с монахами. А потом ему стала часто сниться мать. Один из старцев сказал отцу Ионе, что это она молится о сыне, тоскует, ищет. И благословил вернуться домой.

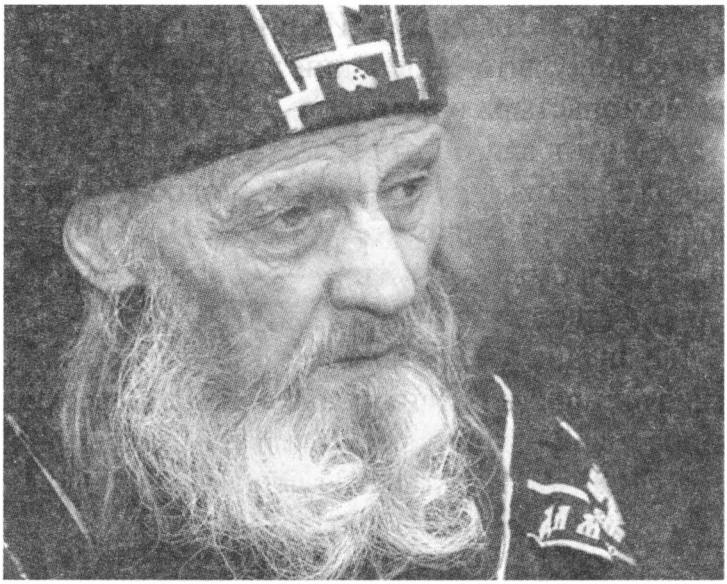


Впервые Владимир Игнатенко пришел в Одесский Свято-Успенский патриарший мужской монастырь в 1964 году.

Год этот для обители особенный — 24 декабря 1964 года преставился преподобный Кукша Одесский. Почитатели старца Ионы видят в этом промысел Божий — на смену одному старцу пришел другой.

Правда, в монастырь его сперва не взяли (продолжались гонения на Церковь, и Одесский монастырь находился под угрозой закрытия). Но Владимир не уехал из Одессы. Он вырыл пещеру в глиняных обрывах на берегу моря и ночевал там в охапках листьев. Когда богоборческие власти оставили монастырь без электричества, монахам пришлось установить дизель-генератор военного образца, для обслуживания которого требовался опытный дизелист. Так Владимир, бывший тракторист, стал трудником в обители, и пятнадцать лет прожил в ней как простой рабочий, выполняя самую тяжелую работу (кроме электростанции, работал на коровнике, на покосах).

Только в 1971 году Владимир Игнатенко был принят в число братии, а 8 апреля 1979 года был пострижен в монашество наместником Свято-Успенского монастыря архимандритом Поликарпом в честь святителя Ионы, митрополита Московского и всея Руси, чудотворца (31 марта/13 апреля). 22 февраля 1990 года отец



Иоана был посвящен в священнический сан, в 1993 году становится игуменом и одним из духовников обители.

Любовь, кротость, смирение, всепрощение, незлобие, непамятозлобие, неосуждение, необидчивость — все это с Божией помощью приобрел старец за годы пребывания в обители, и все это он передавал своим духовным чадам.

Он исповедовал тысячи людей. Когда батюшка шел в храм, его сопровождали толпы в двести – триста человек, выстраиваясь коридором на его пути. Исповедовал отец Иона в приделе Успенского храма. Придел тесный, люди его обступят тесной стеной, воздуха нет... А он сидит там со своими больными ногами

и до службы, и всю службу, и после службы. Все исповедует. Уже другие священники закончили и ушли в алтарь, а вокруг отца Ионы все толпа исповедников стоит.

Тысячи людей считали его духовным отцом. И еще тысячи устремлялись к дверям его кельи, чтобы узнать волю Божию у истинного старца, получить от него исцеление и духовный совет.

И всех, кто обращался к нему, отец Иона наставлял, принимал, вразумлял, вымаливал, учил жить всегда с Богом, благодарить Бога — и за скорбь, и за радость.

Даже за неделю до кончины, будучи уже на смертном одре, отец Иона, лежа в постели, продолжал прием духовных чад. Сам митрополит Агафангел говорил ему: «Поберегите себя, батюшка. Вы ведь только подлечились, а люди сильно вас утомляют». А отец Иона отвечал: «А зачем же я лечился? Я ведь для того и послан сюда, чтобы молитвами своими помогать людям!»

«У схиархимандрита Ионы три небесных покровителя, — сказал Высокопреосвященнейший Агафангел, митрополит Одесский и Измаильский, на отпевании старца. — Святой равноапостольный Владимир, святитель Иона, митрополит Московский, в честь которого он принял свой первый постриг, и в схиме пророк Иона. Благодатные качества сих трех

великих святых Православной Церкви по благодати Божией присущи старцу Ионе и его подвижнической жизни».

Подражая пророку Ионе, схиархимандрит Иона всю жизнь проповедовал: покайтесь, чтобы отвратить гнев Божий, который навис над оголтелой в грехах землей. Он стал опорой и совестью Православия на Украине, особенно в Одессе.

Схиархимандрит Иона свято верил, что Господь и Божия Матерь не оставят Святую Русь. Скорбел отец Иона о том, что политики отрывают Украину от России. Батюшка говорил: «Нет отдельно Украины и России, а есть единая Святая Русь. А разделить нас решили враги, чтобы уничтожить Православие на Малой Руси. Но Господь того не допустит».

ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

❖ Что мы можем сказать русскому народу от нас, малороссийцев? Поклон всей Святой Руси! Когда приехал к нам — давно, тридцать лет назад, Святейший патриарх Иерусалимский, то сказал: «Есть Святая земля и есть Святая Русь». И мы знаем, что выше этого ничего на земле нет. Есть Православный Восток и есть Запад. Симеон Дивногорец подвизался и молился на столпе и получал Небесную пищу. Он видел и сказал: «Свет на Востоке, а на Западе — тьма».

❖ Православные — это новый Израиль, богоизбранный народ. И цель нашей жизни — соединиться с Богом навеки, стяжать Дух Святой и правильно славить Бога.

❖ Будем с Богом — спасемся, не будем с Богом — не спасемся.

❖ Сам человек никак не может спастись, только Господь нас спасает. А раз Господь спасает, то что нам надо основное делать?..

❖ Молитва и труд — два крыла. Трудись и молись.

❖ Надо молиться и трудиться — «Господи поможи, а сам не лежи».

❖ Борьба против себялюбия тяжела, но все совершается в этом мире по благодати Божией.

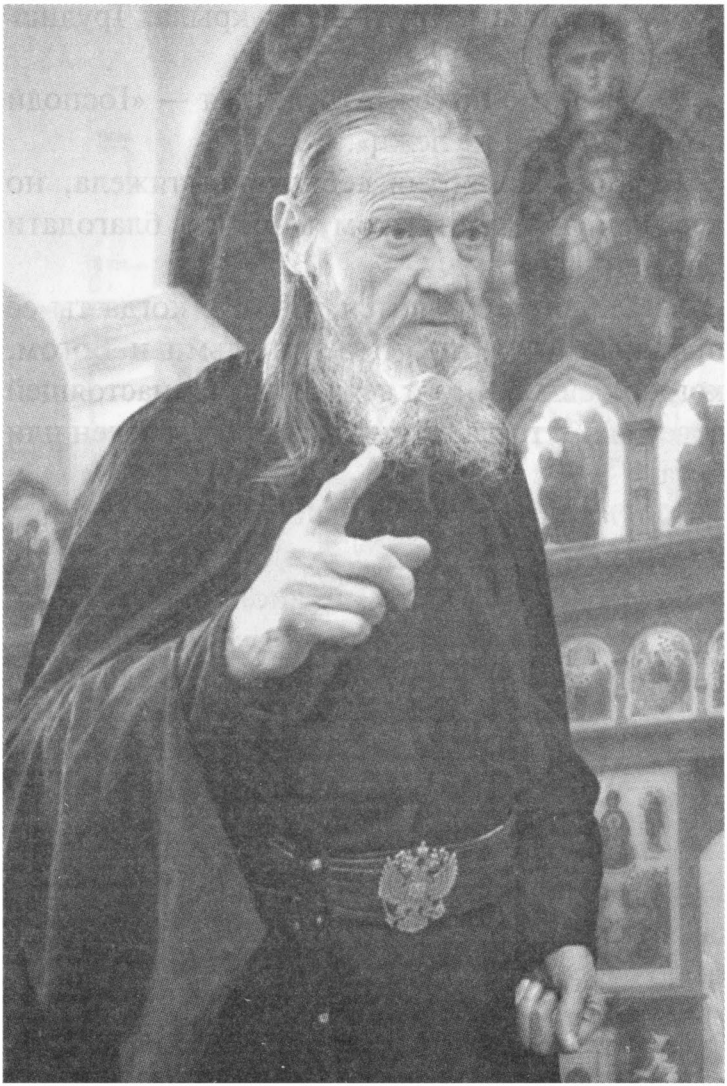
❖ Жизнь становится ценной, когда ты её проживаешь честно перед людьми и Богом, когда идешь по пути сердца, своей настоящей совести... и тогда не важно, в чём ты беден или богат!

❖ Отец Иона, как мне поступить? — "делай по сердцу..."

❖ Совесть дороже миллионов и триллионов, а кто утратил совесть, тому легко воровать, оклеветать, убить, ограбить, они идут широким путем, и мы, православные, им не завидуем...

❖ Дети не должны быть праздными, должны помогать родителям, а не играть на компьютере без конца. Раньше, особенно на селе, все дети работали — помогали родителям, и не было баловства, так как они все время были заняты трудом, молитвой и учением.

❖ Если дети шалят, то их надо развести по углам и каждому читать 3 раза «Отче наш...» и 12 «Богородицу», и Господь их вразумит, или поклоны должны делать и не будут баловаться. А родители должны хотя бы перекрестить сво-



их детей, когда те куда-нибудь идут, а лучше благословить, чтобы извечный враг рода человеческого не смог к ним подступить.

❖ Иисусова молитва — она как воздух. Как дышать, так и молиться надо. А еще — мысли контролировать, как говорится, — осторожно думайте, ваши мысли записываются на Небесах.

❖ Ни коммунисты, социалисты-атеисты и все западники-демократы ничего доброго народу нашему не сделают. Необходимо покаяться, что отошли от веры. Народ наш захотел волю — без Бога, без Царя и законной власти.

❖ Народ должен покаяться, что поднял руку на Царя, на святых детей. Царь ведь наш был ни вор, ни блудник, обманщик-чародей. А Царь молился Богу и рубль был в четыре раза дороже доллара.

❖ Бог все дал России, но народ наш ослаб, перестал благодарить Бога, стал бунтовать...

❖ Сегодня необходимо объединиться всем православным на Руси и требовать от правительства руководствоваться Православной Верой и Божией помощью, и соединиться с Богом навеки — это цель нашей жизни.

Духовное завещание отца Ионы

Наш язык не русский, не белорусский и не украинский, а славянский. В Киеве мощи ста

тридцати святых и все они по-славянски говорили и служили. Бог дал славянский язык святым равноапостольным Кириллу и Мефодию. Гог и Магог — это прообраз славянских племен, которые сольются друг с другом и завоюют весь мир. Но это будет, только если они возьмутся за веру, и если у них будет царь или православный правитель. Вот, западники поделили Русь, а она одна: Великороссия, потому что большая, Малороссия — меньше, Киев меньше Москвы, а Украина — это Львов, Ивано-Франковск — они на окраине живут. России помощь большая будет от Бога. Молиться надо за Россию, чтобы был православный правитель.

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ

(24.05.1909–24.08.2002)

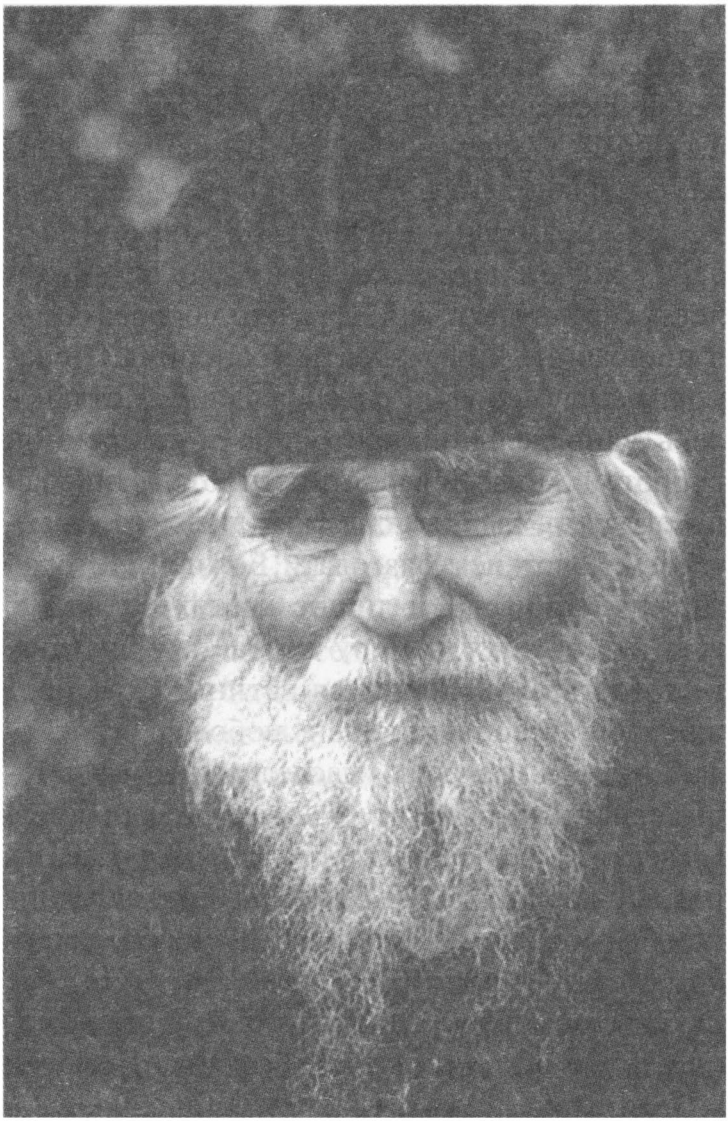
Галина Чинякова.
Слово об отце Николае Гурьянове

Протоиерей Николай Алексеевич Гурьянов родился 24 мая 1909 года (по иным сведениям — 26 мая 1910 года) недалеко от места Ледового побоища, в селе Чудские Заходы Гдовского уезда Санкт-Петербургской епархии, в купеческой семье.

«Отец у меня умер в 1914 году, мы остались, четверо мальчиков». Отец, Алексей Иванович, был регентом церковного хора и умер рано, еще молодым. Видимо, он был вспыльчивым, горячим человеком, имел крутой нрав. Однажды Алексей Иванович на тяжелогруженой телеге осторожно переезжал довольно узкий мост через реку. Навстречу ему легко катила бричка, в которой сидели местный помещик и священник. Кому-то нужно было уступить. Отец уступать не пожелал, спрыгнул с телеги, схватил кнут и с силой хлестнул седоков брички. Перед

Первой мировой войной, когда семья сидела за столом, Алексей Иванович обратился к матери: «Екатеринушка, как эти (указав на троих сыновей), — не знаю, а этот (кивнув на Николая) тебя доглядит». «Я был здоров, — удивленно рассказывал впоследствии отец Николай, — ничем не страдал, а мне дали белый билет и в армию не взяли. Из каких соображений, я понятия не имею». Мать, Екатерина Степановна, услужливая и богобоязненная, отличалась удивительной кротостью и смиренной добротой. По всей вероятности, отец Николай в молодости был не из легких людей, с характером. Действием благодати Божией, которая горячих утишает, а излишне мягких укрепляет, всех преобразуя в меру возраста Христова, в старости он исполнился истинной, всепрощающей, всеобъемлющей любовью Христовой. Мягкая кротость, унаследованная от матери, сочеталась в нем с отцовской суровостью и твердостью. Под Псковом, в Спасо-Елеазаровой пустыни, с 1908-го по 1914 год, духовником братии был любвеобильный старец, схиархимандрит Гавриил (Зырянов. 1844–1915). Не исключено, что семья Гурьяновых могла быть с ним знакома, потому что батюшка Николай впоследствии глубоко чтил отца Гавриила.

Старший брат, профессор, Михаил Алексеевич, преподавал в Санкт-Петербургской консерватории, младшие братья, Петр Алексеевич



и Анатолий Алексеевич, также обладали музыкальными способностями. Все братья, кроме Николая, погибли во время Великой Отечественной войны. ***«Братья мои пошли, защищали, да. И от фашистской пули, как видно, не вернулись к жизни. Ну, и слава Богу. Зато мы живем теперь. Благодарите Отца Небесного. Вы смотрите, ведь у нас все-все есть в изобилии — и хлеб, и сахар... И труд, и отдых. За все слава Богу. Я стараюсь вносить в фонд мира ту копейку, которая помогает избавиться от этих военных действий. Она действует, помогает. Война, ведь она пожирает молодые жизни, человек не успел открыть дверь в жизнь, и уже — уходи».***

Крестили мальчика в рыбацком селе Кобылье Городище, недалеко от древнего прибрежного погоста Самалва XIV–XV века, в храме во имя Архангела Михаила. С детства он прислуживал в алтаре, и его прозвали монахом. Даже комнату мальчика, в которой было много икон, называли кельей. В 1920-х годах в Архангельском храме служил священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский. Одиннадцатилетний Коля держал посох владыки, который после службы ласково обнял ребенка, поцеловал и сказал: «Какой ты счастливый, что с Господом». Владыка подарил маленькому иподиакону свой святительский крест, который отец Николай благоговейно

хранил всю жизнь. ***«Бога я люблю. С Богом и за море можно».***

В 1928 году Николай Гурьянов окончил Гатчинский педагогический техникум, через год — первый курс Ленинградского Педагогического института, из которого юношу исключили за резкое высказывание против закрытия храма. Вернувшись на родину, с 1929-го по 1934 год Николай служил псаломщиком в церкви во имя святителя Николая в селе Ремда Середкинского района Псковской (тогда Ленинградской) области и преподавал математику, физику и биологию в школе. В 1930-х годах Николая Алексеевича арестовали, он отбыл заключение в ленинградских «Крестах», был сослан в лагерь под Киевом и затем на поселение в Сыктывкар.

«...Изгнали меня люди
Из России вон,
Оставил мать родную,
Друзей и отчий дом...

...Физически устали,
В зорях недуг слепит,
От скудости питанья
Нас смерть косой разит...»

(Прот. Николай. 1930-е гг.)

В Заполярье заключенные прокладывали железную дорогу. Батюшка вспоминал ночь,

когда ему пришлось долгие часы стоять в воде и ледяном крошеве вместе с другими заключенными. Наутро пришли охранники и обнаружили, что единственным, кто не замерз насмерть и остался жив, был Гурьянов. Обледенела только борода, да и та потом оттаяла. Быть может, тогда он дал обет служить единому Господу.

«...Прошу, Святая Дева,
В несении Креста,
Для славы Божьей Церкви
Спаси, спаси меня!»

После лагеря Николай Алексеевич преподавал в школах Тосненского района, свой дом он отдал детям под школу. Во время Великой Отечественной войны Гурьянов не был мобилизован из-за болезни ног, поврежденных в заключении.

После оккупации Гдовского района Николай Алексеевич попал в Прибалтику и поступил в Виленскую Духовную семинарию. Существует мнение, что отец Николай, в юности избравший безбрачный путь, был пострижен в монашеский чин с именем Нектарий еще до 1942 года. Впоследствии его духовная дочь по простоте спрашивала у старца: «Батюшка, Вы — не протоиерей, как Вас поминать?» Он улыбнулся и ответил: «Пиши, как есть, — протоиерей Николай, а Господь Сам разберется».

8 февраля 1942 года в кафедральном Рижском соборе во имя Рождества Христова экзарх Прибалтики, митрополит Виленский и Литовский Сергий (Воскресенский), рукоположил Гурьянова в сан диакона и через неделю, 15 февраля, в праздник Сретения Господня, — во иерея. В том же году отец Николай закончил Виленские богословские курсы. Вскоре молодого священника направили в Ригу, где до 28 апреля он служил в Свято-Троицком женском монастыре. Затем, по указу митрополита Сергия, отца Николая перевели в Вильно (Вильнюс), назначив уставщиком Свято-Духовского монастыря, где он пробыл до 16 мая 1943 года. В 1944 году по дороге из Вильнюса в Ригу, недалеко от Каунаса, машину строгого, ревностного владыки Сергия расстреляли, и он погиб.

С 1943-го до 1954 года отец Николай исполнял должность настоятеля храма во имя святителя Николая в селе Гегобросты Паневежисского благочиния Виленско-Литовской епархии. Храм решили закрыть, и в качестве достаточного предлога сотрудники НКВД обвинили отца настоятеля в том, что он агитировал паству выступать против колхозов. Батюшка показал военным гнездо ласточки на кухне и спросил: «Как я могу препятствовать такому серьезному делу, когда даже пташку малую не трогаю? Ваше дело — государственное, мое — духовное».

Священника не тронули, и в храме продолжались богослужения. В те годы духовником отца Николая был Псково-Печерский старец, иеросхимонах Симеон (Желнин. 1869–1960). Схимонах Феодор (Иртель) характеризовал его как ревнителя безмолвия, старца по дарованию от Бога, в чьей «простой и суровой внешней оболочке таился дивный огненный цветок любви Божией». Во время одной из бесед с батюшкой Николаем отец Симеон трижды назвал остров: «Талабс, Талабс, Талабс».

С 1949-го по 1951 год отец Николай проходил заочное обучение в Ленинградской Духовной семинарии, в 1951 году был зачислен на первый курс Ленинградской Духовной академии, но, спустя год, оставил ее.

В 1952 году по указу Святейшего патриарха Алексия I он был награжден золотым наперсным крестом, в 1956 году иерея Николая (Гурьянова) возвели в сан протоиерея.

В Псковскую епархию батюшку перевели в 1958 году и, по его личной просьбе указом владыки Иоанна (Разумова) назначили настоятелем храма во имя святителя Николая на уединенном острове Талабск (более известном ныне по названию рыболовецкого колхоза имени Залита).

После пожара 1820 года жители острова Талабск испросили помощь у Государя Императора Александра I и позволение именовать

остров Александровской слободой. Среди жителей многие были состоятельными людьми, поскольку основным промыслом являлась рыбная ловля, а озеро славилось богатыми уловами. На Талабске и соседнем с ним островке Верхнем устраивались ежегодные оживленные зимние ярмарки. Зажиточные рыбаки жили на Нижней (Набережной) улице, беднота селилась в верхней части острова. После революции, в 1919 году, Талабск переходил из рук большевиков в руки белогвардейцев. Суровыми людьми были талабские рыбаки. Когда белые оставили остров, с ними ушли состоятельные жители. «Верхние» поселяне ограбили дома богатых островитян. Наиболее активными пропагандистами были учитель Залит, Белов и Хорев. Вскоре белогвардейцы вновь заняли Талабск. Зажиточные мужики обнаружили, что дома их разорены. Вначале устроили суд над активистами: на рыболовецком баркасе Залита, Белова и Хорева вывезли на середину озера, привязали к их ногам ящики с гвоздями вместо грузил и утопили. Бедноте, грабившей односельчан, обещали выплаты за все украденное и затем, получив сохранившееся имущество, принародно крепко выпороли виновников. Впоследствии рыболовецкий колхоз на острове назвали именем главного активиста, прибалтийского еврея Залита.

На острове Талабск с XVI века (1585–1587) стоял деревянный храм во имя святителя Николая чудотворца, построенный рыбаками. В 1792 году построили каменную церковь. Особенно почитают жители чудотворную Смоленскую икону Божией Матери, именуемую «Благодатное Небо», спасшую население посада от холеры в начале XIX века. Во время лютого мора одному из прихожан явился Смоленский образ Богородицы. Матерь Божия повелела найти Ее икону, в небрежении хранившуюся на чердаке одного из рыбачьих домов, с крестным ходом и молитвой торжественно обнести образ вокруг острова. После крестного хода и усиленной молитвы холера прекратилась. В благодарность за исцеление от мора в 1842 году рыбаки возвели придел во имя Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрии». Интересно, что большая часть мужского населения острова Талабск носит имя Николай: матери посвящают своих сыновей, будущих рыбаков, святому покровителю мореплавателей, чудотворцу Мирликийскому Николаю.

Таково было новое место служения батюшки Николая Гурьянова. Первая литургия пришлась на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Жительница острова Евфросиния долгие годы прислуживала в храме и рассказывала, что во время службы отец Николай так горячо и ревностно молился, что ему

приходилось трижды менять мокрое облачение.

Вероятно, непросто привыкнуть к песчаному, пустынному рыболовецкому острову, лишенному растительности. Трудно было найти подход к суровому населению, изуродованному годами безбожия. Были моменты, когда отец Николай намеревался оставить Талабск. Однажды в минуты печальных раздумий к нему подошел средний сын прислуживавшей в храме Александры Федоровны Кузяковой, четырехлетний Коля. Ребенок прижался к ноге священника, схватился за подрясник и спросил: «Ты куда?» «Вот, Колюшка, хочу уехать». — «Не надо уезжать, оставайся». Батюшка принял детский совет как волю Божию, открытую через младенца, и остался служить на острове.

В течение многих лет батюшку Николая поддерживала и утешала его мать, Екатерина Степановна. 23 мая 1969 (по другим сведениям, 20 мая 1970) года она скончалась и была похоронена на местном кладбище, напротив своего дома. Смерть матери отец Николай переживал очень тяжело, часто спрашивал: «Я, наверное, скоро умру. Что, ведь я плохо выгляжу?» После кончины Екатерины Степановны старец ежедневно бывал у нее на могилке, совершая там утреннее и вечернее правило.

«Господь даровал ему золотые руки, и он все делал сам, — и крышу на храме железом по-

крывал, и стены красил, и полы ремонтировал, и просфоры пек... Особым его подвигом было озеленение острова. Батюшка с материка привозил деревья и высаживал их. Чтобы они прижились, нужно было израсходовать огромное количество воды. В день отцу Николаю приходилось носить по сто и больше ведер... Он почти не спал: днем служил и работал, а ночью молился» (Прот. Иоанн (Миронов).

«Труд любили, я и сейчас труд люблю. Труд облагораживает человека. И в Слове Божием говорит апостол Павел: «Трудящийся да яст». А в современном уже говорится: «Кто не работает, тот не ест».

Батюшка никогда не оставался праздным: плел цепочки, сооружал лампадки, сажал деревья. В четыре часа утра он поднимался и пек маленькие просфоры для литургии. До него на Талабске была пустыня. В садике возле дома старца были «деревья, которые выросли из росточков, привезенных им из мест, где ему приходилось трудно... Такой сад памяти...» (Свящ. Евгений Шестун).

Он заповедал своей духовной дочери: ***«Трудись умом; трудись ночью и днем; трудись, не думай, что мир твоих дум не поймет; трудись, и не думай, что труд твой бесследно пройдет».*** Народ на острове глубоко чтил отца Николая. Не только церковные люди, но даже падшие души тянулись к нему, чувствуя тепло его серд-

ца, его милосердие и заботу. «Пьяницы местные мирно уживались с ним. Бывало, выйдет он навстречу такому бедолаге: «Ну-ка, родную, что у тебя в сумочке затаилось? Голубчик, роднуша, надо бросать, семье-то тяжело. Дай

сюда бутылочку-то». Возьмет бутылку, и о камень ее... А пьяница не ругается, домой идет спокойно» (Прот. Иоанн Миронов). В свою очередь батюшка с уважением отзывался о рыбаках: ***«Труженики наши люди. Да, рыбаки трудятся: любая погода, ненастье, а они все..., а волны, в особенности летом, бури, — они все это несут, и творят доброе дело, что рыбку добывают. А мы молимся и просим, чтобы Господь помог миру от недугов и от военных действий. Сохрани, Господи».***

В 1960-е годы, во время хрущевской «оттепели» и усилившегося гонения на храмы, на остров к отцу Николаю приехали представители местной власти, разговаривали очень резко, грубо, запугивали и пообещали на следующий день вернуться за ним. Батюшка разволновался и всю ночь простоял на сугубой молитве. Наутро на озере поднялась страшная буря, которая не утихала в течение трех дней. Талабск стал недоступен. После того как буря стихла, об отце Николае как-то забыли и больше не трогали. В те годы священников отстранили от власти в церкви, управление перешло в руки выборной «двадцатки» и старосты. Батюшка Николай говорил: «Как бы там они нас не отстраняли, а за благолепие храма отвечаем мы».

Вначале батюшка был только духовником Псковского духовенства, позже лавиной пошел

народ. Отцу Николаю предлагали уйти на покой в Пюхтицкую обитель, в Псково-Печерский монастырь, но он неизменно отказывался, не желая покидать остров.

«Сейчас уже вряд ли сыщешь такого молитвенника. Особо почитал старца Гавриила Псково-Елеазаровского. Народ почитал отца Николая как старца с 1970-х годов. Об отце Николае точнее не скажешь: «Не может укрыться светильник под спудом!» Не хотел он этой славы от людей, но Господь не оставил его сокровенным... К батюшке особенно тянулись чистые, детские души. Батюшка всех покорял лаской. Каждому он находил нужное слово. Всех он принимал, и любви у него на всех хватало. Каждой измученной душе он находит слово утешения... Он покрывает своей любовью наше недостоинство... Добродушный, любвеобильный, ласковый батюшка покорял сердца людей.

Да и всю тварь земную он любил. Собачка идет — погладит, кошечка ластится — угостит... Однажды кто-то ворону подбил камнем, так батюшка ее выходил, вылечил, и она стала совсем ручная. Каждое утро потом встречала батюшку, — каркала, хлопала крыльями, здоровалась. И все кругом, — и деревца, и цветы, — все кругом батюшкиной заботой живет и цветет. Пчелки, мошки, жучки, — все ему не чужое, не враждебное» (Прот. Иоанн Миронов).

«Отец Николай всецело был проникнут истинной, всеобъемлющей Христовой любовью, имел сердце, милующее всякое создание Божие, будь то травинка или мушка, или червячок. Он очень любил все живое: у него были кот, собачка, он всех привечал, ласкал.

В 2000 году мы вместе с моей помощницей приехали к батюшке. Старец сидел на стуле, низко склонив голову на руки. Стали пить чай. На столе стоял самовар, в вазочке — шоколадные конфеты. Над столом, назойливо жужжа, вилась муха и постоянно норовила сесть на конфеты. Батюшка Николай пальцем погрозил ей: «Здесь тебе нельзя!» — отломил кусочек конфеты и положил в сторонке на столе: «Вот, здесь кушай». Он осторожно посадил муху на отломленный кусочек. Муха послушно поела и улетела. К нему во двор во множестве слетались голуби, которых он сам кормил. Любовь отец Николай понимал в самом широком смысле» (Прот. Борис Николаев).

Монахиня Успенского Пюхтицкого монастыря Макария рассказывала об удивительном случае с отцом Николаем, который прежде часто бывал в обители. Однажды батюшка приехал на какой-то праздник во время богослужения и тихонько стал в уголке при входе. Сестры увидели его, известили игуменью Варвару, его духовную дочь, но она попросила во время молитвы не беспокоить старца. Он спокойно

продолжал молиться на своем месте, но неожиданно в раскрытое окно влетела стайка голубей. Шесть или восемь птиц, шумно хлопая крыльями, закружили по храму. Монахини пытались их выгнать, но перепуганные птахи разлетелись по всей церкви и беспокоили молящихся. Матушка игуменья послала одну из сестер попросить отца Николая помолиться, чтобы голуби улетели. Он молча склонил голову, и вскоре птицы вылетели из храма. Интересно замечание одного из паломников, что во время похорон отца Николая голубей не было.

Батюшка рассказывал, что голубей кормил с шести лет. Когда скончалась мать его духовной дочери Зинаиды, он наказал ей купить один-два мешка пшеницы и в течение сорока дней кормить птиц в память об усопшей.

«Батюшка не шел, а как по воздуху летел, у него походка была своеобразная: трава под его ногами мгновенно выпрямлялась, словно он ее не касался, чтобы не помять. Муха летала по комнатке, он на муху смотрел, а я про себя подумал: «Шлепнуть, что ли, ее?» — а он мне: «Может, ей медку дать?» (Прот. Валериан Кречетов).

Когда один из посетителей заметил, что комар опустился на висок батюшки, то, желая помочь, попытался его поймать. «Не трогай его, не на тебе комарик сидит», — остановил

мужчину старец. Однажды отец Николай шел по Пскову, на дороге валялся червяк. Батюшка остановился, поднял червячка и убрал с прохожей дороги на обочину, жалея всякую тварь. Он имел благодатное, милостивое сердце, имел в себе Бога, Который есть Любовь.

Тем более жалел исполненный снисходительной любви старец скорбящие человеческие сердца. Как-то его друг и духовный сын, отец Борис, пожаловался: «Батюшка, хотел рассказать о чем-то, да забыл». «Ну, посиди, вспомни», — ласково ответил отец Николай.

«Хотелось служить ему келейником, просфорником, — кем угодно, потому что была в нем великая любовь, неземная, Божественная. Она жила и живет в этом святом старце. Живет Бог, Который есть Любовь» (Прот. А*).

«Батюшка всячески предостерегал от проявлений нелюбви. Когда я рассказывал о перенесении мощей святителя Афанасия Сахарова; о том, как мощи несли по тому пути, по которому владыку водили на допрос в монастырь; то сказал, что теперь святитель Афанасий со славою воцарился и пребывает там, в монастыре, а те, кто его мучили, — в аду. Батюшка заметил мне, что не надо было так говорить.

В Бари на Успение Пресвятой Богородицы храмы стоят пустые, потому что очень жарко, и все отдыхают на пляже. Некоторые ксендзы

по усердию берут переносные престолы и едут служить мессу на пляжи. Когда я батюшке об этом рассказал, он просто вздрогнул сначала, а потом тихим таким, мирным тоном ответил: «Ну, пожалуй, не стоило бы этого делать». Отец Тихон Шевкунов спросил его, чего нужно опасаться более всего, что самое страшное для нас, а батюшка ответил: «Нелюбви». — «И в Церкви?» — «И в Церкви». — «А что посоветуете?» — «Любвеобильности ко всему» (Прот. Валериан Кречетов).

«Протоиерей Николай, несомненно, был праведником. Во время Великой Отечественной войны мне самому пришлось пробыть шесть лет в лагере, в инвалидной колонии, в Юрьевце на Волге. В течение шести лет я встретил в лагере всего двух, действительно, праведных людей — отца Александра Добровольского и монахиню Евфросинию. Отец Александр никогда никого не осудил, не обругал, всегда был приветлив и доброжелателен. Когда его обижали, батюшка лишь улыбался: «Ну, это его враг соблазнил». Работать старался по совести, насколько хватало сил. Матушка своей мягкостью, кроткой любовью смягчала всех, к ней не только обычные заключенные, но и уголовники, и даже лагерное начальство относились с уважением. Бывало, начальник лагеря встречал ее: «Ну, мать Евфросиния, как твое здоровье?» Она ласково отвечала: «Спаси,

Господи, а ты здоров ли?» — «Ничего, мать, иди дальше работай».

Так и отец Николай никогда никого не осуждал» (Прот. Борис Николаев). Когда духовная дочь старца при нем осудила человека, он отхлестал ее по щекам, после чего она боялась слово плохое о ком-то сказать при нем.

Характерной чертой батюшки была улыбка, любовь к шутке. «Веселость — устроение его. Вокруг ведь все стонут» (Прот. Валериан Кречетов). «Люди не понимали отца Николая, воспринимая его манеру шутить как юродство, но он никогда не юродствовал, напротив, он был очень ясный, очень трезвый человек. Он часто мне жаловался: «Да, отец Борис, юмора моего люди не понимают».

Однажды я приехал на остров, подошел к домику старца, приветствовал его. — «Здравствуй, батюшка, — заулыбался, — а ты отца Бориса Толбского знаешь? Ему еще митру дали». В старости характер юмора, шуток батюшки Николая стал несколько иным, но все равно никогда это не было юродством» (Прот. Борис Николаев).

Отец Георгий познакомился с отцом Николаем еще до рукоположения, в конце 1970-х годов, в храме во имя Архангела Михаила рыбацкой деревни Кобылье Городище, где тогда служил протоиерей Владимир Цветков.

Юрий Васильевич подошел к храму. На деревянной скамеечке перед церковью сидели

два священника — отец Владимир и отец Николай. Юрий попросил благословения, батюшка Николай встал и благословил его. Услышав о том, что гость готовился к принятию священного сана, отнесся к нему очень тепло, доброжелательно, одобрил его намерение стать священником, нашел ободряющие, укрепляющие слова о том, какую пользу в будущем Юрий Васильевич принесет Церкви. Затем, с легкой лукавинкой в глазах, батюшка осторожно коснулся пальцами красивой, волнистой, окладистой бороды Юрия и тихо протянул: «Борода... Борода Авраама, а душа — Хама».

«Батюшке было присуще особенное чувство юмора, его шутки были не от ума, но от Духа Божия, поэтому часто носили характер притчи, прообраза, даже пророчества. Они направлялись во время, чтобы человек имел возможность во времени глубоко прочувствовать их, осмыслить сказанное ему. Многие священники просто боялись к нему ездить, потому что он мог сказать что-то нелестное, обличавшее их помыслы или поступки. Батюшку любили, но в этой любви был оттенок страха, боязни, что «вот, он что-нибудь скажет». Ему была свойственна живость общения, светлый, ясный ум, особая простота.

У отца Николая была масса приговорок, пословиц, прибауток. Однажды на службу к нему приехали два солидных, дородных протоиерея.

В красивых рясах с большими греческими воскрылиями они с достоинством, с серьезностью слушали богослужение. Батюшка медленно кадил храм, народ, подошел к отцам и, продолжая каждение, кланяясь им, тихо проговорил: «Я сижу на боцке (бочке), а под боцкой — мышка, мой миленок — комсомолец, а я — коммунистка». Окадив протоиереев с этими словами, отец Николай пошел дальше» (Прот. Георгий Ушаков).

Многие считали, что старец юродствовал. «В юродстве батюшки было много сторон. Он скрывал себя... Это явление требует особенного осмысления, это нужно обдумать. Подвиг юродства совершается не столько для мира видимого, сколько для невидимого мира. Старец старался сокрыть многие вещи, которые впоследствии открывались. Сокрыть от врага. Считается, что не нужно жаловаться открыто на что-то, потому что враг слышит и еще больше нападает на человека. Почему даже за глаза нельзя хвалить. Когда кого-то хвалят, зависть врага действует, дух действует. Поэтому часто батюшка юродствовал, чтобы оградить своих близких от вражеских нападений, он поносил их несколько. На самом деле неприязни не было, конечно» (Прот. Валериан Кречетов).

Думается, что за внешней простотой, шутливостью, своеобразием поведения отец Николай скрывал свои духовные дарования, совер-

шение подвига непрестанной, глубокой, истинной молитвы. «Когда он говорил с человеком, губы у батюшки шевелились, потому что он тихо шептал Иисусову молитву. В молитве Духом Святым ему открывалось устроение чужой души, необходимый ей ответ. Вместе с тем она помогала сохранить смирение: он не прорицатель и пророк, но лишь передатчик воли Божией. Отец Николай внимательно смотрел в глаза, в самую глубину сердечную, в самую душу и слушал, а губы продолжали шептать молитву» (Прот. Георгий Ушаков).

Находясь в постоянном молитвенном устроении, Иисусовой молитве батюшка придавал огромное значение и старался приучать своих пасомых, разговаривая с людьми, продолжать читать молитву. Однажды он попросил одну из посетительниц, монахиню, передать своему владыке, чтобы тот усерднее занимался Иисусовой молитвой.

«Время мчится вперед, час за часом идет.
Воротить никогда невозможно.
Береги каждый час, их немного у нас
Для молитвы...»

Протоиерея Николая Гурьянова отличал особый, драгоценный дар рассудительности, он имел огромную духовную опытность, и при этом Господь дал ему видение воли Божией, дар пророческий, но отнюдь не всеведения. «Ино-

гда он мог спеть какой-нибудь ирмос, отрывок из духовного стихотворения, и лишь спустя некоторое время, быть может, годы, прояснялось, что батюшка имел в виду будущие события твоей жизни» (Прот. Владимир Попов).

Вне сомнений, по молитве батюшки Николая совершались многие исцеления от тяжелых заболеваний.

Воспоминания протоиерея Бориса (Николаева), друга и духовного сына старца

«Вот уже сорок лет я здесь. До батюшки на острове служил отец Иоанн (Матвеев). Помню, в молодости у отца Николая была красивая черная борода. Я исповедался у него, он был моим духовником. Батюшка знал эстонский, литовский, немецкий языки.

Моя жена, матушка Мария, дружила с матерью отца Николая, Екатериной. Мы нечасто бывали на острове. После смерти матушки он иногда меня спрашивал: «А ты не забыл своей Марии?» — «Как же ее забудешь...». Когда я был в Юрьевецком лагере, матушка Мария каждый месяц присылала мне посылки. Однажды она летом пешком прошла от Мстеры до Юрьевца двести пятьдесят километров. Шла десять дней, несла продукты. Зимой матушка прошла этот путь за две недели, везла за собой

на санках мешок картошки, сухари. Это была настоящая подвижница.

Интересно вспомнить о том, как в Юрьевецком лагере заключенные, бывшие меньшевики и большевики, спорили об отношении государства к религии. Большевики считали, что религию следует уничтожать, а меньшевики убеждали, что не стоит действовать силой, путем революции, а избрать путь эволюции. Сделать так, чтобы религия стала родом искусства. Для этого достаточно уничтожить молитву. Теперь много говорят о возрождении знаменного пения, но, чтобы петь знаменно, надо жить знаменно.

Батюшка Николай был совершенным бессребреником, он никогда в руки денег не брал. Подарки принимал, но сразу же передавал их другим.

Однажды я приехал к батюшке в день его именин и попросил принять у меня исповедь. Отец Николай предложил вначале мне самому надеть поручи, епитрахиль, прочесть необходимые молитвы и исповедовать его, чем смутил меня. «Делай, что говорю», — потребовал он. Исповедовавшись, отец Николай затем сам принял у меня исповедь. Он очень тонко чувствовал состояние души человека во время исповеди.

Батюшка был невозмутим, ласков. Как-то раз в храм вошел казак в полном обмундирова-

нии и направился прямо в алтарь. Отец Николай спокойно обратился к нему: «Ты шашечку-то, шашечку-то сними!»

Он мудро относился к внешним вещам. Когда зашел разговор об отношении к новым паспортам, старец ответил, что на тот свет будут пропускать не по паспортам, мы их с собой не возьмем, паспорта на земле останутся. Отец Николай советовал учиться, часто давал благословение на поступление в медицинские институты, где можно «творить добро».

Когда батюшка лежал в гробу, правая рука у него была настолько теплая и живая, что у меня закралась в голову мысль, не живого ли мы хороним. Дело в том, что отец Николай был близок к горнему миру. Праведники в особые минуты, особенно после Причащения Святых Христовых Таин, перестают чувствовать разницу между миром горним и миром видимым, могут временно переходить в иной мир. Отец Валериан часто в последние годы причащал батюшку и несколько раз замечал, что старец словно умирал. Дыхание останавливалось, но пульс продолжал биться. Через некоторое время отец Николай выходил из своей келейки к встревоженному отцу Валериану, келейницам и с улыбкой спрашивал: «Ну, что вы тут?» Батюшка был очень близок к горнему миру».

Овдовев, отец Борис остался совершенно один. Будучи почти ровесником отца Николая,

он с трудом справлялся с домашним хозяйством, часто болел. Батюшка попросил отца Николая прислать ему кого-нибудь в помощь. В это время из Вильнюса к старцу приезжала паломница по имени Зоя, которой хотелось ему как-то послужить. Ей указали на то, что недалеко от отца Николая служил старенький, одинокий священник, нуждающийся в помощи. Зоя решила просить благословение у отца Николая: «Батюшка, благословите отца Бориса досмотреть». Старец внимательно взглянул на нее и показал на цветную литографию с изображением Страшного Суда: «Видишь, это — рай, а это — ад. Досмотришь — будешь там, а нет — будешь здесь». Зоя обещала исполнить благословение, и тогда отец Николай широко осенил ее большим крестом. Вначале помощнице было очень трудно, она хотела уйти и поехала на остров, чтобы старец снял с нее благословение. Не успела она приступить к изложению своей просьбы, как отец Николай спросил: «Что, уезжать собралась?» Он побил Зою по щекам со словами: «Угодник Божий! Как ты можешь! Иди, кланяйся батюшке до самой земли, скажи, что я из самого сердца *его* достал». Помощница скорей поспешила к отцу Борису. «Никак, веселенькая? Слава Тебе, Господи!» — встретил ее успокоенный отец Борис. Главным для отца Николая была духовная польза других: благословив Зою помогать ба-

тюшке, он время от времени спрашивал его об этой женщине и предупреждал: «Держи ее, никуда не отпускай. Не столько тебе от нее пользы, сколько ей это нужно».

Впоследствии оказалось, что Зоя имела высшее музыкальное образование и получила возможность не только ухаживать за отцом Борисом, но и оказывать ему профессиональную помощь в подготовке издания книг по теории и истории знаменного пения. Так, в 1995 году вышла замечательная работа батюшки «Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православного церковного пения».

Зоя прежде любила посещать музыкальные концерты, скучала без филармонии. Она спрашивала отца Николая, не грешно ли ходить на концерты: «Если ты хочешь, и если тебе это нужно, — ходи». Со временем желание у нее прошло.

Помощница отца Бориса была свидетельницей небольшого происшествия. К батюшке Николаю приехали паломники, у одной из женщин сильно разболелся зуб, она мучилась, но стеснялась признаться в этом. Приятельница рассказала отцу Николаю о ее болезненном состоянии: «Где болит?» Женщина показала. Батюшка сильно ударил кулаком по больному месту: «Ну, что?» Боль утихла.

Воспоминания протоиерея Олега Тэора, духовного сына старца

«Я знал отца Николая тридцать лет, приезжал к нему по его просьбе на остров. Он до конца был верен истинам Православной веры, призывал к единству Церкви, был противником смут и расколов. Батюшка строго следовал канонам и не одобрял практику преждевременного чрезмерного почитания святых, не прославленных Русской Православной Церковью. На мой вопрос о том, можно ли молиться праведному отцу Иоанну Кронштадтскому до его канонизации в Русской Православной Церкви, он ответил, что молебны можно будет служить только после официальной канонизации, а до тех пор — панихиды.

Старец часто шутил, но в его шутках не было кощунства. Он всех любил, от малой птички до души человеческой. Батюшка не любил пустой расточительности, не выбрасывал лишнего клочка бумаги, но старался его использовать. В этом тоже проявлялась любовь и хранение совести, но уже по отношению к вещам. Старец был нестяжателен, сам чинил себе одежду. Всегда ходил в подряснике. Отец Николай был трезвенником, никогда не пил вина и не любил пьющих.

Батюшка очень ревновал о чистоте, благолепии храма, заботился, чтобы не оскудевал за-

пас вина, свечей, лампадного масла. Он пек маленькие просфоры для литургии. Когда я спросил, сколько имен следует поминать, вынимая частичку из просфоры, он ответил, что в каждой частице — тысячи людей. Все старец старался делать аккуратно, на совесть. Отец Николай не выбрасывал записки, но все время продолжал молиться за тех, кто обращался к нему.

Старец не любил механизацию, в своем храме он срезал электрическую проводку и употреблял только свечи. Дома отказался от радио. Много помогал бедным храмам, монастырям.

Отец Николай был всецело предан воле Божией. На предложение освободить батюшку от отягощающего его общения он тихо отвечал: «Не нужно. Это — мой крест», — смиренно продолжая терпеть и покрывать любовью обижавших его людей».

Воспоминания протоиерея Георгия Ушакова

«Первый раз мы встретились с отцом Николаем двадцать пять лет назад. Затем я приезжал к нему, будучи уже священником.

Мы часто ссорились по мелочам с моим помощником, человеком совершенно иного внутреннего строя, который имел обыкновение воспитывать, наставлять. Как-то приехали

вдвоем к батюшке и стали рассказывать о своих маленьких, но досадных нестроениях. Отец Николай легко побил помощника по щекам со словами: «Ты не слишком высоко-то думай о себе». Затем он скорыми шажками подбежал к маленькому умывальнику в сенях, над которым висело небольшое зеркальце, снял зеркало и вернулся к нам. Батюшка молча вплотную поднес зеркальце к моему лицу. Я не понял и очень внимательно посмотрел на свое отражение, не запачкался ли ненароком, даже спросил: «Что, батюшка, я запачкался?» Отец Николай не ответил, и лишь спустя некоторое время я понял: «А ты на себя посмотри». Так он смирил нас обоих.

Мой помощник по национальности был наполовину немцем, наполовину украинцем. Когда мы вошли в калитку, отец Николай приоткрыл дверь, выглянул из нее и обратился к помощнику с приветствием по-украински. Потом долго всматривался в него и продолжил по-эстонски. Я улыбался: «Холодно, батюшка, холодно». Наконец, старец по-немецки сказал помощнику: «Учиться, учиться, но не работать».

Интересно, что в конце 1980-х годов отец Николай всем советовал называть новорожденных младенцев Серафимами. Рассылал Серафимов по всей России.

В доме у батюшки было много самых разностильных икон, он совершенно не заботился

о художественном вкусе, обращая внимание лишь на само изображение. Внешняя форма не играла для него никакой роли.

Старец любил играть на фисгармонии, часто пел духовные стихи. Навсегда запечатлелось в памяти, как он мягко перебирал клавиши и трогательным, дребезжащим тенорком пел «Иерусалим»:

«Сердцу милый, вожделенный
Иерусалим, святейший град,
Ты прощай, мой незабвенный,
Мой поклон тебе у врат...»

Домашнее пение духовных стихов отец Николай считал прекрасным духовным упражнением для народа.

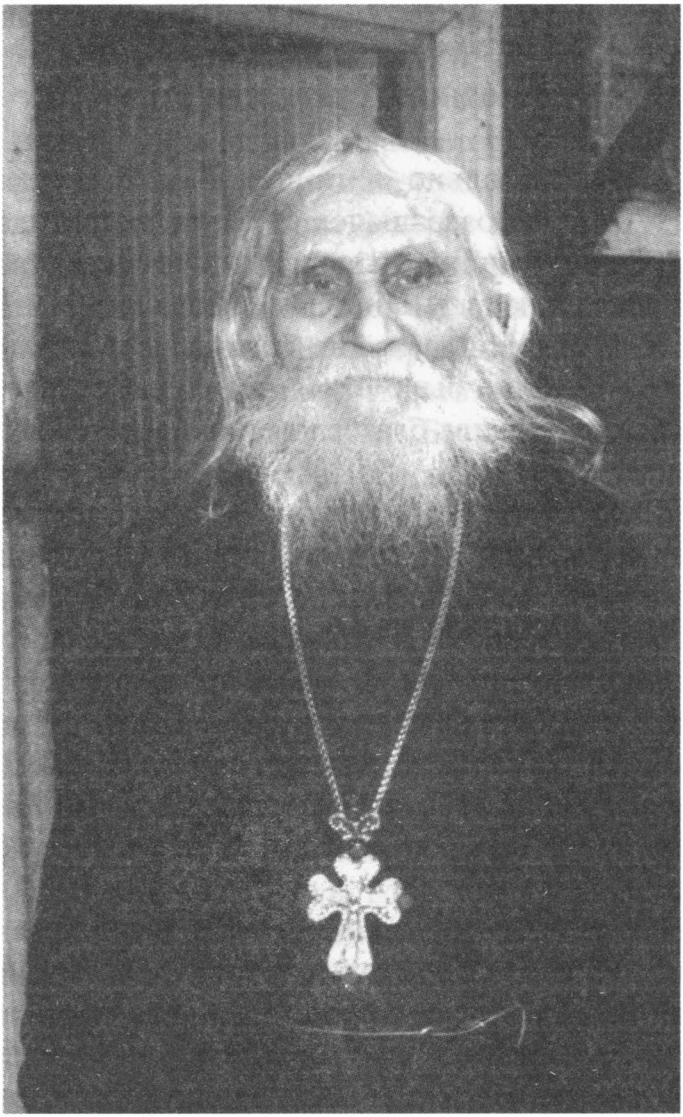
Однажды его спросили о почитании одного лица, приближенного к Царской семье. Батюшка ответил вопросом на вопрос: «А тебе что, мало двенадцати томов святого Димитрия Ростовского?»

Не было случая, чтобы отец Николай отказал в исповеди. Я приезжал с просьбой: «Батюшка, мне нужно исповедаться». Он без промедления поднимался: «Пойдем, пойдем», — мы шли в храм, где я исповедовался в алтаре. Наводить порядок в алтаре батюшке было уже трудно по старости, поэтому вдоль стен трогательными стопками лежали свечи, что-то еще, но все было аккуратно накрыто белы-

ми простынями. Во время исповеди он никогда не обличал, не выдавливал ничего из человека, просто слушал чужое раскрывшееся ему сердце.

Если вопрошавший о чем-то отца Николая пытался настаивать на своем, он не сопротивлялся: «Ну, как хочешь (то есть поступай по своей воле)».

Здесь хотелось бы несколько слов добавить к повествованию батюшки Георгия. Случалось так, что краткие ответы отца Николая люди воспринимали так, как им было удобно, оправдывая свои собственные страсти. Так, некий монах, будучи не в силах бороться с глубокой привязанностью, нашел в словах батюшки оправдание своему желанию еще теснее приблизить к себе предмет своего увлечения. К счастью, у отца Николая была возможность воспрепятствовать этому. В другом подобном случае у людей, соединенных страстной привязанностью, не хватило трезвости, и они пали, обвинив впоследствии старца в том, что он дал неверный совет. Несомненно, легче всего перестать вслушиваться в голос совести, слепо отказаться от ответственности и переложить ее на плечи духоносного человека, вложив затем в его лаконичный ответ тот смысл, который необходим для самооправдания.



Воспоминания Зинаиды Петровны Максимовой, духовной дочери старца

«Первоначально я приехала к батюшке в 1977 году. Возвращаясь с базара, встретила знакомую женщину, ныне монахиню Анну. Она собиралась к отцу Николаю, позвала и меня с собой. Я никогда там не бывала, не понимала, к чему мне было ехать, но она настояла, чтобы я спросила благословение на женитьбу сына.

Пришла я к нему, не понимая, что это был старец великий. «Батюшка, батюшка», — а он мне: «Что ты ко мне привязалась? По какому ты делу приехала?» Я ответила, что приехала за благословением для сынка, который надумал жениться. Батюшке не понравился выбор сына, но он сказал, что жениться ему будет нужно на той женщине. Правда, предупредил: «Свадьбу не справляй. Хороших людей на свадьбе не будет».

Когда сынок услышал, что по благословению батюшки свадьбу мы справлять не станем, стал работать день и ночь, чтобы заработать деньги. Я пожалела его и, конечно, нарушила благословение старца. Свадьбу справили. Потом слова батюшки полностью оправдались. Народилась девочка. Прошло месяца два, я поехала к отцу Николаю, а он мне сказал: «При-

дется тебе ее воспитывать. Надо брать девочку домой». Я очень удивилась.

Стала к батюшке ездить со всеми своими невзгодами. Когда родилась вторая девочка, он приказал брать к себе и вторую, которая у меня прожила полтора года. У меня и так уже была большая семья, да еще ухаживала за старенькой мамой. Наконец, отец Николай послал меня к матери девочек. Я приехала и велела ей забрать и самой воспитывать вторую внучку. Семья постепенно росла. Батюшка повенчал и моего старшего сына, и дочь. Он благословил зятька прописать к себе, но куда? — «Ничегоничего, места всем хватит, надо всем помогать, всех любить, а себя ставить на последнее место. Господь всех укрепит и даст силы». Только все оформили, как батюшка: «Бегом выписываться. Скорей выписывай зятя». Что такое? Приехала, а оказалось, его мать умерла, потом много было хлопот с пропиской, много обид. Я рассказывала отцу Николаю, а он укреплял: «О, Зинаидушка, это вот так и надо». Действительно, если бы мы так не сделали, всем было бы очень трудно.

После пенсии отработала я пять лет по батюшкиному благословению и заболела. В больнице признали у меня рак, назначили день операции и на выходные отпустили домой. Я решила поехать к батюшке, попросить благословение. Вначале он благословил, потом

неожиданно остановил: «Смотри-ка, у тебя две дороги: эта — в землю, а эта — в храм. Выбирай любую». Конечно, я ответила, что если бы была воля Божия, хотелось бы еще пожить.

Вслед за батюшкой я повторила обет, что пойду служить Матери Божией. Отец Николай наказал: «Я тебя благословляю, домой ты не езди, езжай сразу в храм. Войди и скажи, что пришла к ним жить. Они подумают, что ты пошутила, а это будет всерьез. Там староста «домой» собирается (то есть скоро умрет. — *Ред.*). Ты будешь вместо нее. Переночуешь, потом пойдешь в понедельник в больницу и скажешь врачу: «Я уже исцелилась, я к вам ложиться не буду на операцию». Она будет кричать на тебя, а ты бей ей земные поклоны, вот она и подумает, что у тебя с головой не в порядке».

Так я и сделала по его благословению, врач кричала на меня, но я настояла на повторных анализах. Через неделю пришел ответ, что я была здорова. Старостой в церкви во имя преподобного Варлаама Хутынского я побыла четыре года, теперь просфоры пеку, убираюсь. Дома за это время ночевала всего две ночи, когда мама умерла, а так все время в храме. Батюшка предупреждал, что будут скорби, но строго наказал: «Сама повода не давай для ухода из храма. Как только нарушишь обет, переступишь порог, чтобы уйти, Господь тебя

положит в угол. Знай, что за свои грехи (за аборты) ты должна землю грызть. Ты должна всю себя посвятить Господу. Трудись, Зинаидушка».

В храме меня долго мучили искушения и ночные страхования, когда я оставалась там ночью одна. Приехала, рассказала батюшке, а он спросил: «Зинаидушка, а крест-то у тебя есть? Крест-то, он — всесильный. А молитва «Да воскреснет Бог» у тебя где? А «Живый в помощи Вышняго» где? Когда будет нападать враг, ты бери крест, читай и спасешься. Себя покропи святой водичкой и всю себя крести».

«Не гаси светоч огня в сердце своем. Смотри, Зинаидушка, только в вере не поколебайся, бери ружье, иди сражайся, как на передовую». Проси: «Господи, не лиши меня разума и зрения, сохрани, Господи, от гордости, от тщеславия». «Учись слушать волю Божию, Зинаидушка». «Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись».

Отец Николай учил обязательно причащаться в день Ангела, в день рождения, во все посты. Остальное — по возможности, только нужно готовиться, «всуе к чаше не подходить»: «Если только мелькнет против кого-то мысль плохая, к чаше не ходи. Если в сердце даже злейшему врагу не простила, к чаше не ходи. Примирись вначале с врагом своим».

Батюшка был очень простой. Он часто повторял: «Не держите на людей зла, а что вам сделано, вы об этом забудьте. Знайте только, что вы хуже всех. Что ниспослано, — все от Господа во исцеление, во исправление. Когда на тебя неправду скажут, ты поблагодари и попроси прощения. Только тогда будет награда, когда вы не виноваты, а вас ругают. Скажи только: «Прости меня ради Христа, я еще хуже, чем ты обо мне думаешь». А когда и поругают-то, благодарите Бога, награда-то какая». «Все в ваших силах. Согрешил — покайся, и впредь старайся этого не делать».

«Радуйтесь и веселитесь, когда кто обидит-то. Имя знаете, помолитесь, да, за него: «Господи, прости, какой я счастливый, что все-таки Ты благословил радоваться». Радоваться и молиться. Видишь, как Господь нас любит частенько. Только мы зачастую не понимаем этой радости. Тоже готовы взять дубину...».

Я работала, старалась строго держать пост, но часто из-за этого ругалась с начальником. Потом перестала, поняла, что бесполезно, да и грешно в пост ссориться. Приехала к отцу Николаю, а он меня спросил: «Что же ты о Господе замолчала?» Тогда я ему уже спуску не давала, потом он заболел, смягчился.

«Кому Церковь — не Мать, тому Бог — не Отец». «Где просто, там ангелов со сто, где мудрено, там — ни одного».

«Старайся не спорить. Но за веру стой насмерть». Батюшка был немногословен: «Лучше помолчать. Сказанное-то — серебро, а молчание-то — золото».

У отца Николая я была на послушании, возила на остров для храма свечи, керосин, лампадное масло. Помню, как-то он заметил: «Господь тебе давно приготовил жилье и питание». Я голову опустила, подумала, что скоро умру. Батюшка мне ответил на мои помыслы: «Долго-долго еще будешь жить». Я боялась спрашивать разъяснений, поэтому, пойму — не пойму чего, молча уходила.

Когда мы возили для храма свечи, масло и прочее необходимое, нам помогали местные мужики. Вначале мы платили им, а потом они потребовали водку вместо денег. Пришлось купить две бутылки. Одну отдали, а вторая осталась у меня в сумке. Прибежали мы к батюшке, а меня к нему не пустили, он не открыл. Дело было зимой. Вспомнила я, что у меня в сумке была бутылка, побежала, спрятала ее в поленницу дров, вернулась, и батюшка тогда сразу дверь открыл.

Однажды нам помогал знакомый мужчина. Когда меня начали чрезмерно благодарить, я указала, что хвалить нужно было Ивана. Батюшка встретил меня сурово, а потом строго запретил: «Попробуй еще раз его похвалить. Земная награда получена, а небесная где?» Он

советовал: «Спросят тебя, как ты живешь, а ты перекрестись и скажи: «За все Слава Богу, — что Господь дал, то и приму». О детях никому не жалуйся, кроме святых угодников и Матери Божией, и не хвались, не раздражай врага. Будет плохо — людям радостно, будет хорошо — вызовешь зависть».

У меня очень сильно болела мама, к ней ходил прощаться уже весь дом. Я боялась ее оставить одну и переживала, что во время страшных морозов рабочие не смогут выкопать могилу. Мама просила, чтобы ее похоронили на родине, в деревне. Приехала к батюшке, а он меня строго встретил: «Ты что маму хоронишь? Мама тебе еще пироги будет печь». Я уже и верила батюшке, а все равно подумала: «О чем он говорит?» Отец Николай благословил два раза пособоровать маму дома, третий — в церкви, затем четыре раза подряд причастить. «Мама встанет. Когда она пойдет на поправку, то вначале не будет есть, а ты на нее покрикивай, чтобы она ела. Она будет тебя побаиваться, начнет помаленьку есть и выздоровеет». Соседи готовились к похоронам и меня осуждали, а мамушка встала на ноги и прожила после этого еще восемнадцать лет.

Вскоре после выздоровления, в 1994 году, у нее случилось что-то с ногами. Мы с женщинами на машине подвезли мамушку к пристани, внесли на руках на «Зарю», на острове вы-

несли и на коляске привезли к батюшке. А от него она уже пошла ногами.

Когда мама второй раз серьезно заболела, он меня благословил ухаживать за одинокой, больной женщиной: «Это будет твоя вторая мать, а ей ты будешь вместо дочери». Мне было не справиться с двумя больными, и я попросила благословения уйти из храма, но батюшка запретил: «Никуда не ходи, не скорби, если мамушка без тебя умрет, на тебе греха не будет».

Мама была тяжело больна, и батюшка позволил ей постом вместо лекарства кушать молоко. Но перед самой ее смертью Великим постом он мне сказал: «Строгий пост!» — и я ее даже не причащала. В день святого Георгия и царицы Александры, когда у мамы был день Ангела, я приехала к батюшке, и он меня предупредил: «День Ангела пройдет, а потом готовься». Вышла я от него, и так мне стало горько, что мамушка умрет, что отчаянно стала я просить Господа продлить ее дни. Вскоре после этого отец Николай мне очень строго наказал: «Господь продлил маме дни. Больше не проси, иначе тебя рядом с ней положат в угол. Будете лежать. Больше Господа не проси». Немного позже утешил: «Ой, душенька Александрушки давно по небу ходит! Душенька давно на небе, а тело на земле». Полгода после этого мама прожила. Я спрашивала ба-

тюшку, когда маму причастить, он посоветовал поближе к Пасхе. Чтобы не нарушить благословение батюшки, так я маму и не причастила, она умерла до Пасхи. Умерла на моих руках.

После маминой смерти я подала везде поминовения, как батюшка учил: «Когда служится сорокоуст, великий грешник выпускается из ада». Он повторял, что многое зависит от молитвы сродников, только хула на Господа не прощается.

Отец Николай имел откровения от Господа. Я слышала, что однажды он днем в половине второго сидел на лавочке. К нему подошла царица Александра и беседовала с батюшкой. Вслед за ней вошел царь Николай II, немного побыл и затем обошел дом батюшки.

«Память об этой встрече, как о самых сокровенных встречах с Господом, с Божией Матерью, со святыми в таинствах и в молитве, которых иногда сподобляются и грешные люди, остается навсегда».

Однажды мы приехали и вначале пошли на кладбище, а батюшка к нам вышел: «А вы не знаете, что я сейчас видел? Что ни спросите, я вам сейчас ничего отвечать не буду». Сиял батюшка, как солнышко, и в тот день, действительно, ни с кем не разговаривал.

Батюшка не всех принимал, некоторых он разворачивал и отправлял восвояси: «Ты зачем

сюда пришла?» К нему приезжали двое экстрасенсов. Один искренне раскаялся в своем заблуждении, и старец к нему очень хорошо отнесся, тепло разговаривал, а другого развернул и отправил обратно. Вначале он был со мной более откровенен, но после того, как один из секретов я открыла, батюшка стал осторожнее: «Учись тайну держать». Отец Николай советовал многим приобретать землю, дома в деревне: «У кого будет земля, тот выживет. Легче тому будет». Он меня спрашивал: «А ты покаялась за убиенного царя, за разоренную Россию, за поруганную веру?»

Я старалась не жаловаться на болезни, но не выдержала и пороптала на больные ноги: «Батюшка, как у меня ноги болят!» Он в ответ: «У тебя ноги болят, как у меня». После этого я молчала, крепилась. «Зинаидушка, ты не ропщи, что ножки-то болят. Дел-то добрых — хоть бы сколько, молитва — хоть бы какая, а вот Господь хочет душу спасти, и болезнями-то и спасает». Приехала однажды, батюшка помолился и повернулся ко мне: «Зинаидушка, это я попросил, чтобы ножки твои совсем не ходили. Как вырастут у тебя крылья, как полетишь! Тебе что дороже, ноги или крылья?» Я смирилась. Некоторым он не благословлял ходить к врачам и терпеть болезнь как попущение Божие.

Будучи бессребреником, отец Николай в свои руки деньги не брал никогда. Как-то

мне дали двадцать рублей что-нибудь купить батюшке или отдать ему на хлеб, а я забыла и оставила деньги в халате. Приехала на остров, а батюшка забегал вокруг меня: «Отдай мои деньги!» Я не смогла вспомнить: «Да нет у меня Ваших денег». Батюшка все требовал: «Отдай мои деньги!» Я пришла домой, надела халат и нашла в кармане двадцать рублей. Вспомнила...

Мой сын не курил и не пил более сорока лет. Однажды батюшка меня удивил: «Ох, Зинаидушка, начнет пить. Пусть, когда к нему гости придут, он хоть бутылку в руки не берет. Как он бутылку в руки возьмет, как начнут ему кричать, чтобы он угощал, так и пить начнет». Я предупредила сына, но он меня не послушал, и, действительно, начал пить. Отец Николай очень чтил Царскую семью и советовал молиться за сына Царственным страстотерпцам: «Молись Царской семье».

Когда еще я работала в детском садике, узнала, что батюшка тяжело заболел. Я побежала, отпросилась с работы, купила бидончик первой клубники и зашла к знакомой. Женщина сказала, что батюшка хотел меня видеть, благословил мне позвонить, но категорически запретил мне что-либо брать с собой, а велел прийти с пустыми руками. Я не утерпела и все-таки ягоды взяла. Подошла к его окошку: «Ты с пустыми руками?» — А у меня ягоды. «Благо-

словение мое не выполнила, — чтобы не только у меня, но чтобы на острове ноги твоей не было». Не помню, как я отошла, как добралась домой. Я не ездила на остров три месяца. Все плакала. Наконец, написала письмо, чтобы хоть на острове подле него побыть, и отец Николай сам мне ответил: «Милости просим прямо в келью». Хотелось батюшке привезти, что получше, а он, бывало, отщиплет три ягодки, возьмет ложечку-другую: «А я уже сыт», — и начинает всех угощать.

Старец с грешниками обращался очень мудро, умел и на место поставить, и не обидеть. Главное для него было — спасение человеческой души. Ему было очень трудно с некоторыми людьми, но он терпел невзгоды ради любви: «Только я их отпущу, они сразу погибнут, и я не спасусь, Господь с меня за них спросит. Господа иудеи распяли, а Он со Креста просил, чтобы Отец Небесный помиловал их. Они не знают, что делают. Прости их, Господи».

Батюшка часто давал мне книги. Три раза он мне «Слово жизни» дарил, и три раза я отдавала ее кому-нибудь другому, а потом так к ней привязалась, что оторваться не могла, по ночам читала. Однажды вместо вечерних молитв до четырех часов утра читала «Слово жизни». Огорчилась, что грешно это было, но батюшка меня успокоил: «Нет, Зинаидушка, не

скорби, тебе Господь заменил этим чтением и утренние, и вечерние молитвы, — ничего, не скорби».

«Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым, промчалась жизнь моя,
И двери смерти, страшно тяжки,
Уж очень близки от меня».

Незадолго до кончины батюшка очень хотел, чтобы я в дни приездов оставалась ночевать на острове, хотел поговорить, но не пришлось. Может быть, он хотел меня утешить перед тем, как уйти, укрепить. До самого конца старец оставался в ясном сознании. Он рвался к народу, скорбел, что не мог, как прежде, помогать людям. Это была настоящая Христова любовь. «Ведь я скоро умру, — говорил он. — Придет время, Зинаидушка, ты получишь очень печальную весть, но только не плачь, а то сама скоро умрешь. Знай, что это будет воля Божия». Я думала, что с детьми могло случиться что-нибудь. Только когда узнала о том, что батюшки не стало, свету невзвидела.

Много раз мы обходили гроб и прикладывались к ручке усопшего батюшки: живая была рука. Вначале я много плакала в дороге, потом у гроба старца, а потом наступил мир, все утихло.

На поминки отца Николая я заказала на птицефабрике свежих яиц, курочек, но захло-

поталась с просфорами и выехала поздно. Оказалось, уехала с последним автобусом. Что было делать? Ночевать не у кого. Бегом с остановки бежала на фабрику, потом с фабрики на остановку и все просила батюшку: «Миленький, я тебе и при жизни покою не давала, и в загробной жизни я тебе покою не даю, задержи автобус». Надежды не было никакой. Добежала до остановки, — автобус стоит. Я сама себе не поверила. Только встала на подножку, — он двинулся с места. Кондукторша рассердилась: «Что это такое? Тебя ждали? Мы должны уже к Пскову подъезжать. Ты заговор, что ли, знаешь какой?». Я только и сказала: «Молиться надо».

Во сне я старца не видела ни разу, а голос его слышала. Однажды пороптала, когда уж очень болели ноги, и легла. Вдруг услышала строгий голос батюшки: «Полно роптать, вставай, читай житие Серафима Саровского!» Был четвертый час утра. Вскочила, стала читать житие, а там — одни болезни. Я и поняла, что болезни — крест мой, по грехам, терпеть надо».

Воспоминания Екатерины Абрамовны Погребняк

«В апреле 1982 года у меня убили брата, и мы поехали в первый раз в Печоры. Обстоятельства смерти моего брата были очень таин-

ственные, в течение долгого времени никто толком не мог понять, убили его, или он погиб в результате несчастного случая. За двадцать лет, до сего времени, так ничего и не выяснили, хотя мы усиленно хлопотали вплоть до ЦК КПСС. Ходили разные толки, это было мучительно, поэтому мама и решила спросить батюшку, в чем дело.

Когда мы приехали, отец Иоанн Крестьянкин был болен, лежал с высокой температурой и нас не принял. Я написала ему отчаянную записку, где спрашивала, что же нам делать. Батюшка вышел из кельи и сказал, чтобы мы ехали на остров Залит, к отцу Николаю, потому что он — единственный настоящий прозорливый батюшка в Советском Союзе.

Мы сразу не поняли, о ком говорил отец Иоанн, стали подробно расспрашивать, и нам объяснили, куда и как ехать. Нас было четверо: мама, я, моя пятилетняя дочка и наша знакомая, Ольга. В пути было много сложностей, очень трудно было накормить ребенка, но както все устроилось. На остров мы плыли на катере довольно долго. Ольга Алексеевна нас пугала, говорила, что отец Николай был очень строгий и мог нас прогнать.

Мы сошли с катера и пошли в сторону церкви. Вдоль улицы навстречу нам очень бодро шел батюшка Николай. В руках у него была палка, и Ольга все пугала нас: «Как бы он вас

палкой-то не поколотил». Отец Николай был необыкновенно радостный, деятельный.

В субботу пошли ко всенощной. Храм произвел очень хорошее впечатление. Я была впервые в настоящей деревенской церкви. После Московских столичных, великолепных храмов она меня поразила: скромные иконки, украшенные искусственными цветами, чистота, какой-то свежий воздух для души там был, не было ничего парадного, все чисто, аккуратно, очень отрадно. Меня необыкновенно удивило в батюшке, что он вошел в храм как-то особенно тихо, переодел свои калошки на матерчатые стеганые тапочки, сначала вошел в алтарь, потом вышел и на свои рублики (еще на те старые рублики, лохматенькие) купил свечечки и пошел с ними в алтарь. Этим он совершенно меня поразил. В Москве я такого нигде никогда ни до, ни после этого не видела.

В тот день батюшка не помазывал елеем, а просто благословлял нас, когда мы прикладывались к Евангелию. Мама спросила: «Батюшка, можно мне у вас исповедоваться?» Батюшка сразу назвал ее по имени: «Не только можно, Ольга, но и нужно». Утром мы пошли к обедне, и мама у него исповедовалась. В конце разговора он сказал ей: «Ты — счастливая мать, ты радоваться должна, Ольга, у тебя сын — в раю». Господь открыл ему участь

брата по его молитве, и он очень обнадежил и успокоил маму.

Нужно сказать, что мы были совершенно удручены этой поездкой, потому что нас согнали с первой квартиры, где мы ночевали. Я была в очень смятенном состоянии. Батюшка почувствовал и на исповеди все меня спрашивал: «Может быть, ты еще что-нибудь вспомнишь?» Мне в голову не пришло тогда рассказать ему о своих личных проблемах, потому что мы ехали ради мамы. Когда мы пришли, батюшка стал нам говорить о том, что «беда — не беда, а вот вода — беда», и привел в пример историю одного паломника. Тот человек решил уехать, а батюшка его не благословил. Мужчина спешил и договорился с каким-то рыбаком. Несмотря на то, что плыть там недалеко, лодка перевернулась, и они оба утонули. На этом озере бывают сильные бури.

В вечер нашего приезда был жуткий шторм. Казалось, крышу унесет. Когда батюшка увидел, что мы пришли в церковь, очень обрадовался, что мы не уплыли, а остались. Специально, чтобы еще больше утешить мою маму и направить ее в нужное духовное русло, отец Николай стал читать с нами Акафист «Слава Богу за все». Батюшка опустился на коленочки в храме, ближе к выходу, и прочел Акафист полностью. Я никогда не видела и не слышала такой благоговейной молитвы.

Это было первое удивительное впечатление о батюшке. Потом он нас очень ласково благословил, что-то дал нам на дорожку. Когда мы ему предлагали деньги на храм, старец отказался: «Нет, я ничего у вас не возьму. Я буду молиться так. На тарелку тоже не кладите».

Воспоминания иерея Сергия Бабурина

«Когда я в 1985 году учился в Абрамцевском художественном училище, нас отправили на художественную практику в город Псков. Мы целыми днями рисовали древний русский город, беседовали. Группа ребят решила поехать на остров Залита повидать старца Николая Гурьянова. Хотя у меня был духовник, и ехать было незачем, я согласился. Мы с другом, ныне священником, вышли поздно и шли спокойно, не надеясь попасть на катер. На подвернувшейся попутке доехали до города. Сокурсники помчались вперед, но интересно, что на «Зарю» успели именно мы.

Приплыли на остров, батюшка встретил нас в храме очень тепло, расспросил, откуда мы и с какими вопросами приехали. Он радовался, что мы были художниками и могли в будущем послужить украшению храмов. Со мной отец Николай немного поговорил по-английски, с товарищем — по-немецки. К женщине, приехавшей вместе с нами, обратился по-эстонски,

узнав, что она жила в Эстонии. Когда та ответила, что была латышкой, продолжил разговор по-латышски. Особых вопросов у нас не было. Мой друг спросил, следовало ли нам идти служить в армию. Возраст был призывной. Батюшка даже руками замахал: «Идите, обязательно идите, не отказывайтесь, все будет хорошо!» В Москве я рассказал духовнику о нашей поездке, он улыбнулся. Оба мы служили в горах, в Карпатах. Красота там необыкновенная, часть была очень спокойная, поэтому служили, как в раю. Наверное, благословение отца Николая не было случайным».

Воспоминания протоиерея А* из Ивановской области

«Мое глубокое убеждение, что старец Николай Гурьянов, протоиерей с острова Залита, обладал Божией благодатью, которая есть святость. Кончина его была блаженной, а мы помним, что пишет апостол Павел: «Почитайте наставников ваших, взирая на кончину их». Надеюсь, что в свое время наше священноначалие причтет батюшку Николая к лику святых Русской Православной Церкви.

Вначале несколько слов я хочу сказать о той ситуации, которая меня привела в 1985 году к старцу Николаю. В 1979 году я получил от моего духовника, архимандрита Троице-Сер-

гиевой лавры, благословение на принятие священного сана и служил чтецом в одном из московских храмов в течение четырех лет. За эти годы я научился петь, читать по-славянски, познакомился с канонами Православной Церкви, со святоотеческими толкованиями Священного Писания и многим другим, что необходимо знать каждому священнослужителю. Я хорошо знал историю Церкви, как общую, так и Русской Церкви. Вместе с тем у меня не было всех необходимых для принятия сана канонических условий. Духовник выслушал мои сомнения и ответил, что такова была воля Божия. За послушание я в 1980 году, не вступая в брак, принял в Ивановской епархии сан священника целибатом и, по милости Божией, получил приход в удаленной деревне, где стоит всего несколько домов и люди, в основном, совершенно далеки от церкви.

Вместе с принятием сана на меня обрушилась бездна искушений. Мои священнические службы были сплошной мукой. Духовник только укреплял: «Терпи, молись», — но ничем помочь не мог. От многих страданий я приходил в ужас. Более всего меня мучил помысел, что, может быть, мой духовный отец ошибся и я не имел права на священство. Я доходил до отчаяния и хотел оставить сан, уйти опять в чтецы и жить спокойно аскетической жизнью. Так прошло шесть лет.

Наконец, я поехал к духовнику, исповедовался ему и попросил в течение сорока дней за меня усердно помолиться, чтобы Господь дал какое-то явное знамение Своей воли. Мы оба молились, но подтверждения я не получил. Тогда я стал искать другого старца.

Об отце Николае с острова Залита слышал я давно. Говорили, что он отличался прозорливостью, юродствовал, что в священников из Москвы часто бросал камушки со словами: «Уезжайте, уезжайте, садитесь на тот же катер, у вас там есть свои батюшки». После майского празднования Владимирской иконы Божией Матери, летом, я помолился перед Владимирским чудотворным образом в Третьяковской галерее, в храме во имя преподобного Пимена Великого и поехал на остров Талабск.

Когда я подходил к храму, старец меня уже ждал. Вид у него был весьма необычный. Худенькому батюшке в легком подрясничке было около семидесяти пяти лет. Отец Николай — человек необычайного ума, талантливый, не говоря о величайших духовных дарованиях, которые скрыты, воспринимаются только духовным зрением и открываются при близком духовном общении со старцем.

По тем временам я в миру носил пиджак и брюки. Старец увидел меня и спросил: «Ты — священник?» Я ответил, что приехал к нему именно, чтобы узнать, священник я или не свя-

щенник. Отец Николай вновь задал вопрос: «Зачем ты ко мне приехал? У тебя же есть старцы», — после чего пригласил с собой в храм. Батюшка открыл церковь, мы вошли и сели с ним на скамейку. В храме мы были вдвоем. Он говорил, что служил в Эстонии, рассказывал о том, что было время, когда служили на соках, потому что не было вина. Потом уже я нашел, что собор 1917–1918 годов разрешил священникам служить на соках в крайних обстоятельствах, когда в годы гонений не было вина и негде было его достать. Батюшка говорил что-то о своей жизни до двадцати пяти лет, о каких-то своих канонических сомнениях, а затем стал стукать меня по щекам. Думаю, что говорил батюшка потом не со мной, а с бесом, запрещая ему. Он сказал совершенно твердо, чтобы я ни в коем случае, ни под каким видом сан с себя не снимал. Согласие старцев в этом отношении меня успокоило и порадовало.

После этого отец Николай показал мне храм и предупредил: «Смотри, чтобы у тебя храм тоже был убран, чтобы везде был порядок», — подвел меня к Тихвинской иконе Божией Матери и сказал: «Служи Тихвинской». Потом батюшка назвал меня «родной» и повел в алтарь. Причем, в алтаре он неожиданно взял меня за нос и так провел через весь алтарь. Старец показал, как он сам кадил, как нужно раздувать

кадило, и разрешил задавать любые вопросы. Сейчас трудно вспомнить, что он говорил, но важно было увидеть его необыкновенное благоговение к святыне.

После церкви батюшка повел меня к себе в дом, где мы довольно долго с ним беседовали, предложил покушать.

У меня были большие сложности с потреблением Святых Даров. Чтобы помыть чашу после Причастия, я целые чайники воды выливал. Старец объяснил, что мне нужно было делать, чтобы избавиться от осадка, и дал заповедь: «Мой чашу только водой и никогда нигде не пей вина, даже с архиереем». По милости Божией, хотя я и раньше никогда не пьянствовал, но с тех пор перестал пить вино совсем. Отец Николай далеко не всем священникам запрещал употреблять вино. Но он знал, что меня часто мучило уныние, а на одиноких приходах, когда человек нередко чувствует себя заброшенным, бывает, что люди ищут утешения не в молитве, а в вине, что само по себе пагубно. Так старец удержал собрата от печальных последствий своей молитвой и своевременным советом.

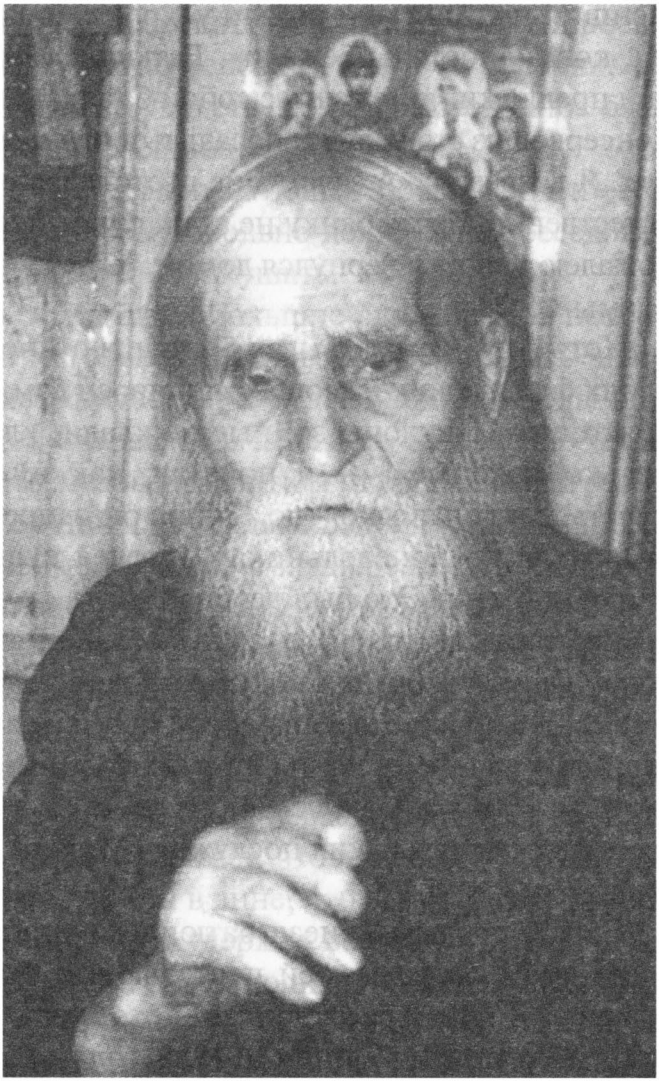
Я спрашивал у отца Николая, как вести себя с женским полом: «Батюшка, я — целибат и практически почти монах, а вокруг меня — одни женщины. Может быть, мне быть от них как можно дальше?» — «Нет, — ответил он, —

женщин не гони, они стояли у Креста Господня, когда апостолы бежали». Батюшка Николай предложил мне взять с собой банку из-под консервов из его кельи и посадить в ней цветочек. Я возразил: «А зачем мне цветочек?» — и, естественно, брать банку не стал, о чем теперь сожалею. Когда я вернулся домой, многие проблемы исчезли.

Хоть я и не рассказывал батюшке о многих своих физических немощах, но старец сам посоветовал: «Поклоны земные не клади, клади только поясные», — и показал, как нужно класть поклон по колено. Затем он запретил поститься по понедельникам и велел кушать три раза в день. Это был человек меры.

Рассказывая старцу о своих сомнениях, я говорил ему о желании получить какое-то знамение. Не прошло месяца после моего возвращения, как мне приснился храм. Мы вышли с отцом Николаем на середину храма из алтаря, и старец предложил послужить Матери Божией.

Еще в первый приезд батюшка попросил меня повесить над моей постелью его фотографию. Я очень расстроился, потому что решил, что старец умрет. В 1988 году вышел фильм «Храм», потом в журнале «Экран» я нашел о нем статью, вырезал из журнала фотографию отца Николая и повесил над своей кроватью.



Прощаясь, старец пожелал блаженства, благословил. За его святые молитвы я стал чувствовать великое утешение от совершения Божественной службы. «Единственное тебе правило обязательное, — назначил он, — это утренние, вечерние молитвы и помянник. Остальное — как хочешь и сколько хочешь. Но меньше — нельзя. Это тебе будут крылышки в Царствие Небесное». Вначале батюшка благословил причащать мирян не меньше шести раз в год, то есть во все посты, в день рождения и в день Ангела. В последние годы он объяснил, что ситуация в мире изменилась, и теперь следует причащаться возможно чаще. Я совершенно ничего не сокращал в богослужении, которое поэтому очень затягивалось, и батюшка благословил делать некоторые сокращения, после чего у меня появилась какая-то паства.

В 1986 году мне захотелось вновь поехать к старцу Николаю и поблагодарить его за молитвенную помощь. Шли пасхальные дни. Со мной были мой келейник Сережа и тайная монахиня из Москвы. Мы приплыли на остров, а старец вошел в катер. Увидев нас, он пригласил ехать с собой во Псков и побеседовать на судне. Мы успели обсудить мои небольшие вопросы. На пристани во Пскове едва вышли из катера, как вдруг батюшка побежал вверх по лестнице: «Идите, идите за мной». Мы все то-

ропились за ним, он бежал очень быстро и приговаривал: «Вот как надо бегать». Старцу шел семьдесят седьмой год. Дома, после того, как я с ним побегал, у меня вся немощь телесная прошла. По дороге отец Николай увидел какого-то пьяницу и стукнул его по щеке. Когда он бил по щекам, никто на него не обижался, потому что во всем чувствовалась любовь. Так он выгонял беса. Мне рассказывала монахиня Успенского Пюхтицкого монастыря, что когда отец Николай был молодой, его духовной дочкой была игуменья Варвара. Старец часто приезжал в Пюхтицкий монастырь. У одной из сестер был рак груди. Однажды рано утром она шла к полунощнице. Неожиданно к ней подбежал батюшка и стукнул ее по груди прямо в больное место. Рак груди после этого прошел.

Когда мы бежали по Пскову, батюшка был одет в рясу, голову покрывала скуфейка, на груди у него покоился крест с частицами мощей святителя Иоанна Златоустаго и других святых, вид был очень благолепный. Пришли к архиерею Иоанну, митрополиту Псковскому и Порховскому. Владыка был очень болен. Отец Николай подвел нас к владыке и вышел. В это время вошел ставленник, то есть человек, который готовился к священству. Старец приветствовал его: «Христос Воскресе!» — наотмашь стукнул по щеке и сказал: «Не кури!»

Мы проводили батюшку до катера, и старец запретил на некоторое время ездить к нему: «Ко мне больше пока не езди. Ко мне ездил один молодой священник, я ему сказал: „Ко мне больше не езди“, — а он приехал и утонул в озере. Молись за него. Иерей Михаил. Он лежит в мощах и теперь в Царствии Небесном». Для чуткого сердца старца было очень больно, что кто-то ехал к нему и утонул. Погода стояла прекрасная, и я заметил сходство с Галилейским озером. Отец Николай тотчас вспомнил о своей духовной дочери, игуменье Феодоре из Горненского монастыря в Иерусалиме, и попросил молиться за нее.

Во второй приезд он дал мне две заповеди: «Не любите девок и не покупайте себе машины». По милости Божией и по молитвам старца Николая я соблюдаю их по сегодняшний день.

Один из моих знакомых писал пьесы. Как известно, Шестой Вселенский собор отлучил деятелей театра от Церкви. Я всячески уговаривал своего товарища бросить театр, но отец Николай ему сказал: «Ты же не будешь писать «Гавриилиаду», как Пушкин. Красота — это вещь хорошая. Пиши, пиши». Мой родной брат познакомился с двумя балеринами, которые постоянно ездили к старцу на остров. Одна из них переживала: «Что же я буду делать, если брошу театр. Понимаю, что дело нехорошее».

Старец ответил: «Старый друг лучше новых двух», — и она решила остаться в театре, заниматься балетом. Имея необычайную жалость, милосердие к человеку, батюшка видел духом страдание душ, которые не смогли себе найти место в этом мире, и по великой любви он покрывал немощные, погибающие души. Мое личное общение со старцем было необычайно приятным, радостным, благодатным, потому что чувствовалось, что он понимал тебя, что он тебя любил и жалел, что он видел тебя насквозь, видел то, что не видим мы сами, понимал глубже, чем мы сами понимаем себя.

Когда отец Николай садился в катер, мы с ним прощались, и он повторил с трагической какой-то интонацией: «До свидания, до свидания, поминайте мои страдания». Помню, что мы с ним долго прощались. Я плакал, почувствовав к нему великую любовь. Хотелось перебраться к нему поближе, но было жалко бросать приход, посвященный Господу, Матери Божией. После этого я у старца не был в течение многих лет. Только по каким-то сложным вопросам своей жизни я ему писал, и он мне отвечал в течение долгого времени.

Наконец, пришел 1998 год. Я слышал, что батюшка принимал толпами, люди снимали его на видеокамеры, и он всех помазывал освященным маслом. Это был первый год, как он прекратил служить. У меня возникло неодолимое

желание поехать к нему и просто поклониться, вопросов особенных не было. Просто хотелось выказать ему свою великую благодарность. Я взял с собой двоих молодых людей, юношу и девушку. На остров мы ехали на моторной лодке от Толбиц. Был день памяти святого Кирилла Туровского, шли пасхальные дни.

Отец Николай принимал большую толпу народа, ему было уже девяносто с лишним лет, он очень постарел, изменился. Батюшка вышел, помазал всех маслом и предложил: «У кого есть какие-то вопросы, подходите». Несмотря на то, что вопрос у меня был, мучить старца не хотелось. Стоя, на ногах он принимал такие страшные толпы. Я спросил его, не было ли у него жены, чтобы ее поминать. «Нет, — ответил он, — я — целибат». Когда отец Николай уходил, я поцеловал его руку и почувствовал неземную любовь.

После этой поездки мне приснился старец. Он стоял в храме, в епитрахили, в поручах и давал крест. Когда я подошел ко кресту, батюшка сказал, что и теперь есть такие люди, по молитвам которых Бог может спасти человека. Я подошел, поцеловал крест, его руку и увидел себя тоже в епитрахили, в поручах, с крестом и Евангелием.

Больше увидеть батюшку мне уже не пришлось. Передавал вопросы в записках только через келейницу.

О России старец говорил, что Россия была, есть и будет. В год канонизации Царской семьи, в 2000 году, отец Александр Шаргунов навещал отца Николая, и батюшка известил его, что в этом году Государь должен быть прославлен. Старец категорически запретил мне высчитывать последние времена и сроки».

«Боже! Зри мое смиренье,
Зри мои плачевны дни,
Зри мое Ты огорченье,
И меня не обвини. Да...»

Воспоминания Натальи Яковлевны Величко и Николая Николаевича Лисового

«В начале августа 1987 года мы были во Пскове, который Николай Николаевич особенно любил. В древней Любятовской церкви нам довелось познакомиться со священником Владимиром Поповым, который рассказал о необыкновенном старце, отце Николае Гурьянове, служившем на острове Залита. Образ настоящего духоносного батюшки так меня поразил, что на следующий день в пять часов утра мы с Николаем отплыли на остров. Сиял горячий августовский день, озеро было спокойно, ровный гул моторов и плеск воды убаюкивали, мирную дрему нарушал лишь резкий крик чаек. Я крепко заснула и очнулась

только, когда «Заря» уткнулась в мелкий песок Талабска.

На сердце было необычайно радостно, душа чувствовала особую бодрость, легкость, покой. Расспросили, как найти отца Николая, и отправились к его маленькому домику, расположенному против входа на живописное сельское кладбище. Сердце сразу отозвалось теплом при виде миниатюрного дома, ухоженного небольшого сада. Вначале батюшка долго не отзывался, поэтому мы решили, что его не было дома, и уже собрались отойти, как дверь открылась. «Что приехали? Что приехали? — дважды спросил батюшка. — Приезжайте через двадцать лет на мои похороны». Услышав, что гостей прислал к нему отец Владимир Попов, старец ласково пригласил к столу, угощал чаем и вкусной копченой рыбой. Я предложила сдобный хлеб с изюмом и булочки, которые батюшка с удовольствием принял, несмотря на то, что шел Успенский пост. Его бережность к другому человеку покрывала нечаянные уставные нарушения.

Мне отец Николай подарил тридцать три белоснежные иерусалимские пасхальные свечи. Особенно запечатлелось в памяти то, что батюшка угощал меня чаем из точно такой же кружки, какая была у меня дома. «Вот останется память», — подумалось. Батюшка улыбался, когда я рассказывала ему о том, что получила

два высших образования, — режиссерское и актерское, и пошутил: «Да, да, деформация прямо противоположна приложенной силе». К получению достойного образования, особенно высшего, старец относился очень серьезно: «Старайтесь сами, и всем говорите, что детям необходимо давать высшее образование. Высшее образование многих приводит к Богу».

Я страдала от внутреннего одиночества и спрашивала батюшку о соединении с Колей, близким по душе человеком: «Он на правильном пути, с ним все в порядке. Он будет более известным человеком, чем ты». Я удивилась, потому что в те годы была известной актрисой, а Николай — исследователем древнерусской книжной культуры.

Нас, как и большинство думающих русских людей, мучил вопрос об отношении к иудеям: «Что же, — отвечал батюшка, — евреи — хорошие люди, с ними нужно ладить, но при этом не терять осторожности, держать ухо востро».

Особого духовника отец Николай искать не советовал. Чувствовалось, что он вслушивался в обратившегося к нему человека и, в зависимости от его внутреннего устроения, корректировал свое поведение и совет. Разговор с ним был диалогом, а не авторитарным, назидательным монологом. Нам показалось, что последовательно вести человека по духовному пути, быть его постоянным духовным руководителем

было не его деланием, что к батюшке можно было обращаться именно как к старцу в особых, отдельных случаях.

Мы находились у батюшки довольно долго, почувствовали, что он утомился, простились и пошли на берег ожидать прихода «Зари». Искупались, хорошо погуляли, а потом неожиданно потянуло пойти посмотреть, кому был посвящен храм, в котором служил отец Николай. Вернулись с Колей к церкви и увидели, что у входа нас ожидал старец. Он был рад, что мы вернулись. Строго, волевым жестом батюшка приказал мне встать на колени перед иконой Христа Спасителя, и сам, встав на колени, молился перед Царскими вратами.

Обратно летели, словно на крыльях. До сих пор посещение старого батюшки на далеком острове в Псковском озере вспоминается как сияющий праздник».

Воспоминания Г*

«Во второй половине восьмидесятых годов мне пришлось пережить тяжелейший внутренний кризис. Я потеряла доверие к духовнику и к человеку, которого считала старшим другом. Я глубоко благодарна им обоим за многое, но, в силу человеческих немощей, оба они вели себя некорректно. Имея полное доверие к архимандриту Иоанну Крестьянкину, вначале я

собралась ехать к нему, но он к тому времени еще не вернулся из отпуска. У меня тяжело болела мама, поэтому я выехала при первой представившейся возможности в день Преображения Господня к отцу Николаю на остров Талабск.

Август стоял жаркий, озеро было лениво и спокойно, меня особенно поразил его плотный, теплый цвет густого какао. По чистому, хрустящему песку на острове я пошла вверх, к маленькой белой церкви. Передо мной торопливо бежали трое человек, в которых я узнала прихожан своего храма. Батюшка оказался дома. Трое уже стояли во дворе, я же не справилась со щеколдой и осталась ждать, сидя на громадном гранитном валуне перед калиткой. Отец Николай заметил мое затруднение, оставил посетителей и вышел: «А Вы что хотите? Я ничего не знаю. Я по-русски не понимаю». Он пригласил во двор и усадил на одну скамеечку с торопливыми гостями: «Посидите тут. В тесноте, да не в обиде, да». Я очень нервничала, потому что трое человек никак не могли закончить беседу. Наконец, батюшка простился с ними и попросил меня зайти в домик.

Глаза не сразу привыкли к темноте крошечной комнатки. Отец Николай ласково усадил за стол, над которым висела какая-то большая бумажная икона. Он внимательно расспросил о моих обстоятельствах, о месте работы, о пред-

полагаемой диссертации, все время приговаривая: «Ах, как хорошо, очень хорошо, работай, тебе пока надо поработать, защищай диссертацию, если есть такая возможность».

Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство русского народа, я была почти в состоянии отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слезы. Старец не перебивал меня, покачивал головой: «Так, так». Затем он спросил: «А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?» Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет, и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного Суда. Батюшка указывал на дьявола: «Вот, кто тебе показывает все. Гляди, какой он. Это Страшный Суд, когда одни пойдут в рай, а другие — в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай). Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: «Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение». Одному священнику на вопрос об отношении к иудеям батюшка спокойно ответил, что они люди хорошие, на которых есть благословение Божие, но лучше общаться со своими.

«Как у нас все хорошо. Все хорошо, да, и мы к этому хорошему привыкли. Помоги нам, Господи. Какое счастье, что нас ждет, ждет-то нас, посмотрите. Вот куда, а не сюда. Посмотрите. Там — вечность, и вечное мучение, и горе какое в эту вечность попасть! Боже упаси!»

Выслушав рассказ о том, как духовник не только открыл тайну исповеди, но и извратил ее смысл, отец Николай был потрясен: «Не может быть, это страшный грех, нам нельзя». Вместе с тем, он продолжал: «Ты к Богу идешь, а не к священнику. Священник — это еще не Церковь. Он — человек, пусть его живет, как он хочет. Что бы он ни сделал, пока он не запрещен архиепископом, он имеет право служить и совершать все таинства. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: «Господи Иисусе Христе, прости грех батюшки. Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешную». Если уж очень он тебя (ранил), ходи в другую церковь. Никому не рассказывай об этом. В любом храме тебе будет духовник. Постоянно ни к кому одному прилепляться не надо. Кому Церковь — не Мать, тому Бог — не Отец. В отношении духовного руководства... Есть у вас Троице-Сергиева лавра, вот ведь приехала же ты ко мне.

Живите в мире, в любви, в согласии. Пой в храме, родненькая, радуйся, что с Господом. Петь нужно, трудиться. И в миру-то говорят:

«Не трудящийся да не яст». Да. Одиночество? — Ничего не тяжело. Как хорошо. Правил себе больших не набирай, а утренние и вечерние молитвы надо читать обязательно, а то бывает, что не читают. Перед едой дома надо перекреститься, на работе ведь не перекрестишься, если только незаметно».

После беседы мы вместе с отцом Николаем поспешили ко всенощной. Батюшка позволил остаться на ночь, если кто-нибудь согласится принять к себе. Ни одна из местных прихожанок не принимала. Отец Николай время от времени выбегал из алтаря: «Что, неужели ничье сердце не умилостивилось?» Наконец, женщина в темном пиджачке со строго сжатыми губами, вздохнув, решилась пустить. Оказалось, она была почти единственной, кто разрешал ночевать у себя. Добрейшей души, смиренная, улыбчивая, открытая Антонина Васильевна Белова.

Во время исповеди батюшка не разрешал говорить ни о чем постороннем, кроме грехов: «Ты перед Евангелием стоишь. Если гневаешься, посердишься на кого, вот об этом говори». После службы, благословляя остаться у Антонины Васильевны, отец Николай подарил несколько белых булок, во-первых, чтобы не приходить в гости с пустыми руками, во-вторых, наказывая отвезти подарок от него больной маме.

В храме во имя святителя Николая батюшка после вечернего богослужения имел обыкновение петь величание иконе Божией Матери «Спорительница хлебов»: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоея, и яви милосердие Твое». Когда впервые, стоя против чудотворного образа Пречистой «Благодатное Небо», я услышала, как перед Царскими вратами он запел величание, мне показалось, что отец Николай стал выше ростом, и я, живо почувствовав реальное и близкое присутствие Пресвятой Богородицы, упала перед Ней на колени.

Утром, после Божественной литургии, батюшка говорил краткое слово: «Вы, мои дорогие, только истово осеняйте себя крестным знамением и просите, надейтесь на милосердие Божие. Бывает, потеряет кто веру, озлобится, отойдет от Церкви, — его ждут страшные мучения. Нужно молиться и просить милосердие Божие, не спасет ли как его Господь. Говорят, наша жизнь стала непереносимой. Это, мои дорогие, — наш крест, он по нас, мы его достойны. Это, мои дорогие, не Христов крест, а личный, наш собственный, и мы должны понести его».

Вечером мы простились с отцом Николаем, я проводила его до дома и убежала к своей доброй хозяйке. Мы с ней пили вечерний чай со свежей жареной мелкой рыбкой, беседовали.

Антонина Васильевна, улыбаясь, рассказывала, как отец Николай, биолог по образованию, расправлялся с посаженным ею луком: «Прибежит, все переломает, и убежит, а на другой день поднимается такой красавец-лук, — залюбуешься». На улице дул ветер, моросил мелкий, неприятный, холодный дождь-сечка, а в доме было тепло и уютно. В дверь постучали, и хозяйка попросила меня открыть, забрать рассаду у соседки. Я выскочила в сени, отворила дверь: передо мной в стареньком подрясничке, с непокрытой головой стоял батюшка Николай с большим пакетом яблок в руках: «Галинушка, я тебе яблочков принес на дорожку, возьми. Сохрани тебя, Господи, до свидания». На крыльцо вышла растерявшаяся Антонина: «Антонинушка, жива ли ты? Я только и хотел спросить, жива ли ты». Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. Сердце примирилось со всеми.

«Все исчезнет в этом мире,
Как трава и цвет в полях,
Нищий в рубе, царь в порфире
Обратятся оба в прах».

В 1988 году отца Николая наградили митрой и правом служения с открытыми Царскими вратами до пения Херувимской песни.

Прошел год, душа затосковала по ласковому батюшке, и в день празднования Казанской иконы Богородицы я вновь поехала на остров Залита. День был прекрасный, душа радовалась скорой встрече с отцом Николаем. Сойдя на острове с катера, я побежала к домику старца. Батюшка уже открыл калитку и стоял, поджидая гостей: «Это ко мне пришли? Что Вы хотите? Вы откуда? Из Москвы? До самых до окраин? Скорее говорите, пока никого нет, говорите, что у Вас, а то нам помешают». От радостного волнения у меня перехватило горло, и я едва могла удержать слезы. Отец Николай понял мое состояние, махнул рукой: «Идите купаться».

Позже, после службы, я несколько успокоилась, рассказала ему о себе и о близких мне людях. Мама была больна раком и собиралась делать вторую операцию. Батюшка отозвался о ней, как о бесполезной, но наказал усиленно просить милости у Бога для мамы и для брата. Выслушав о смущающих обстоятельствах в духовном пути близкого мне человека, сказал: «Оставь это, радуйся и веселись, и убегай всякой неправды, маму чти и не оставляй утренних и вечерних молитв. Пой, радость, Господу, пой во славу Господа». С монашеским постригом спешить отец Николай вообще не советовал, особенно людям, живущим вне монастыря, в миру, и настойчиво призывал сохранять веру.

Необычайно меня поразило отпевание безродной старушки, жительницы острова. Батюшка сам зажег свечи на всех подсвечниках, надел праздничные облачения, уставил гроб по периметру горящими свечами и служил величественно, торжественно. Чувствовалось, что душу усопшей он передавал прямо в руки Божии. Мне подумалось, что величайшим счастьем было бы, если бы и меня так же проводили в последний путь.

В 1990 году я приехала на остров Талабск уже в третий раз. В дороге на катере мы разговорились с молодым семинаристом Дмитрием из Львова, где тогда бесчинствовали униаты. Батюшка благословил его на священство. Закончив разговор с семинаристом, он направился ко мне. Я ждала его, сияя от радости. Отец Николай быстро подошел и неожиданно сильно ударил по щеке. Молча посмотрел в глаза, в сердечную глубь, и ударил второй раз по другой щеке. От ужаса я остолбенела: «Господи, что же я натворила?» Так, всматриваясь, он повторил несколько раз, уже приговаривая: «Все у тебя хорошо, все хорошо». Наконец, пригласил сесть: «Что на меня смотреть, я — грешный человек», — напомнил физическую формулу, которая гласила, что сила деформации равна силе действия, и засыпал прибаутками. Я молчала.

Батюшка резко прекратил свои приговорки и спросил, с чем я приехала. Признаться, мне

более всего просто хотелось его увидеть, как живую икону. Он расспросил о моей жизни, порадовался, что я вечерами читала и пела в храме. Узнав, что за три года не смогла защитить диссертацию из-за маминых операций, велел оставить работу. «Скорбеть — терять благодать Божию, а надо радоваться и веселиться». Батюшка советовал мягко, ненавязчиво стараться привлекать близких знакомых к Церкви. «Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом. Молись Державной иконе Божией Матери, Она все устроит. Чаще к Матери Божией прибегай. Оставайся так жить, как живешь, канонов читать не нужно, только не оставляй утренние и вечерние молитвы».

Вечером в храме пели Акафист преподобному Серафиму Саровскому. После службы, благословляя на ночь, батюшка напомнил: «Вот я тебе по щечкам-то давал, больно тебе было. Будут тебе, как я, по щечкам давать, — по левой дадут, а ты подставь правую, притворись, что ничего не знаешь, скажи им: «Я — придурок». Терпи. Будет больно, будут щечки гореть. Терпи».

Меня беспокоили сокращения богослужения в храме, где я служила. «В службе от себя ничего не прибавляй, служи по Уставу. Их дело — нарушать, а тебя Господь вразумит. О переводе богослужения на русский язык — на это

есть высшая духовная власть, она прекратит все это, а мы — люди маленькие. Не говори, что время ныне смутное, люди сейчас, люди такие. Хорошо там, где нас нет. Нужно ежедневно читать Евангелие». Вновь легонько похлопал по щекам: «Все у тебя хорошо, помыслы об одиночестве — это все молодость, молодость».

Я спросила, спасет ли Господь Россию. «Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо». Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: ***«А она и не умирала. Нет- нет-нет. Нет-нет-нет. Где просто, там ангелов со сто, где мудрено, там — ни одного. Когда нам кажется, что уже — все... Нет...»***

На следующий день после литургии отец Николай говорил проповедь: «Вот, мои дорогие, сегодня — день памяти угодника Божия, преподобного Серафима. По молитвам угодников Божиих Господь исполняет наши просьбы, исцеляет, продляет годы жизни. Я вот старый человек, а мне тоже пожить хочется еще. Потому что жизнь — красивая. Цель нашей жизни — вечная жизнь, вечная радость, Царство Небесное, чистая совесть, покой, — и все это в нашем сердце».

Я приложилась ко кресту, простилась с отцом Николаем. Пора было уезжать, и я боялась

опоздать на мотобот, а старец все не отпускал, все ласково похлопывал по щекам, улыбался и приговаривал: «Все у тебя хорошо, тю!»

В 1992 году отца Николая наградили правом служения с открытыми Царскими вратами до пения молитвы «Отче наш».

Воспоминания Владимира Алексеевича Непомнящих: «Старец Николай в моей жизни»

«В феврале 1989 года я впервые попал к старцу Николаю на остров Залита. Пока шел по льду, мысленно перебирал в памяти основные события жизни и думал о том, имел ли я право беспокоить старца своими проблемами. Как я подойду, что скажу?

Подошел к домику, постучал в дверь. Старец Николай вышел, внимательно посмотрел на меня и ласково приветствовал: «Ну вот, я сижу, врача дожидаюсь. А врач взял сам ко мне и пожаловал!» Нельзя передать ту радость, которую я испытал в ту минуту! Именно с этого мгновения я почувствовал себя истинным врачом, потому что до этого все сомневался, имел ли право лечить людей. Столько дипломов с отличием имел, а вот настоящий диплом врача получил в тот день!

С такими мыслями я зашел в келью батюшки. «Знаю, зачем пришел, — сказал он. — Про-

явил в поезде ротозейство, кольца-то и пропали. Не беспокойся, никаких неприятностей на службе по этому поводу не будет. Господь отвел беду». Пропажа золотых колец была источником многих переживаний. Отец Николай успокоил, что я буду часто встречаться с сыном. Тогда мне это казалось совершенно невероятным, поскольку я жил в Алма-Ате, а сын — в Баку. На прощание батюшка утешил: «Все у тебя будет хорошо. Куда собирался поехать, — езжай». Мне хотелось посетить Псково-Печерский монастырь, но я не успевал. «Тебя аэросани догонят. Быстро домчат. Еще пятнадцать минут автобуса будешь дожидаться». На прощание старец благословил, помазал Иерусалимским маслицем и пригласил приезжать еще. После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем.

Действительно, на аэросанях меня быстро доставили до остановки за пятнадцать минут до отправления автобуса. Так Господь подарил мне крепкого молитвенника о спасении души, подлинного духовного отца, оказавшего решающее влияние на всю мою жизнь. С того дня я стал приезжать на остров к старцу два — четыре раза в год.

Хочется рассказать о самых главных, жизненно необходимых проблемах и ответах отца

Николая, которые касаются многих христиан. После распада СССР с большим трудом мне удалось переехать в Подмосковье. Несколько раз ездил за молитвенной поддержкой к батюшке. С 1993 года, наконец, я устроился в Подмосковье, где продолжил службу в военном госпитале. Трудно пришлось на новом месте. Было много искушений, клеветы на работе, особенно тяжелыми оказались столкновения с экстрасенсами. Дома одолевали скорби, досаждала бытовая неустроенность, отсутствие достаточных денежных средств. В это время я создавал новую семью, родился мальчик. Старший сын переехал в Москву, и наши взаимоотношения складывались непросто.

В 1994 году я приобрел сборник духовных стихов, собранных старцем Николаем, «Слово жизни», с радостью поехал на остров и попросил батюшку подписать книгу на память. «А зачем? — удивился батюшка, — ведь я ее уже подписал!» Когда открыл титульный лист, увидел под фотографией отца Николая строки:

«А я? Лишь утро наступает,
Стою пред образами,
Вам в помощь Бога призываю,
С надеждой, верой, со слезами».

Когда в храме после беседы со старцем просматривал книгу, внимание сконцентрировалось на трех стихотворениях, которые особен-

но утешительно действуют на сердце: проходит уныние, на душе становится легче, словно рассеиваются невидимые тучи.

«Господи, помилуй,
Господи, прости,
Помоги мне, Боже,
Крест свой донести...»

***

«К Тебе, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю возвести свой глас,
Лице слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час!

Прими теплейшие моленья,
Мой дух от зол и бед избавь,
Пролей мне в сердце умиленье,
На путь спасения наставь...»

***

«Мира Заступница, Матерь Всепетая!
Я пред Тобою с мольбой:
Бедного грешника, мраком одетого,
Ты благодатью прикрой!..»

Меня смущали помыслы подозрения некоторых знакомых и даже родственников в том, что они могли оказывать темное магическое воздействие на моих близких. Батюшка меня спросил, венчались ли мы с супругой, и успокоил, что меня беспокоили вражеские наваж-

дения. Когда у нас пропали деньги в одном из коммерческих банков, он обещал, что «Господь все управит». Православному человеку нужно искать защиту ***«у Господа, у Господа. Где просто, там ангелов со сто. Где простота. А где мудрено, там — ни одного. Вот».***

Дома я переживал из-за трудных семейных отношений, поделился с батюшкой, а он попросил передать жене от него поклон и сказать, чтобы она слушалась мужа. Я спрашивал, возможно ли, чтобы старший сын когда-либо стал жить вместе со мной, старец утешил, что у Господа все возможно. По молитвам батюшки я стал часто видеться с сыном.

Когда я было задумал купить машину, отец Николай не разрешил: «Не надо, ты еще не старый. На бензин много денег надо. На одиннадцатом номере надо ездить. Пешком».

Мне хотелось стать начальником глазного отделения, но старец не одобрил этого и благословил «Евангельское служение людям в качестве врача». Я пожаловался на то, что трудно теперь жить и служить. «Будет легко лечить», — ответил он твердо. Меня волновало, благословит ли старец писать диссертацию, и он ответил: «Отчего же не писать? У тебя есть знания».

Перед началом работы отец Николай учил кратко помолиться: «Господи, благослови!», в процессе работы: «Господи, помоги!», и после работы: «Слава Тебе, Господи!»

На вопрос о духовном руководстве кратко сказал, что его «Бог определит».

Меня интересовало, можно ли посещать службы в зарубежной Православной Церкви. Батюшка строго отнесся к этому: «Есть наша Церковь».

В тот день батюшка дважды повторил: «Не надо крест снимать в бане», — и я вспомнил, что перед этим несколько раз ходил в баню и, действительно, снимал серебряный крестик и цепочку.

В 1995 году во время вечерней службы я исповедовался у отца Николая и пожаловался, как трудно жить: прихожу с работы и падаю, как подкошенный. «Станет полегче», — успокоил старец. По его молитвам вскоре стало легче, не чувствовалось такого смертельного опустошения и бессилия. После исповеди батюшка тихо подошел ко мне и впервые сказал: «Какой ты счастливец, ты — Евангельский врач!» Решив продолжить военную службу, я сказал об этом батюшке, и он одобрил: «Хорошо». Батюшка не одобрял смены жизненных обстоятельств без особой необходимости.

Через полгода после опубликования в журнале «Москва» моих первых рассказов при встрече я попросил у старца благословение на занятие писательской деятельностью. «Владыка благословит», — ответил отец Николай. Хоть и удивился, но не посмел его расспрашивать.

На следующий день я был в Петербурге, посетил часовню блаженной Ксении. В храме во имя Смоленской иконы Богородицы вечером служил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. После богослужения прихожане подходили под благословение к владыке. Когда подошла моя очередь, я, нервничая, скороговоркой попросил благословение на написание православных рассказов и успешное лечение больных. Старец-митрополит остановил меня, заставил спокойно все повторить и затем только благословил. Мне казалось, что после благословения владыки я стану писать, как по нотам, на деле в течение пяти лет я не написал ни одной строчки.

Как врачу, всегда хочется предъявлять к себе особо высокие требования, поэтому часто меня тревожило, что я, на мой взгляд, недостаточно хорошо оперировал, но отец Николай спокойно заметил: «Операции на глазах — дело тонкое».

Батюшка всегда обращал к своей совести, понуждал человека к личному покаянию. Услышав о смущении блудными помыслами, напоминал об обете супружеской верности, — о тяге к винопитию, указывал на помощь всесильного креста Господня. Во всем учил полагаться на волю Божию: «Будет, как должно быть».

Старец был противником того, чтобы христиане пили водку. Что греха таить, на службе

у нас застолья были частым явлением. После банкетов с вином и водкой стыдно бывало показываться ему на глаза. Отец Николай встречал тогда сухо и приезжать не разрешал. ***«Вино сокращает жизнь».*** Однажды посетила мысль о том, как дорого обходится дорога к нему. Прощаясь, батюшка заметил: «Зачем на дорогу тратиться».

При врачевании отец Николай благословил читать «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся...» и «Царю Небесный», позволил смазывать освященным елеем лоб и глаза у больных, причем, не только у православных, но у всех страждущих.

Временами хочется чередовать чтение Иисусовой молитвы с чтением «Богородице Дево, радуйся», но меня смущало, можно ли оставлять то одну, то другую, — батюшка рассеял мои сомнения и сказал, что можно читать молитвы попеременно, лишь бы сохранить молитвенное устроение.

На прощание старец Николай просил молиться за него и добавил: «Я еще не отхожу в вечность».

23 февраля 1996 года я вновь был на острове с пациентом Игорем, отца Николая застал рано утром в храме. Увидев нас, старец обрадовался и по смирению хотел поклониться в ноги, но мы его удержали: «Какой вы счастливец! Евангельское лечение будете проводить!» — го-

ворил мне батюшка, благословляя. Игорю сказал: «Врач знает, как лечить». Мой пациент некоторое время был связан с криминальной средой, но постепенно отошел от нее и стал на путь истинный. Когда он жаловался на своих бывших приятелей, старец его решительно перебил: «Они много лучше нас».

На этот раз отец Николай благословил приобрести машину и продолжать службу в госпитале. Деньги он не взял со словами: «Тебе самому нужны».

Каждый раз, когда я ехал на остров, волновался о том, как меня встретит батюшка. Иной раз встречал теплый прием и живое участие в разрешении моих проблем, получал приглашение приехать. Часто бывало, что старец смирял меня тем, что смотрел на меня, словно видел впервые. Во многом встреча зависела от моего духовного состояния и образа жизни. Батюшка искоренял у меня особенную гордость, которая поражает многих христиан от частого общения с духовными лицами. Начинает казаться, что ты выше и лучше других. Когда я уклонялся от истинного христианского пути, то хорошего приема не ожидал.

Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время.

Летом 1996 года я приехал на остров вместе со старшим сыном Евгением. Вечером мне батюшка посоветовал не оставлять службу добровольно, но и не сопротивляться, если будут вынуждать уйти: «Ты — молодой, послужи. А если выгонять будут, тогда не надо». На следующее утро старец служил Божественную литургию. Необыкновенная тишина и благоговение были в храме. Никто из прихожан не проронил ни одного слова. Все, как один человек, в положенные моменты опускались на колени, были предельно сосредоточены: поистине тогда у всех было «единое сердце и одна душа». По окончании литургии отец Николай кротко и очень тихо сказал: «Какие Вы счастливые, мои дорогие, сегодня Сама Матерь Божия незримо посещала нас и всех благословила, бывших на службе». На прощание батюшка утешил: «Все будет хорошо!» — а сыну посоветовал стать врачом. Евгению же хотелось стать юристом, и я рассказал об этом старцу. «А болтать умеет?» — «Да, как папа». — «Тогда можно быть юристом, но лучше бы было идти в медицинский».

Впоследствии мне пришлось уволиться с военной службы. Я устроился на работу в Институт глазных болезней и одновременно подрабатывал в различных лечебных учреждениях, что не всегда бывало легко. Не раз приходила мысль уволиться из Института, но отец Николай не давал на это благословения. На все но-

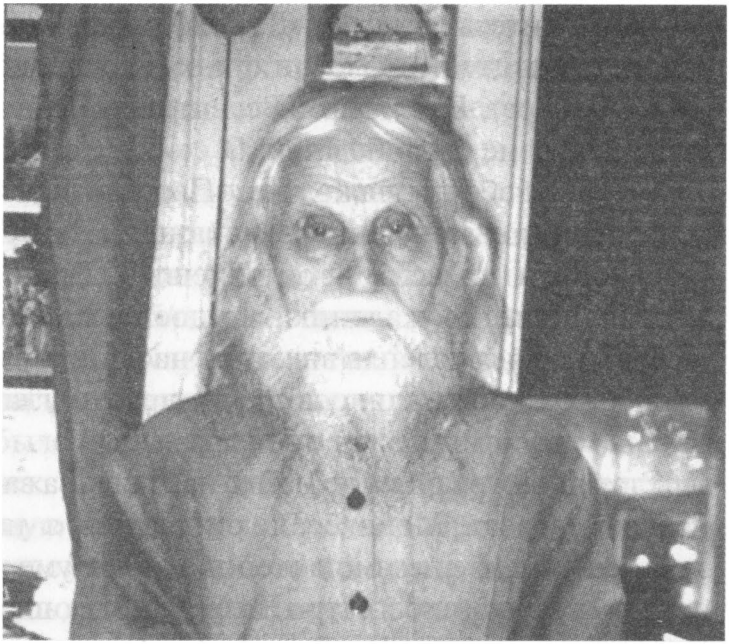
вые осваиваемые методы и способы лечения, в том числе и гомеопатию, я получал благословение батюшки. Вначале он помазывал лоб маслицем, а затем отвечал на мои вопросы.

Весной 1997 года я приехал на остров и радостно заявил, что получил заграничный паспорт, чтобы ехать на Афон и в Иерусалим. «Да, да, на Валаам-то поезжай», — услышал в ответ. — «Да я там был в прошлом году!» Батюшка еще раз твердо повторил: «На Валаам поезжай». Что делать? — По благословению старца провел целый месяц летом на Валааме, причем, три недели жил в уединенном Иоанно-Предтеченском скиту. Не передать словами, какую духовную радость и пользу я там получил! Позже батюшка позволил посетить и Святую Гору, и Святой Иерусалим. В декабре 1997 года его глазки стали еще голубее и прозрачнее.

Спросил меня: «Не пьешь водку? Не куришь?» — «Нет, батюшка». — «Вижу, что не пьешь и не куришь». Многократно в этот раз я подходил к старцу и никак не мог с ним расстаться. Впервые услышал, как старец пел:

«Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки,
Уж недалеки от меня».

Душу охватила грусть, казалось, что больше не придется свидеться. Но батюшка ответил:



«Скоро». Через два дня приехал вновь после посещения Псково-Печерского Успенского монастыря с иеромонахом Антонием. Удивительно было слышать, как два старца, архимандрит Иоанн Крестьянкин и протоиерей Николай, одинаково открыли ему Божию волю. Позволю себе рассказать только об одном вопросе отца Антония: «Батюшка! Недавно блаженная Любушка, которая была духовной дочерью Серафима Вырицкого, преставилась. А ведь она предсказывала, что после ее смерти будет немало потрясений в стране». Долго размышлял отец Николай, а потом спросил:

«А Вы молитесь за нее?» «Да, ежедневно», — ответил Антоний. — «Так и она каждодневно молится перед Престолом Всевышнего! Умолила, чтобы не было бедствий!»

Батюшка обратился ко мне: «Передай своей родственнице: поп Николай сказал: „Не будешь ходить в церковь — ослепнешь“». Не послушала она, к сожалению, предостережения и через полгода ослепла внезапно на один глаз, а вскоре резко ухудшилось зрение другого глаза из-за глаукомы.

Старец разговаривал с нами, находясь за запертой дверью. Меня беспокоило, что я не знал, был ли крещен мой отец, который умер, когда мне было всего три месяца. Батюшка ответил утвердительно и разрешил поминать папу.

Интересно, что он спросил меня: «Ты причащаешься?» Отец Николай благословлял подходить ко Святому Причастию «по состоянию и готовности». Я ответил, что часто причащался. — «Четыре раза в год». Мне стало не по себе: значит, Господь только четыре раза принял меня, как причастника!

Я жаловался на непонимание коллег, на непочтительное отношение больных. — «Ничего. Твой труд Евангельский». «Подойдите к окошечку, мои дорогие, я вас благословлю». Мы смотрели через окно, как старец долго молился, многократно благословлял и крестил нас.

Несколько раз я привозил и подавал ему для благословения фотографии близких мне людей. Батюшка внимательно смотрел и крестил фотографию. Однажды заметил, что рядом с одним из моих родственников стоит бутылка. Действительно, тот часто выпивал.

Раба Божия Тамара приезжала к старцу Николаю за благословением на сложную операцию в брюшной полости. Женщина очень боялась предстоящей операции, поскольку у нее было наследственное тяжелое заболевание почек. Отец Николай благословил на предстоящую операцию. После операции начались осложнения, и больная впала в уныние, боялась, что старец Николай ошибся в своем решении. Однако постепенно в ходе дополнительного лечения у Тамары наступило улучшение самочувствия. Особенно разительная перемена произошла с больной после посещения монастыря святителя Тихона Задонского, где она пробыла неделю и ежедневно купалась в целебном источнике. Женщина перестала сомневаться в благословении батюшки.

На третьем десятке лет раб Божий Сергий неожиданно заболел: развилась сильнейшая дистрофия внутренних органов. Парень буквально таял на глазах, резко убавил в весе, его беспокоила страшная слабость, постоянная тошнота и частая рвота. Усилия медиков были напрасны, родители безрезультатно потратили

огромные деньги на обследования и лечение. Сергей продолжал таять, как свеча, и его близкие готовились к худшему. Знакомая монахиня предложила отвезти больного на остров к старцу Николаю. Добирались с большим трудом из-за плохого самочувствия молодого человека и различных поломок автомобиля.

Когда дошли до домика, оказалось, что батюшка не принимал, все упали духом. Однако вскоре на пороге дома показался отец Николай. Услышав от больного, что никто не мог его вылечить, батюшка участливо посмотрел на Сергея, затем легонько стукнул его по щеке и сказал: «Все пройдет». Через некоторое время еще раз стукнул больного по щеке, подергал за ухо и добавил: «Будешь здоров». Здоровье Сергея после поездки пошло на поправку.

1 мая 1998 года я спросил благословения на поездку летом на Валаам и услышал в ответ, как батюшка запел: «О, Иерусалим, Иерусалим!» (Господи! Какой Иерусалим с моей зарплатой!) Спустя две недели пришла пациентка, лечение которой я начинал еще в бытность военным врачом в госпитале. Женщина рассказала, что молилась на могиле блаженной Матроны о возвращении здоровья и услышала ответ в душе: «Ищи военного врача». Другого военного врача она не знала и разыскала меня.

Лечение оказалось долгим и трудным. Ни о каком материальном вознаграждении не было

речи. Выздоровев, пациентка вернулась, чтобы поблагодарить за помощь. Она оказалась главным бухгалтером коммерческого банка. Приветствовав меня, женщина передала небольшой сувенир и конверт с оплаченной квитанцией на паломническую поездку в Иерусалим. Мне осталось только оформить документы, и через две недели, в начале июня, я оказался на Святой Земле и на Синае.

В Горненском монастыре довелось встретиться с игуменьей Георгией, которой старец за много лет предсказал, что она будет на Святой Земле возглавлять женскую обитель. Матушка передала подарки отцу Николаю. Когда я передавал их батюшке, он пошутил: «А она на меня не обижается? Ведь это я ее из Пюхтиц на Святую Землю отправил».

Летом 1999 года отец Николай принял меня очень сурово. Отношения в семье были тяжелые, я думал о разводе. Один из известных духовников поддержал меня, сказав, что для моего спасения лучше развестись и жить раздельно. В смятенном состоянии шел я к старцу, который встретил меня у калитки. Не дожидаясь вопроса, батюшка сказал: «А ты сам виноват в отношении жены. Пожалей ее, ведь она тебя жалеет!» Вмиг наступило прозрение, вспомнились все мои прегрешения по отношению к жене, семье, сделалось нестерпимо стыдно. После этого я два дня не находил себе ме-

ста на острове, не смея показываться на глаза отцу Николаю. С тех пор я стал осторожно относиться к советам младостарцев.

По слову батюшки: «Езжай, всюду побываешь и все увидишь!» — я побывал на Святом Афоне и посетил все двадцать монастырей, множество скитов и келий.

Особо хочу подчеркнуть, что с этого момента вход во дворик старца был закрыт, но он еще имел возможность выходить к людям. Выходя из домика, батюшка полушутя бегом бежал к нам, стоявшим за калиткой. Внешне он казался отрешенным от всего земного. Чувствовалось, что между нами, грешными, и старцем было громадное расстояние. Многим, подходившим под благословение, батюшка уже не отвечал на вопросы, а только молча крестообразно елеем помазывал лоб. При этом люди чувствовали, как необходимость в расспросах исчезала. Однако, с теми, у кого, действительно, была нужда, отец Николай беседовал, отвечал им на вопросы и даже приглашал людей к себе в домик. Иногда батюшка выходил на улицу, низко кланялся паломникам и просил их еще раз приехать: «Милости просим, мои дорогие, прошу вас к нам пожаловать». Неоднократно старец по болезни никого не мог принимать, тогда приходилось писать записки. Келейницы относили их батюшке, затем передавали ответ. Он отвечал не на все вопросы,

а выборочно. Несомненно, старец Николай знал волю Божию и открывал ее в той мере, в какой считал необходимым.

На мое смущение по поводу еврейского вопроса отец Николай просто ответил: «Есть евреи, и — евреи». После этого душа примирилась: есть хорошие и есть плохие люди. Я — врач, и по молитвам батюшки, остаюсь со всеми ровен. Осталось трогательное воспоминание о том, как любимый белоснежный голубок батюшки, вспорхнув, сел мне на голову.

Последний раз при жизни старца посетил остров в декабре 2001 года, но уже увидеть его не довелось... На похоронах отца Николая многие отмечали удивительное душевное спокойствие, мир. Когда прикладывались, ручка у старца была теплая, как у живого.

Всякий раз после встречи с отцом Николаем разрешались сами собой десятки вопросов и проблем. По молитвам батюшки очищались ум и сердце. Когда я заходил в Никольский храм и прикладывался к чудотворному образу Богородицы «Благодатное Небо», душа успокаивалась, настраивалась на покаяние, забывались обиды. Это внутреннее очищение происходит при посещении и других праведников, святых мест. Надо только иметь веру и надежду на милость Божию. В самые сложные периоды жизни батюшка мне всегда говорил: «Что тебе волноваться, у тебя есть вера».

Господь в лице старца Николая явил мне образец истинного служения ближнему, указал духовный ориентир смирения и самопожертвования. Я несколько раз спрашивал батюшку, можно ли мне считать его своим духовным отцом, но он ничего не отвечал. Внутренне все-таки обращался к нему за молитвенной помощью именно как к духовному отцу. Ни на минуту не сомневаюсь, что старец имеет дерзновение молиться за Россию и за весь наш народ. Господь да сохранит всех нас молитвами старца Николая и дарует наследовать Царствие Небесное!»

Воспоминания Елены Ивановны Ядохиной

«Накануне поездки на остров мне подарили книгу отца Николая «Слово жизни», которую я восприняла как благословение батюшки. К сожалению, я не смогла подписать ее, как другие.

К старцу попала глубокой осенью, почти зимой: 5 ноября 1994 года мы с подругой выехали из Москвы и поздно вечером 6 ноября приплыли на остров. Добираться было достаточно сложно, потому что судоходный сезон к этому времени закончился. Ехали через Большую Толбу. Были заморозки, по озеру плавали огромные куски льда. Не было уверенности,

что мы сможем отплыть. Мы помолились святителю Николаю и возложили все на волю Божию. Минут через сорок пришли лодки, рыбаки захватили нас с собой. Впечатление было особенное: холодные сумерки, толстые ледяные глыбы, которые пробивал мотобот.

Храм был заперт, людей на улице не было видно, а уже наступил вечер. Дом был закрыт на замок, но во дворе стояли люди, ожидавшие отца Николая. Когда келейница пришла и отперла дверь, вначале на крыльце появился чудесный, пушистый батюшкин кот и сел на скамеечку. Вслед за ним вышел светлый, радостный батюшка и обещал всех нас принять. Медленно двигался человеческий ручеек. Картина была непривычно добра, тиха, ласкова. Казалось, мы попали в иной мир. Наконец, дошла очередь и до нас. Мы передали отцу Николаю небольшие подарки, и старец назначил беседу на следующее утро. Затем он вынес Иерусалимское масло и всех им помазал.

Ночь уже упала на остров, падал снег, было холодно, и никто не пускал на ночлег. С трудом удалось устроиться на ночь в тепле. Ночь прошла без сна. Рано утром мы в половине пятого пошли к батюшке, нас провожала кошка хозяйки. Отец Николай вышел в теплой телогрейке и был очень серьезен. Он настолько внимательно слушал, что более всего мне запомнилось батюшкино ухо, которое вобрало

в себя всю мою боль. Старец успевал ответить еще до того, как я формулировала вопрос. Отвечал батюшка на вопросы очень ясно, четко, лаконично. Благословляя, он перекрестил мои больные легкие и грудь в области сердца. После этого я пошла на поправку.

Навстречу отцу Николаю шла светская семья. Отец Николай спросил: «Ну что, приехали посмотреть на дурака? Посмотрели, ну, идите с Богом».

Молодой рыбак не вернулся с рыбной ловли, его пятеро суток не было дома. Мать пошла к отцу Николаю, и батюшка сказал, что тот жив и вернется домой. Случилось так, что именно при нас он вернулся. Обратно мы плыли на обычной маленькой лодке. Навстречу нам на остров плыли люди к отцу Николаю.

Позже мне довелось попасть к архимандриту Кириллу Павлову, и я упомянула, что была у батюшки Николая. Отец Кирилл очень ласково, тепло улыбнулся, и мне вспомнился отец Николай. Поразительно, насколько похожи старцы, объединенные любовью Божией, благодатию Святого Духа».

Воспоминания Анатолия Васильевича Кулинича

«Около девяти лет назад, в начале девяностых годов, мы решили купить небольшой до-

мик на острове Талабск. Нам очень понравилось там, для жены было особенно дорого, что рядом был батюшка. Покупка оказалась непростым делом, потому что рыбаки не хотели допускать на остров чужаков, но в конце концов все устроилось.

Сынишка был еще маленький, и стоять на богослужении ему было трудно, несколько раз он падал в обморок. Когда мы подошли к батюшке Николаю, он ласково похлопал мальчика по щекам, думаю, что молился о нем. Головокружения у Никиты прошли, и здоровье его постепенно окрепло. Отец Николай потом шутил: «Это мальчик в красной рубашечке?» Надо сказать, что я часто наблюдал, как батюшка стукал паломников по лбу, по щекам, иногда довольно сильно. По острову он не шел, а словно летал, походка у него была особенная.

Интересно, как по молитвам отца Николая наш сосед прекратил курить. Бес буквально вертел его, он мучился от болей, но курить перестал.

В последние годы, когда ухаживать за собой батюшке стало трудно, он проявил невероятное терпение и смирение. Терпеть ему приходилось многое... Когда наиболее ревностные почитатели пытались вмешаться и, по их мнению, облегчить строй его будничной жизни, он предпочитал смиряться с обстоятельствами,

принимая их как волю Божию, как свой жизненный крест. Нам, по нашей человеческой нетерпеливости, на многое смотреть было больно».

Воспоминания Анатолия и Ирины Жбановых

«Вы знаете, нас больше всего поразило огромное количество голубей во дворе батюшки. Их было очень много, и они никуда не улетали. Там чувствовалась совершенно особая атмосфера.

У меня болело горло. Когда я подошла, отец Николай благословил меня со словами: «Иди в церковь, кайся, причащайся, и Бог простит». Незаметно боль в горле утихла. Анатолию старец сказал: «Все будет хорошо, работай только больше».

Спустя год мы приехали на остров уже со своей приятельницей. Она была в брюках, с непокрытой головой, поэтому постеснялась показаться отцу Николаю и стала поодаль. Неожиданно для всех батюшка обошел народ и направился прямо к этой женщине, благословил ее и тихо что-то ей сказал.

Однажды мы с Толей приехали и вместе с большой толпой стояли, ждали, когда выйдет отец Николай. Дверь отворилась, старец вышел из домика и стремглав побежал по тро-

пинке к храму. Толпа бегом кинулась за ним. Отец Николай вбежал в храм и через некоторое время тихо вышел из него. У входа его уже ждали запыхавшиеся паломники. «Чего вы за мной бежите? Вы бы в храм так каждый день бегали, как сегодня за мной бежали».

Воспоминания священника Евгения Шестуна

«Главный совет, который я получил, и другим, наверное, через меня полезно будет знать, — о том, что через смену обстоятельств душу свою спасти бывает очень трудно. Куда Бог призвал, на этом месте нужно стоять и во славу Божию трудиться. Когда возникают какие-то нестроения в жизни, то нужно больше любить, больше смиряться, больше терпеть. И если мысль о смене обстоятельств сильно занимает, то надо гнать ее Иисусовой молитвой.

Я начал спрашивать отца Николая о конкретных делах и сразу заметил, что он в курсе моих проблем, ситуаций, связанных с моими близкими. Настолько дар рассуждения, дар духовидения велик, что он сразу начинает говорить по существу, не надо никаких подробностей. И советы оказываются такими простыми, что даже удивительно, как сам до этого не додумался. Мы пытаемся по сложному пути идти, а мудрость — в простоте...

Когда вышел он нас провожать, было время осмотреться вокруг. Удивило обилие голубей на крыше его дома и на деревьях. Отец Николай стал показывать свой садик. Подарил нам свою книжку. Я попросил, чтобы он ее подписал, а отец Николай показал на обложку, где стоит имя автора...: «Там же все написано».

Воспоминания протоиерея Валериана Кречетова

«Многое я забыл... К отцу Николаю стал ездить семь лет назад, в 1995 году. Вначале приезжал нерегулярно, по отдельным поводам. Тогда он был человек еще достижимый. В один из приездов Таня предложила причастить батюшку. Батюшка ничего не сказал. Я в следующий раз приехал со Святыми Дарами.

Отец Николай был не прост. Он не у всех причащался: скажет, что уже поел, — и все. В следующий раз я все поставил, приготовил Святые Дары на столе. Матушка Николая пошла сказать, что отец Валериан приехал его причастить. Батюшка вышел, я спросил: «Батюшка, хотите причаститься?» — «Нет, я уже поел, не буду причащаться». Матушка огорчилась, а я: «Ну, что же, батюшка, не будете, — значит, не будете, дело Ваше». Он увидел, что я со смирением, не стал настаивать, учить старца, что ему делать, и вскоре сам сказал: «Ну,

давай причастимся». Потом он меня как-то спросил: «Батюшка, а Вы будете причащаться?» — причастился и я вместе с ним. Дело в том, что молодые священники часто начинали уговаривать: «Нужно», — поучали старца. Был для меня отрадный момент, когда он тепло так спросил: «А кто это? Это наш батюшка приехал?».

До восьмидесяти семи лет отец Николай служил один, без диакона и без помогающих священников. Когда батюшка ослабел, ему трудно было чашу удерживать, а очень хотелось самому служить. Пока были силы, как можно дольше самому хотелось преподавать людям Тело и Кровь Христовы. У нас в церкви была лишняя подставочка. Таня рассказала о скорби старца, я ему эту подставочку туда и послал. Для священника самое главное — иметь возможность самому послужить. Быть может, Господь потому и сподобил меня к батюшке ездить, что когда-то я послал ему подставочку для причастия, чтобы он причащал до тех пор, пока сможет. Потом Господь сподобил меня его причащать. Это была подставка отца Сергия Орлова, в монашестве Серафима, а он, действительно, был великим старцем.

Батюшка иногда сам приобщался, иногда просил его причастить. В последний раз я его причащал, когда мы с матушкой попали в аварию. Тогда у меня второй раз повредилась рука.

Отец Николай, хоть слабенький, с любовью, еле-еле меня причастил, сам причастился, все потребил, омыл чашу, сам все вытер, чтобы мне руку не потревожить. Он знал, что у меня рука была сломана, помазал ее маслом.

В одну из поездок мы врезались в столб, машина разлетелась на три части, а мы остались живы. Разве не чудо по молитвам батюшки? Он сказал тогда: «Я всю ночь проплакал», — еще не зная о нашей аварии. Это было 4 октября 2001 года. Всего за годы общения с отцом Николаем мы потерпели четыре аварии, два раза летали в кювет.

Батюшка всем завещал: «Водку не пей, табак не кури», — и мне дал завет: «Только водку не пей». Обычно я ее в рот не беру, если только с лекарством. Однажды в Москве со знакомым врачом-хирургом мы были в бане. Он предложил попробовать хорошую водку «Русский стандарт». Быть может, граммов тридцать я выпил. Водка как водка, мне от нее всегда нехорошо. Приехал после этого причащать старца, все приготовил. Батюшка вышел: «А это что такое?» «Вот, — говорю, — батюшка, приехал причаститься». — «А я причащаться не буду». — «А почему же, батюшка? — Мне нельзя. — Почему нельзя? — Да я водки напился». — «Батюшка, простите, я не послушал Вашей заповеди».

В другой раз тот же врач уговорил меня выпить пива, раз водку не разрешили: «Приез-

жай, попаримся, я тут пиво хорошее, свежее купил». Позвонил на остров, как обычно, чтобы договориться о своем приезде, и услышал, как батюшка запел: «Приидите, пиво пием новое!..» Ну, батюшка опять меня...

В один из моих последних приездов, когда отец Николай уже почти ничего не говорил, я его посадил, поддержал. Там был раб Божий один, и я за ним послал, чтобы батюшка его благословил. Старец закрыл глаза. Когда батюшка закрывал глаза, он молился. Поразительно было: вроде бы сидит с закрытыми глазами, а потом неожиданное что-нибудь скажет. Тот раб Божий с наклоненной головой подошел, стал на колени. Он на батюшку боялся смотреть, а батюшка сидел с закрытыми глазами. Сидел-сидел, потом вдруг: «Пиво пьешь?» Тот — очень хороший человек, а пиво очень любит.

Я знал, что батюшка мог стукнуть по щеке, обычно он бил по левой. То одного похлопает по щеке, то другого. Батюшка с любовью большой это делал. Говорят, что он отгонял этим *его*. За много лет, сколько я ездил к нему, старец никогда меня ни разу не стукнул. Мне даже было грустно оттого, что он меня никогда не тронул, потому что, кого Бог любит, того и наказует... Зато потом отец Николай дал мне, как следует, да так сильно, что у меня в голове все затряслось. Ну, дождался и я... Я вроде попросил, так он и дал.

Старческое в нем было, — это несомненно. Думаю, что в отношении с паствой у него было и постоянное духовное руководство, и отдельные советы от случая к случаю. Постоянное руководство в общепринятом смысле, когда старец руководит каждым шагом, в наше время практически невозможно. Любое руководство есть водительство благодати Божией. Благодать Божия осуществляет его таинственно.

Как-то раз я поехал к батюшке, засуетился и забыл все записки, которые мне дали для него. Старец: «Ну, и хорошо, что забыл, ну, и хорошо». Потом, вернувшись, стал прощения просить у тех, кто давал записки, а у них, оказывается, само все устроилось. Господь все совершает, Господь всех ведет. Один бывает постоянно, другой время от времени попадает и тоже находится под руководством. Благодать Божия в любое время действует по молитвам старца. Совсем не обязательно постоянное частое общение. Кому что дано, в какой форме. Кому что открывается.

Быть старцем, как отец Николай, — это тяжелый крест, это непосильный крест. Тьма народа, у всех проблемы, вопросы. Причем, одни нужные, другие ненужные. Некоторые идут к старцу, чтобы с себя ответственность снять, ничего не думать. Мой папа, отец Михаил, сердился: «Что я вам, оракул, что ли?»

Например, при мне читали вопросы: «Вот, если меня выберут царем, принимать ли мне?»...

Батюшка не особенно благословлял на особые подвиги, очень редко. Пришла записка: «Благословите облететь вокруг всей России с иконой Матери Божией на самолете. И где взять деньги на это мероприятие?» Батюшка ответил на эту записку: «Украсть». Вопрос безумный. Как практически осуществить самому это мероприятие — облететь Россию вокруг военных границ на самолете...

Часто отцу Николаю приписывали различные благословения. Я никогда не слышал, чтобы батюшка при мне сказал: «Благословляю всех поститься за Россию». Я, например, возлагать на всех пост не дерзаю. Митрополит Нестор Камчатский, если на кого-то накладывал епитимью, то сам ее нес. Ты вот накладываешь на десять человек по триста поклонов, значит, клади сам по три тысячи. Святые отцы накладывали епитимью, и, зная немощь человеческую, на случай, если человек не исполнит, — за него ее исполняли.

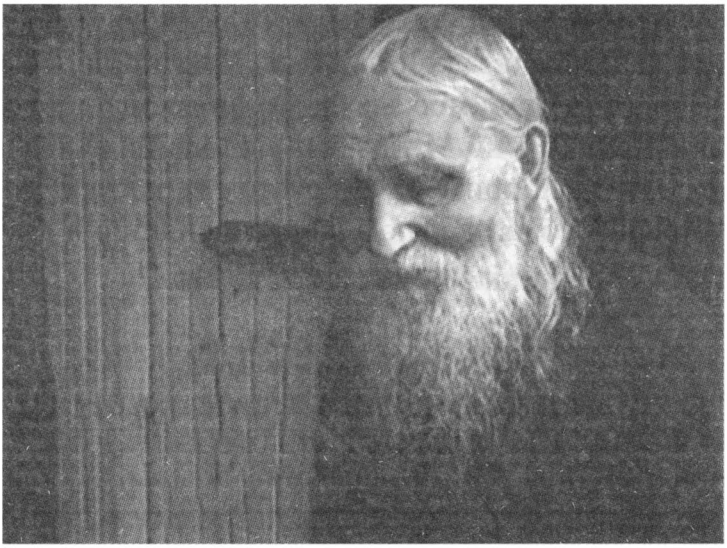
Батюшка все время повторял: «Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся...». Времена и сроки, которые Господь положил, — это не наши времена. Покойный отец Тихон Агриков говорил, что мы живем в прибавленное время.

Чрезмерное внимание к проблеме ожидания Второго Пришествия, как и все чрезмерное, уводит от настоящего, заставляет забрасывать текущие, насущные дела, делает нас пассивными. Второе Пришествие еще будет, а ты уже сейчас умираешь. Старца спрашивали о России, а он отвечал: «Россия не умирала». ***«Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь... не оставляет нас».*** Знаю, что он благословлял уезжать в провинцию, где жизнь естественнее, ближе к природе: «Да что вы в этой Москве сидите? Бегите от нее подальше».

Я обычно большей частью молчал. Когда я приезжал к батюшке, то нечего было вроде бы спрашивать. На мои вопросы он отвечал прямо, ясно. В этих поездках душа отдыхала от суеты: природа кругом, красота, покой. Больше сидел, слушал его, смотрел. Важна была возможность общаться со старцем. Главной особенностью Православия является живое преемство. Необязательно что-то расспрашивать, но просто видеть. Надо бы записывать, конечно, а я не собрался.

Почему батюшка был целибатом, — тайна за семью печатями. Государь с государыней ему являлись, это было. Но как это было... Один Господь знает.

На исповеди он и слушал, и обличал. У него был дар видения души человеческой. Колдовству и подобным вещам особого значения он



не придавал. Есть, и есть: «Ну, исцели его Бог».

К венчанию батюшка относился строго, но индивидуально. Однажды посоветовал: «Ты его не бросай, не оставляй его». Не разводил супругов, но все покрывал любовью.

Все старцы чем-то становятся похожи в конце жизни — и строгие, и мягкие, потому что объединяет всех, видимо, одно: любовь Божия. Все они перестраиваются, настраиваются на один строй. Одни могут в грубой форме разговаривать, как отец Павел Груздев, другие — иначе, но все равно глубоко чувствуется любовь, которая руководит ими. Какая бы форма ни была, за ней всегда скрывалась любовь и доброта. Сказать-то он, быть может, резко и ска-

зал, но не так сказал. Важно, каким тоном было сказано, и какой вид был у него при этом. Что-то неуловимое, неуловимая всегда доброта. Отец Сергий Мечев был молодой и вначале горячий, например. Отпечаток характера постепенно благодатию Божией меняется в другую сторону».

Воспоминания Льва, архиепископа Новгородского и Старорусского

«Я не был знаком с отцом Николаем лично, но могу засвидетельствовать его почтение к церковной иерархии. Без Епископа нет Церкви, и сейчас определенные силы всячески пытаются раскачать церковный корабль, внести смуту в среду верующих, не гнушаясь ни провокациями, ни фальсификациями фактов. Церковь взрывают изнутри, и один из способов — попытка любыми средствами скомпрометировать иерархов.

Когда один из священников, клириков нашей епархии, приехал к отцу Николаю и хотел получить у него благословение на мероприятие, которое шло вразрез с волей правящего архиерея, батюшка не принял его и ответил, чтобы священник просил прощения у Владыки и только с ним решал свои вопросы. К сожалению, это не единичный случай, когда влияние старца

люди старались использовать в своих интересах. Отец Николай был глубоко верующим человеком и понимал значение Епископа в Церкви». ***«Кому Церковь — не Мать, тому Бог — не Отец»***.

Воспоминания иерея Алексия Николина

«В первый раз я был у отца Николая около трех лет назад, в 1999 году, зимой. Шел пешком по льду Псковского озера от Большой Толбы. Когда увидел батюшку, было очень хорошо, светло, навернулись на глаза слезы. Мои вопросы касались жизни прихода. Я спрашивал, можно ли просить второго священника: «Можно, если тебе это нужно». Он говорил, чтобы все было по воле Божией.

Второй раз я был у отца Николая два года назад, тоже зимой. Меня волновали проблемы наших прихожан и нашего прихода: как им помочь решить ту или иную проблему, я просил молиться о них. Отец Николай отвечал мне всегда совершенно прямо на мои вопросы, очень четко и коротко, очень ясно и очень доходчиво. Вопросы были совершенно конкретные, поэтому были очень конкретные ответы, лаконичные.

На вопрос о влиянии злой силы батюшка ответил с удивлением и улыбкой: «А как Бог? О воле Божией забыли?»

Однажды были осложнения в человеческих отношениях, я открыл их отцу Николаю: «Враг искушает. Все устроится».

На вопрос о том, как нужно жить, отец Николай ответил: «Жить так, словно ты завтра умрешь».

Например, решая вопрос, связанный с одной женщиной, батюшка спросил: «Ей — полезно, а тебе это нужно?» Он спрашивал и заглядывал внутрь человека. Я не помню ни одного резкого ответа: все очень мягко, очень бережно. Главное — не рубить. Любовь все покроет. Все интонации, все междустрочие шло о любви. Многое воспринималось и понималось позже, во времени. Глаза у старца были добрые и одновременно строгие. Рассказывали, что во время его богослужений было ощущение сопровождения, сослужения ему кого-то.

Отец Николай благословил строить крестильный храм во имя Царственных страстотерпцев. Несмотря на сопротивления, храм стоит. Благословил строить православную начальную школу: «Хоть ползком, но начинайте». Этого я не исполнил.

24 августа у нас в субботу, как обычно, шла воскресная всенощная служба. Во время шестопсалмия мне передали записку: «Просьба молиться о здравии отца Николая». Во время Великого Славословия передали записку о упокоении... Я успел договориться о том, кто будет

служить, с кем ехать, — и мы поехали. Дорога была вначале хорошая, но у Пскова уже ничего не было видно из-за густого тумана. В воскресенье ночью добирались на катере с большим трудом, но все-таки нашли остров. Отец Валериан уже служил первую панихиду, приехав на полчаса раньше. С нами из Петербурга ехал архимандрит Гурий. Вторую и третью панихиду уже служили мы.

Тело батюшки отнесли в храм, поставили, потом снова начались панихиды, читали Евангелие. Начали прибывать люди. Причастников на воскресной литургии было немного. Потом вновь была панихида, священники читали Евангелие по три главы. Когда приехал владыка Евсевий, встал вопрос о том, чтобы везти старца хоронить во Псков. Все люди единодушно были против того, чтобы батюшку увозили. Отец Николай хотел, чтобы его похоронили на острове.

Владыка разрешил всем священникам, кто пожелал, участвовать в службе. Вечером опять было чтение, отцы читали всю ночь. В понедельник утром было сорок служащих священников, два владыки: архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий и Никон, бывший епископ Екатеринбургский на покое. Народу было уже очень много. Гроб вынесли на площадку перед входом в храм. У отца Николая было очень спокойное лицо, словно у спящего,

только гораздо строже. Ручки были мягкие и слегка прохладные.

Вначале прощалось священство, потом пошли миряне. Прибыли монахи Псково-Печерского монастыря, архимандрит Тихон Шевкунов успел к концу литургии, приехал со своим хором. Хор Сретенского монастыря пел отпевание. Они долго из-за тумана не могли попасть на остров. Когда закончилось отпевание, подняли гроб, обнесли вокруг храма с каноном «Волною морскою» и понесли на кладбище. Перед каждой улицей поднимали гроб три раза. К тому времени, как принесли гроб с телом старца на кладбище, кончилась панихида, но не сразу накрыли крышку: постоянно приходили катера, люди шли потоком, и владыки решили ждать всех. Для батюшки сделали специальный склеп, выложенный кирпичом, замуровали гроб».

Воспоминания Людмилы Алексеевны Шатровой

«Батюшка вошел в мою жизнь неожиданно. У меня умерла мама, и мне нужно было решить, как жить дальше. Когда у отца Николая в домике я попала к нему на исповедь, я говорить ничего не могла, только упала на колени и плакала. Он меня утешал: «Да все это пройдет, не плачь, все это пройдет». Ког-

да я сказала ему о смерти мамы, он отозвался сердечной болью: «Как ее звали? Как ее святое имя?» — «Валентина». Тогда батюшка встал и стал молиться за маму, мне стало легче, и я успокоилась. Он тепло меня обнял и ласково указал направление будущего пути.

Мы привезли отцу Николаю продукты, хорошую рыбу, но он сказал келейнице: «Ничего не надо, они приехали, ты им все порежь. Все им, все им, ничего мне не нужно». Он так ничего не съел, попробовал только ложечку того-другого, и все.

За столом неожиданно отец Николай меня спросил: «А ты не воровала?» Я растерялась: «Батюшка, я не помню». На обратной дороге я вспомнила, как что-то стащила во время игры, когда мне было четыре годика.

Отец Николай читал нам свои стихи, рассказывал и, повернувшись ко мне, вдруг сказал: «И нечего тебе читать всякую дурь». Нужно признаться, что, спасаясь от уныния, я время от времени читала художественные романы.

Захотелось что-нибудь спеть старцу, и мы втроем тихо спели «Апостолы от конец». Отец Николай был тронут и обещал молиться за нас. Это был настоящий народный старец. Он очень меня подкрепил и утешил своей любовью. «Все у тебя хорошо», — сказал он на прощание».

Воспоминания игумена Романа

«Однажды паломница с трудом призналась батюшке, что курила. Отец Николай указал ей на икону Страшного Суда и сказал: «Ну, что же, коль не бросить тебе курить, так и Царства-то, роднушечка, Небесного тебе не видать, а когда помрешь, вот сюда так и угодишь на вечные муки!» Потрясенная женщина в тот же день бросила курить».

Воспоминания иеромонаха Нестора (Кумыша)

«Никто доподлинно не знает, какие подвиги нес отец Николай на острове. Он скрывал это от всех, близко никого к себе не подпускал и сам за собой ухаживал, за исключением последних десяти лет, когда уже не мог этого делать. В последнее время ему очень трудно было переносить свою немощь. Видя, как старцу не только тяжело говорить, но даже сидеть, как при этом он напрягает свои последние силы, я как-то участливо сказал ему: «Батюшка, Вам бы полежать». Отец Николай, не поднимая опущенной головы, ответил: «Лежат только лентяи». В другой раз на такое же сочувственное предложение отдохнуть... он заметил: «Отдыхать — это грех».

Старец всегда был исполнен благодарной радости Господу, поэтому и в немощи нахо-

дил возможность ласковой шутки, веселости. На вопрос корреспондента о том, ощущает ли он тяжесть своих лет, он улыбнулся: ***«Мне уже девяносто. Девяносто первый. Нет... А только все хочется немножко постарше... Старик... Это когда, чтоб чего-нибудь... Да. Помоги, Господи».***

ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

❖ Одной из духовных чад батюшка говорил: «Не гаси светоч огня в сердце своем. Смотри, только в вере не поколебайся, бери ружье, иди сражайся, как на передовую. Проси: „Господи, не лиши меня разума и зрения, сохрани, Господи, от гордости, от тщеславия“. Учись слушать волю Божию. Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись».

❖ Отец Николай учил обязательно причащаться в день Ангела, в день рождения, во все посты. Остальное — по возможности, только нужно готовиться, «всуе к чаше не подходить»: «Если только мелькнет против кого-то мысль плохая, к чаше не ходи. Если в сердце даже злейшему врагу не простила, к чаше не ходи. Примирись вначале с врагом своим».

❖ Батюшка часто повторял: «Не держите на людей зла, а что вам сделано, вы об этом забудьте. Знайте только, что вы хуже всех. Что ниспослано, все от Господа во исцеление, во

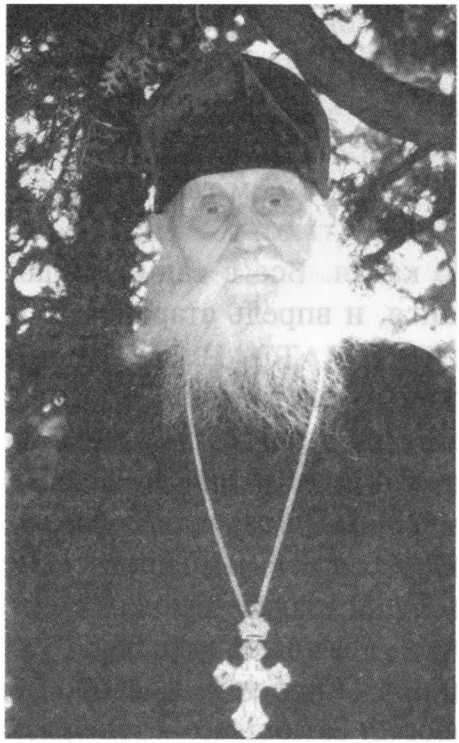
исправление. Когда на тебя неправду скажут, ты поблагодари и попроси прощения. Только тогда будет награда, когда вы не виноваты, а вас ругают. Скажи только: «Прости меня ради Христа, я еще хуже, чем ты обо мне думаешь». А когда и поругают-то, благодарите Бога, награда-то какая. Все в ваших силах. Согрешил, покайся, и впредь старайся этого не делать».

❖ Батюшка советовал: «Спросят тебя, как ты живешь, а ты перекрестись и скажи: „За все слава Богу, что Господь дал, то и приму“. О детях никому не жалуйся, кроме святых угодников и Матери Божией, и не хвались, не раздражай врага. Будет плохо — людям радостно, будет хорошо — вызовешь зависть».

❖ «Единственное тебе правило обязательное, — говорил батюшка, — это утренние, вечерние молитвы и помянник. Остальное — как хочешь и сколько хочешь. Но меньше нельзя. Это тебе будут крылышки в Царствие Небесное».

❖ Вначале батюшка благословил причащать мирян не меньше шести раз в год, то есть во все посты, в день рождения и в день Ангела. В последние годы он объяснил, что обстановка в мире изменилась, и теперь следует причащаться возможно чаще.

❖ Правил себе больших не набирай, а утренние и вечерние молитвы надо читать



обязательно, а то бывает, что не читают. Перед едой дома надо перекреститься, на работе ведь не перекрестишься, если только незаметно.

❖ Во время исповеди батюшка не разрешал говорить ни о чем постороннем, кроме грехов: «Ты перед Евангелием стоишь. Если гневаешься, посердишься на кого, вот об этом говори».

❖ Перед началом работы отец Николай учил кратко помолиться: «Господи, благосло-

ви!», в процессе работы: «Господи, помоги!», и после работы: «Слава Тебе, Господи!»

❖ Старец был противником того, чтобы христиане пили водку: «Вино сокращает жизнь».

❖ На вопрос о влиянии злой силы батюшка ответил с удивлением и улыбкой: «А как Бог? О воле Божией забыли?»

❖ Положитесь, дорогие мои, на волю Божию, и все будет так, как вам нужно.

❖ Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом.

❖ Будьте всегда радостны, и в самые тяжёлые дни вашей жизни не забывайте благодарить Бога: благодарное сердце ни в чем не нуждается.

❖ Старайся не спорить. Но за веру стой насмерть.

❖ Свет Божий не без добрых людей. И вы, в свою очередь, будьте со всеми в любви и светлой радости.

❖ Сейчас многие задаются вопросом, когда будет мир на планете, и прочее. Спрашивали об этом и у отца Николая. При мне ему задал этот вопрос один священник, который приехал с женщинами из прихода. «О каком мире вы печётесь? — в ответ спросил отец Николай. — Ты не пьёшь?» — «Нет, батюшка». — «Не куришь?» — «Нет». Батюшка пальчиком погрозил и говорит: «А вот женщины-то тебя окру-

жают, да». Тот голову наклонил. «О каком же ты мире печёшься? Пекись о своём мире душевном, вот и в мире будет порядок». Таков был ответ старца.

❖ Я спросила, спасет ли Господь Россию: «Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо».

ИСТОЧНИКИ

1. Напоминаю вам... Протоиерей Николай Гурьянов. — М., 1999.

2. Ю. Воробьевский. Путь в апокалипсис. Падут знамена ада. — М., 2000.

3. У пещер, Богом зданных. Псково-печерские подвижники благочестия XX века. — М., 1999.

4. Архимандрит Симеон (Холмогоров). Един от древних. Повесть о жизни и подвигах схиархимандрита Гавриила (Зырянова). — М., 1996.

5. Небесный ангел. Пламенный молитвенник земли Русской за весь мир. — М., 2002.

6. Иеромонах Нестор (Кумыш). Старец Николай Залитский. — СПб., 2002.

7. Слово Жизни в духовных стихах, избранных для любителей духовного пения. Собрал и составил митрофорный протоиерей Николай Гурьянов. — М., 1994.

8. Протоиерей Иоанн Миронов. Воспоминания. 2002.

9. Протоиерей Борис Николаев. Воспоминания. 1960-е годы — 2002.

10. Протоиерей Георгий Ушаков. Воспоминания. 1977–2002.

11. Зинаида Петровна Максимова. Воспоминания. 1977–2002.

12. Чудеса Царственных мучеников. Т. 2 / Сост. Прот. Александр Шаргунов. — М. – Курган, 2001.

13. Из фильма «Храм», режиссер Владимир Дьяконов. 1988.

14. Протоиерей Анатолий Малинин. Воспоминания. 1942–2002.

15. Протоиерей Владимир Попов. Воспоминания. 1973.

16. Протоиерей Олег Тэор. Воспоминания. 1970-е — 2002.

17. Екатерина Абрамовна Погребняк. Воспоминания. 1982–2002.

18. Иерей Сергий Бабурин. Воспоминания. 1985–2002.

19. Протоиерей А* из Ивановской области. Воспоминания. 1985–2002.

20. Наталья Яковлевна Величко и Николай Николаевич Лисовой. Воспоминания. 1987–2002.

21. Галина Павловна Чинякова. Воспоминания. 1988–2002.

22. Елена Ивановна Ядохина. Воспоминания. 1994–2002.

23. Анатолий Васильевич Кулинич. Воспоминания. 1993–2002.

24. Жбановы Анатолий и Ирина. Воспоминания. 1998–2002.

25. Священник Евгений Шестун. Воспоминания. 1999.

26. Протоиерей Валериан Кречетов. Воспоминания. 1995–2002.

27. Лев, Архиепископ Новгородский и Старорусский. Воспоминания. 1990-е — 2002.

28. Иерей Алексий Николин. Воспоминания. 1999–2002.

29. Людмила Алексеевна Шатрова. Воспоминания. 2002.

30. Игумен Роман. Воспоминания. 2002. — Заянский православный листок. № 10. 2002.

31. Последний земной путь величайшего старца современности протоиерея Николая Гурьянова. Талабск (остров Залит). Александро-Невские чтения. № 35. 2002.

32. Из видеофильма «Русский дом представляет: Старец Николай». 2001.

33. Любовь, ко Господу ведущая. Старец Николай Гурьянов. С.-Пб., 2007.

34. Старец протоиерей Николай Гурьянов. Жизнеописания, воспоминания, письма. С.-Пб., 2011.

35. Воспоминания о старце Николае Гурьянове. М. «Ковчег», 2010.

36. Владимир Михайлов. Отец Николай Гурьянов, как я его помню. Газета «Вера — Эском». 1 января, 2009, 1-й вып. № 579.

Русь Святая!
Храни веру Православную,
в нейже тебе утверждение.

Подписано в печать 25.07.14. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «NewtonC». Объем 9 л. Тираж 7000 экз.

Издательство «Ковчег».
Москва, Савеловский проезд, д. 8

Оптовая и розничная книжная торговля

Москва: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Книжный интернет-магазин издательства «Ковчег»:
izd-knigi.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685
Заказ № 6646